

ИВАНОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

УХОВ Артем Евгеньевич

ПРОБЛЕМАТИЗАЦИЯ ИСТИНЫ В КЛАССИЧЕСКОЙ И
НЕКЛАССИЧЕСКОЙ ЭПИСТЕМОЛОГИИ: СИСТЕМНОСТЬ И ВОПРОС О
СООТНОШЕНИИ ЗНАНИЯ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Специальность 09.00.01 – онтология и теория познания

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Научный руководитель –
кандидат философских наук,
доцент Куликова Ольга
Борисовна

Иваново

2014

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
Глава 1. ПРОБЛЕМАТИЗАЦИЯ ИСТИНЫ: КЛАССИЧЕСКИЕ И НЕКЛАССИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ В ОСМЫСЛЕНИИ ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКОГО ОСНОВАНИЯ.....	16
§ 1. Онтологический аспект истины: истина как бытие.	16
§ 2. Гносеологический аспект проблематизации истины: истина как знание	28
§ 3. Логико-методологический аспект истины	60
§ 4. Экзистенциально-антропологический аспект истины: истина как цель и результат человеческой деятельности	82
Глава 2. ИСТИНА КАК СУПЕРАТТРАКТОР В СИСТЕМЕ САМОРАЗВИВАЮЩЕГОСЯ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ.....	108
§1. Роль конвенционально-прагматического компонента в системной проблематизации истины	108
§ 2. Системно-синергетический вариант проблематизации истины .	1298
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	147
БИБЛИОГРАФИЯ.....	151

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы продиктована необходимостью дальнейшей рефлексии над понятием истины и разработки проблематизации истины как попытки переосмыслить его в свете меняющихся норм познания, в том числе научного.

В современной философии выделяются не менее пяти смыслов понятия истины: истина как действительное бытие, включающее тождество мышления и бытия; истина как характеристика содержания действительного бытия человека-в-мире; истина как ценностная универсалия; истина как характеристика знания о действительном бытии; истина как цель и смысл жизни человека. Многообразие определений истины зависит от прояснения таких понятий, как «действительность», «соответствие», «знание», «коммуникация». Отчасти это следствие двойственной природы истины: одновременно логико-методологической и экзистенциально-антропологической.

Постоянно изменяющиеся условия познания стимулируют поиск новых подходов к истине, наиболее адекватной модели ее проблематизации. Этому должна способствовать реконструкция подходов к истине в истории философии. Иными словами, проблематизация истины в современной философии неизбежно становится многовариантной, совмещающей в себе онтологический, гносеологический, аксиологический, антропо-аксиологический и телеологический аспекты.

Продолжительное время в философии советского периода под истиной подразумевался процесс и результат отражения материальной действительности в сознании и последующей проверки его на практике. Часто «отражательный подход» понимался упрощенно, что, несмотря на его универсальность и широкие возможности, обуславливало его неприятие в современной философии.

Истина является важнейшей категорией не только философии, но и науки. Современная эпистемология, одним из идеалов которой является «соотнесенность получаемых знаний об объекте не только со средствами и операциями

познавательной деятельности, но и с ценностно-целевыми структурами»¹, выдвигает требование выйти за довольно узкие рамки субъект-объектной модели интерпретации истины. Все это обуславливает необходимость новых форм проблематизации истины.

Следствием взаимодействия науки и философии на современном этапе их развития является отказ от представления действительности единственно возможным способом, когда все остальные представления отвергаются как ошибочные. Для открытой рациональности современного этапа развития философии характерно переосмысление роли истины в научном познании, возникновение установки на то, что «любое знание правдоподобно, вероятно, и степень вероятности можно измерить»².

В центре философских дискуссий оказывается принцип соотношения знания и действительности как первой и ключевой модели истины. Поднимается вопрос об отношении данного принципа к ключевым концепциям истины: корреспондентной, когерентной, прагматической, конвенциональной семантической и дефляционной, а также о взаимодействии концепций между собой.

Решение обозначенных проблем связывается с требованиями и задачами, стоящими перед современной эпистемологией: объединением классических и неклассических подходов, знания с порождающей его деятельностью субъекта, включением, тем самым, в процесс познания широкого социокультурного контекста, а также интеграцией философского понимания истины в процесс научного познания. Решение данной задачи оказывается связанным с традицией системного ее понимания, которое путем разграничения концепта, системы и субстрата позволяет эксплицировать, выявить иерархию и более глубоко изучить разнообразие составляющих структуру истины компонентов.

¹ Степин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С.635.

² Огурцов А.П. Истина, правдоподобность и пробабиллизм (часть 2) // Личность. Культура. Общество. 2009. Т.ХІ. №4. С.88.

На этапе постнеклассической науки (в классификации В.С. Степина) «все большую роль начинают играть исследования сложных развивающихся систем, которые обладают «синергетическими характеристиками» и включают в качестве своего компонента человека и его деятельность»¹. Само научное познание начинает воздействовать на представления и идеалы истинного знания. В этом плане истина может быть рассмотрена в связи с теорией саморазвивающихся систем. Такое представление может существенно помочь в решении центральной проблемы выработки современного варианта системного подхода к истине, а также открыть дополнительные возможности для применения полученных результатов в дальнейшей проблематизации истины.

Степень научной разработанности проблемы. При анализе проблемы истины, прежде всего, требуется уточнить основные термины и понятия, связанные с данной темой. Основными понятиями здесь выступают: «проблематизация», «действительность», «знание».

Понятие «проблематизации» детально разработано М. Фуко, который рассматривал ее как «общую форму для всех исследований», а также использовалась Г.П. Щедровицким, Л.А. Микешиной, в качестве некоторой методологии и логики научного поиска.

Проблема истины в истории западной мысли возникла и развивалась в русле двух разделов философии: онтологии (истина как элемент действительности) и гносеологии (понятие и проблема истины).

Неотделимость гносеологии от онтологии и, как следствие, неразвитость вопроса о соотношении знания и действительности на ранних этапах развития философии следуют из трудов Гераклита, Пифагора, Парменида. Первая форма проблематизации истины в понятиях «знание» и «действительность» появляется в трудах Платона и Аристотеля, которые дали два варианта проблематизации: опосредованное соответствие знания образу вещи через идею, и непосредственное понятийное совпадение мыслимого с объектом. Эту наиболее раннюю форму проблематизации истины исследовали В.Ф. Асмус, П.П. Гайденок, Ф.Х. Кессиди,

¹ Степин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С.104.

Ф. Коплстон, А.Ф. Лосев, Н.В. Мотрошилова. В то же время М. Хайдеггер, Р. Киркэм, А.Л. Никифоров, В.А. Лекторский и некоторые другие указывали на исходные неясность и двойственность значения понятия «соответствие» по отношению к истине.

Неоднозначность и многообразие форм действительности выявились уже в Средние века, когда в рамках проблемы универсалий и теологической доктрины происходило переосмысление форм проблематизации истины, что нашло отражение в трудах Фомы Аквинского и У. Оккама.

В философии Нового времени происходило смещение внимания исследователей с онтологии на гносеологию и методологию, в связи с чем в вопросе о «действительности» выделилось три направления: монизм (Дж. Локк), дуализм (Р. Декарт) и плюрализм (Г.В. Лейбниц).

«Гносеологизация» проблемы соотношения знания и действительности в немецкой классической философии видна из работ И. Канта и Г.В.Ф. Гегеля. В трудах этих философов «действительность» понималась принципиально по-иному, как конструируемая в сознании, в чем прослеживались черты нового, неклассического подхода к проблематизации истины.

В отечественной философии советского периода в трудах Д.П. Горского, Б.М. Кедрова, П.В. Копнина, Г.А. Курсанова, Т.Д. Левина, И.С. Нарского, Т.И. Ойзермана, Э.М. Чудинова на основе идей Ф. Энгельса и В.И. Ленина разрабатывался отражательный подход и его интерпретации. Обсуждение недостатков и достоинств принципа отражения само внесло большой вклад в разработку проблемы соотношения знания и действительности, что следует из работ П.В. Алексеева, А.А. Ивина, Э.В. Ильенкова, И.Т. Касавина, П.С. Куслия, Г.Д. Левина, В.А. Лекторского, Е.А. Мамчур, Л.А. Марковой, Л.А. Микешиной, А.Л. Никифорова, А.П. Огурцова, В.Н. Поруса, Б.И. Пружинина, В.С. Степина, В.С. Швырева и других философов. Рассмотренные работы свидетельствуют о том, что вопрос о соотношении знания и действительности является эпистемологическим основанием проблематизации истины во всех ее формах. В связи с данным вопросом в неклассической философии появляются и фигурируют

еще два аспекта проблематизации истины: логико-методологический и экзистенциально-антропологический.

В рамках логико-методологического аспекта проблема соотношения знания и действительности разрабатывалась в контексте «метафизического проекта» аналитической философии, что концептуализировалось А. Тарским, Б. Расселом, Д. Дэвидсоном. Логико-методологическое понимание истины представлено также в дефляционном подходе к истине, основоположниками которого считаются Г. Фреге, У. Рамсей. К ним косвенно примыкают Д. Дэвидсон, Х. Патнэм. Критику данного подхода осуществил Я. Хинтиikka.

В связи с кризисом логического позитивизма и «лингвистическим поворотом», а в целом, признания большой опосредующей роли факторов неэпистемического характера (метафизических предпосылок), выделился экзистенциально-антропологический аспект истины. В его рамках действительность связывалась не с объектом, но с субъектом, провозглашался «возврат к онтологии», решение проблемы о соотношения знания и действительности соединялось с проблемами интенциональности, интерпретации, подлинного бытия и жизненного мира. Последнее следует из работ Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, К.-О. Апеля и других философов. Герменевтика Г.Г. Гадамера посредством обоснования особой, текстуальной реальности, избежала необходимости прояснения вопроса о действительности физической.

Попытки совместить разнообразные варианты соотношения знания и действительности в герменевтике, феноменологии и аналитической философии при отсутствии достаточного логико-методологического обоснования, также не приводят к удовлетворительной позиции в вопросе соотношения знания и действительности. Однако эти способы проблематизации указывают на большую роль прагматического и конвенционального подходов в проблеме истины.

Прагматический подход к истине, рассматривающий любое знание как идею, возникает у Ч.С. Пирса и развивается в философии У. Джеймса, Д. Дьюи и современных философов Р. Рорти, К.П. Фейерабенда. Последние, используя

прагматический подход к истине, фактически обходят вопрос об онтологическом статусе действительности.

Конвенциональный подход к истине А. Пуанкаре находит отражение в работах К. Поппера, а также через выявление особой опосредующей роли коммуникации в работах Л. Витгенштейна. Поскольку и в прагматическом, и в конвенциональном подходах решающее значение отводится такому неэпистемическому фактору, как язык, коммуникация, для удобства дальнейшей проблематизации их целесообразно объединить в один конвенционально-прагматический подход. Тем самым все основные подходы к истине можно представить тремя инвариантами: соотношение знания и материальной действительности (корреспондентный подход), знания и феноменов сознания (когерентный подход), знания и ожидаемых результатов (конвенционально-прагматический подход).

Необходимость прояснения понятий, составляющих эпистемологическое основание истины, поиска концептуального единства в трактовках истины, проблема выработки ее модели на основе достижений современной эпистемологии является предметом внимания А.Л. Блинова, В.А. Ладова, М.В. Лебедева, П. Вейнгартнера, А.А. Горелова, А.Ф. Грязнова, А.А. Ивина, И.Т. Касавина, Р. Киркэма, В. Кунне, Л.А. Микешиной, Е.А. Мамчур, В.А. Лекторского, Д. Линча, А.Л. Никифорова, Р. Нозика, Д. Нэшера, И.Т. Касавина, Н.И. Петякшевой, В.А. Суровцева, Н.М. Смирновой, В.С. Степина, А.З. Черняка, Е.Н. Шульги, Я.В. Шрамко.

В отечественной философии последнего времени появляется ряд интересных работ, посвященных различным аспектам проблемы истины. Например, онтологический и гносеологический аспекты истины разрабатываются в работах А.А. Кузьмичевой, С.Б. Куликова, М.В. Скоробогатых, А.Б. Фирстова.

Различные восторонны логико-методологического аспекта представлены у В.Н. Данилова (дефляционные концепции истины), М.В. Скоробогатых (онтологический и логико-математический аспекты).

Проблеме обратной стороны истины – заблуждению – посвящены работы А.С. Кузнецова, В.Н. Нестеровой.

Проблемы субъективности истины и разграничению научного и ненаучного знания выражены в работах И.Б. Лимонова, Г.М. Юлимановой.

Труды Н.П. Копцевой, Р.Х. Лукмановой, М.И. Филатовой посвящены, соответственно, телеологическим аспектам проблемы истины и возможностям построения трансцендентно-имманентного единства и метаконцепции истины.

Все они, с одной стороны, способствуют многосторонней постановке проблемы истины в философии, а с другой, ведут к росту противоречащих позиций в ее решении. В связи с этим большое значение для анализа ее структуры и динамики приобретают системные методы.

Системный подход в решении проблемы соотношения знания и действительности занимает одно из центральных мест. Самые продуктивные подходы представляют параметрическая теория систем А.И. Умова и применение ее к проблемам гуманитарного научного знания И.В. Дмитриевской. Принципы системного подхода в философии получили детальную разработку также в работах А.А. Богданова, Л. фон Берталанфи, И.В. Блауберга, Л. Заде, Дж. Клира, О. Ланге, М. Месаровича, У. Росс-Эшби, В.Н. Садовского, Ю.А. Урманцева, Э.Г. Юдина.

На примере частнонаучного знания системные методы рассматриваются в контексте становления теории наследственности и изменчивости в работах Ч. Дарвина, Н.И. Вавилова, Т.Д. Лысенко, А.С. Серебровского, Ж.А. Медведева, В.Н. Сойфера, А.А. Любищева, А.Н. Марасова.

Методология системно-синергетических исследований, возможности ее междисциплинарного применения исследовались в трудах А.И. Аршинова, Б.А. Богатых, В.П. Бранского, Г.В. Буданова, К.Х. Делокарова, И.С. Добронравовой, Е.Н. Князевой, Н.В. Костюка, Г.А. Котельникова, В.Ю. Крылова, С.П. Курдюмова, Ю.И. Морозова, М.Е. Соболевой, В.С. Степина, А.З. Черняка. Благодаря этому истину возможно представить как цель и результат процесса самоорганизации научной и, шире, познавательной деятельности.

Таким образом, анализ классических и неклассических подходов к истине, выявление ее роли и места в современной эпистемологии, проблема многообразия смыслов компонентов эпистемологического основания – вопроса о соотношении онтологической модели или идеализированного объекта теории и реальности (знания и действительности) – показывают необходимость дальнейшей проблематизации истины.

В качестве объекта исследования выступает многообразие способов представления истины в философии.

Предметом исследования является вопрос о соотношении знания и действительности и его системообразующая роль в контексте проблематизации истины.

Цель диссертационного исследования состоит в комплексном анализе принципа соотношения знания и действительности как основного способа постановки и решения проблемы истины для выявления возможностей ее системной концептуализации и использования в современных эпистемологии и философии.

Задачи исследования:

– вскрыть системное эпистемологическое основание истины и возможности с его учетом синтеза ключевых концепций истины;

– обобщить все имеющиеся варианты и вывести на основе эпистемологического основания инварианты проблематизации истины;

– реконструировать и провести анализ компонентов принципа соотношения знания и действительности в классической философии с целью изучения возможностей системной проблематизации и концептуализации истины;

– используя продуктивные идеи современных направлений в эпистемологии и методологии произвести попытку углубления системной проблематизации истины на основе построения синергетической ее модели;

Методология исследования. Теоретическую основу исследования составили работы отечественных и зарубежных философов по представленной тематике, в том числе рубежа XX-XXI вв.

Методы исследования:

- рациональная реконструкция различных концепций истины в истории философии;
- сравнительный историко-философский анализ ключевых для понимания истины понятий;
- критический анализ сложившихся в эпистемологии концепций истины;
- системный и логический анализ корреспондентного, когерентного, конвенционального и прагматического подходов к истине;
- теоретическое конструирование системной модели истины;
- системно-синергетическая проблематизация истины.

В работе над диссертацией были использованы также некоторые общенаучные методы (анalogии, восхождения от абстрактного к конкретному, сравнительно-исторический).

Новизна исследования:

- установлено, что эпистемологическим основанием истины является проблема соотношения знания и действительности;
- выявлено, что существует три философско-методологических инварианта соотношения знания и действительности: соотношение знания и материальной действительности (корреспондентный подход), знания и феноменов сознания (когерентный подход), знания и ожидаемых результатов (конвенционально-прагматический подход);
- обнаружено, что в контексте решения вопроса о соотношении знания и действительности коммуникативная деятельность выступает в качестве системообразующего принципа истины;
- определено, что в рамках синергетической парадигмы истина представляет собой суператтрактор, к которому в процессе своего развития стремится система научного знания.

Положения, выносимые на защиту:

1. С учетом многообразия способов постановки проблемы истины выявлено наличие в ее концепциях некоторого эпистемологического основания, служащего

исходным пунктом для различных подходов и форм проблематизации истины – вопрос о характере взаимосвязи и способах отношения различных форм существования знания и действительности.

2. На основе анализа существующих концепций истины: корреспондентной, когерентной, семантической, дефляционных, прагматической, конвенциональной обнаруживается многообразие вариантов решения вопроса о соотношении знания и действительности, что зависит как от множества смыслов понятия «соответствие»: от «взаимосвязи» до «совпадения», «копии», так и от понимания «действительности», а также различных форм существования «знания».

3. Попытки рефлексии над истиной в эпистемологии раскрывают необходимость системного ее представления, в связи с чем выявлено, что структуру истины образуют подходы к ней, концепт составляет вопрос о соотношении знания и действительности, субстрат – многообразие способов понимания знания и действительности, а также формы их соотношения. Особое место в концепте истины отводится коммуникативной деятельности. Она рассматривается как посредник в вопросе о соотношении знания и действительности, что прослеживается в прагматистских и конструктивистских тенденциях в истолковании истины, и, прежде всего, в научном познании;

4. Применение синергетической парадигмы к анализу научного знания показывает справедливость представления системообразующего вопроса о соотношении многообразно понимаемого знания и столь же многообразно понимаемой действительности – как суператтрактора, к которому стремится открытая, иерархическая и динамическая система научного знания в процессе ее самоорганизации на пути конкуренции способов теоретического описания.

Теоретическое и практическое значение диссертации определяется актуальностью углубления понятия истины в связи с новыми достижениями в философии и науке. На основе анализа основных концепций истины показана необходимость поиска ее эпистемологического основания. Предложена модель ее теоретико-философского осмысления, обоснована необходимость разработки ее системной трактовки, в качестве чего использована методология синергетики, на

основе истории отечественной генетики показана возможность применения полученных результатов к анализу частнонаучного знания. Полученные результаты были использованы в преподавании курса философии на кафедре философии и права Вологодского государственного технического университета. Они могут быть также полезны в методологическом плане в курсах эпистемологии, философской антропологии, философии науки и т.п.

Апробация диссертации. Основные идеи и результаты исследования изложены автором в докладах и тезисах на Международных, Всероссийских и региональных конференциях: Всероссийской научной конференции студентов и аспирантов «Молодые исследователи – регионам» (Вологда, 2006, 2008); Всероссийской научной конференции «Философские вопросы естественных, технических и социально-гуманитарных наук» (Магнитогорск, 2008); Международной научной конференции «Философия ценностей: религия, право, мораль в современной России» (Курган, 2008); Всероссийской научно-технической конференции студентов и аспирантов «Вузовская наука – регионам» (Вологда, 2008); III конференции молодых ученых Северо-Запада РФ «Исследовательская культура: проблемы терминоведения» (Вологда, 2008); II Международной научно-практической конференции «Молодежь и наука – реальность и будущее» (Невинномысск, 2009); Международной научной конференции «Знание и вера» (Вторые Хайкинские чтения) (Тамбов, 2010); Международной научной конференции «Философия физики: актуальные проблемы» (Москва, 2010); VI Российском философском конгрессе (Нижний Новгород, 2012); Всеукраинской научно-практической конференции «Научный диалог «Восток-Запад» (Каменец-Подольский, 2013) и др.

Основные положения и результаты диссертации представлены в следующих опубликованных работах:

1. Ухов А.Е. Связь психического и логического в познании истины // Вестник Поморского университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». – 2008. – №13. – С.154-158. (0,3 п.л.). Статья.

2. Ухов А.Е. Представление истины как самоорганизующейся системы

знания // Вестник Российского университета Дружбы Народов. – 2008. – №4. – С.97-101. (0,3 п.л.). Статья.

3.Ухов А.Е. Предельные основания познания и проблема истины // Вестник Челябинского университета. Философия. Социология. Культурология. – Вып.11. – №11. – 2009. – С.17-20. (0,25 п.л.). Статья.

4.Ухов А.Е. Системное понимание истины и проблема искусственного интеллекта // Вестник Челябинского университета. Философия. Социология. Культурология. – Вып.12. – №18. – 2009. – С.95-99. (0,3 п.л.). Статья.

5.Ухов А.Е. Прагматистское понимание истины в философских концепциях Ч.С. Пирса и Л. Витгенштейна // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. 2011. Гуманитарные науки. №23. С.86-89. (0,3 п.л.). Статья.

6.Ухов А.Е. Истина и заблуждение в понимании человека как НОМО CONSUMENS // Философия и общество. – 2012. – №2. – С.143-158. (0,6 п.л.). Статья.

7.Ухов А.Е. Проблема понимания истины в аналитической философии // Исследовательская культура: проблемы терминоведения. Материалы III конференции молодых ученых Северо-Запада Российской Федерации / Под общей редакцией доктора экономических наук, профессора, академика РАЕН И.И. Лютовой, доктора педагогических наук, профессора Т.В. Лодкиной. – Вологда, ВИБ, 2008. – С.190-197 (0,5 п.л.). Статья.

8.Ухов А.Е. Проблема истины в гуманитарных науках // Вузовская наука – региону: Материалы 6-й Всероссийской научно-технической конференции. – Вологда: ВоГТУ, 2008. – Т.1. – С.514-515 (0,1 п.л.). Тезисы.

9.Ухов А.Е. Проблема понятия истины с позиций системного подхода // Философские вопросы естественных, технических и гуманитарных наук: сборник статей Всероссийской научной конференции / под ред. Е. В. Дегтярева, Д. А. Теплых. – Магнитогорск: МаГУ, 2008. – Вып. 3. – Т. 1. – 202 с. – С.76-79 (0,2 п.л.). Статья.

10.Ухов А.Е. Роль ценностей в постнеклассическом понимании истины // Философия ценностей. Материалы IV международной научной конференции. – Курган: Курганский государственный университет, 2008. – 194с. – С.17-18 (0,1 п.л.).

Тезисы.

11. Ухов А.Е. Понимание истины как согласованности субъективных познавательных структур с окружающей средой // Молодежь и наука – реальность и будущее: Материалы II Международной научно-практической конференции (г. Невинномысск, 3 марта 2009) / редкол.: В.А. Кузьмищев, О.А. Мазур, Т.Н. Рябченко, А.А. Шатохин: в 9 томах. – Невинномысск: НИЭУП, 2009. – Том. III: История. Политология. Социология. Философия. – 2009. – 434с. – С.427-428 (0,1 п.л.). Тезисы.

12. Ухов А.Е. Проблема истины в дискуссии А.А. Богданова и В.И. Ленина // Знание и вера (Вторые Хайкинские чтения): материалы Междунар. науч. конф. 20-21 нояб. 2009 г. / отв. ред.: Н.В. Медведев, Н.М. Аверин; Федеральное агентство по образованию, ГОУ ВПО «Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина», Тамбовское отделение РФО. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2010. 255 с. С.114-118 (0,3). Статья.

13. Ухов А.Е. Математика, физика и проблема истины // Философия физики: актуальные проблемы. Материалы научной конференции 17-18 июня 2010 года. – М.: ЛЕНАНД, 2010. – 400с. – С.157-160 (0,2). Тезисы.

14. Ухов А.Е. Когерентная концепция истины Брэнда Бланшара // Философия в современном мире: диалог мировоззрений: Материалы VI Российского философского конгресса (Нижний Новгород, 27-30 июня 2012 г.). В 3 томах. Т. II. – С.115 (0,1). Тезисы.

15. Ухов А.Е. Системный подход А. И. Умова и представление истины как системы // Науковий діалог «Схід-Захід». Матер. всеукр. наук. конфер. з міжнар. участю. (м. Кам'янець-Подільський, 10 липня 2013 р.): у 4-х частинах. – Д.: ТОВ «Інновація», 2013. – ч. 1. – 208 с. – С.148-151(0,2). Тезисы.

Глава 1. ПРОБЛЕМАТИЗАЦИЯ ИСТИНЫ: КЛАССИЧЕСКИЕ И НЕКЛАССИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ В ОСМЫСЛЕНИИ ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКОГО ОСНОВАНИЯ

§ 1. Онтологический аспект истины: истина как бытие.

Вопрос о проблематизации – достаточно сложный. Проблематизация – это новый способ изучения интересующего ученого объекта. В самом общем виде этим термином обозначается способ постановки и исследования научной или философской проблемы, тогда как сама проблема – вопрос, имеющий большое теоретическое или практическое значение и требующий своего разрешения.

Проблематизация, по словам Фуко, – не презентация, представление объекта в том виде, как он существует, и не репрезентация, конструкция несуществующего объекта научными средствами (дискурс). Проблематизация – это «совокупность дискурсивных и недискурсивных практик, вводящих нечто в игру истинного и ложного и конституирующих эту игру в качестве объекта мысли (будь то в форме морального размышления, научного познания, политического анализа и т.д.)»¹. Проблематизация отождествляется у Фуко с мышлением.

Предполагая превращение социокультурного объекта в предмет рефлексии и рационального осмысления, проблематизация диктует пересмотр сложившихся образцов исследовательской деятельности. В этом смысле работа ученого состоит не в наставлении других, а в том, чтобы с помощью анализа, который он производит в своих областях, «заново вопрошать очевидности и постулаты, сотрясать привычки и способы действия и мысли, рассеивать то, что принято в качестве известного, заново переоценивать правила и установления...»². Исследователь анализирует не окружающую действительность, в том виде, как она есть (классическая философия) и даже не с поправкой на субъективность человеческих ощущений или способов познания (неклассическая философия).

¹ Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996. С.312.

² Там же. С.323.

Главная его задача – анализ проблематизаций, «через которые бытие дается как то, что может и должно быть помыслено, а также – *практики*, исходя из которых эти проблематизации формируются»¹. Ученый может изучать не саму действительность, а лишь те условия проблематизации, в которых человек живет, в которых проявляется его активность.

Проблематизация, как культурный процесс имеет место тогда, когда «привычная сфера культурного обихода, не выступавшая доселе предметом размышлений для носителя соответствующей культурной традиции, вдруг начинает (внутри этой традиции) составлять для субъекта проблему, заставляя его задаваться вопросами и терзаться сомнениями – как с точки зрения правомерности (или неправомерности?) определенных стереотипов поведения, так и с точки зрения практикования тех или иных (тех – или иных?) технологий»².

По словам М.В. Скоробогатых, несмотря на многообразие имеющихся подходов к истине, «удовлетворительного критерия истины не существует»³. Это может говорить о том, что в изучении истины необходимо применить нетрадиционные методологические установки и исследовательские нормы. Итак, проблематизация истины – это попытка обобщить и концептуализировать традиционные и новые способы постановки и решения проблемы истины, преодолеть так называемый нормативный подход, то есть предписывающий «определенное поведение познающему субъекту»⁴, ориентирующий на сравнение с предполагаемым идеалом познания, нормой.

Наиболее древним идеалом, вместе с тем первой формой проблематизации истины, является принцип соответствия знания действительности. Данный

¹ Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / Мишель Фуко. М.: Касталь, 1996. С.282.

² Постмодернизм. Энциклопедия / под ред. А.А. Грицанова, М.А. Можейко. Минск.: Интерпрессервис; Книжный Дом. 2001. С.633.

³ Скоробогатых М.В. Анализ концепций истины: гносеологические и логико-математические аспекты: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01. Магнитогорск, 2006. С.14.

⁴ Касавин И.Т. Истина: вечная тема и современные вызовы // Эпистемология и философия науки. 2009. т. XX. №2. С.10.

принцип содержит такие философские категории, как «знание» и «действительность», которые требуют своего прояснения и экспликации с точки зрения реконструкции основных философских подходов к истине. Это актуально в связи с тем, что, по словам А.Б. Фирстова, «единство и многообразие понятия истины обусловлено ее теснейшей связью с видением и пониманием проблемы бытия» таким образом, что «от того, что в данной философской проблеме понимается под бытием, зависит и содержание понятия истины»¹.

В период перехода от мифа к Логосу и зарождения первых философских идей истина представлялась разумным выражением первоосновы мира, а приобщение к ней не зависело от личных качеств индивида. Познание не ассоциировалось с противопоставлением познающего субъекта природе (как в новоевропейской философской традиции), так как не существовало еще гносеологической проблематики в философии, в рамках которой можно было бы поставить проблему истины. Однако, по мнению А.П. Огурцова, уже в античной мифологии начала складываться модель постановки проблемы истины, когда истина – это еще «не соответствие человеческого опыта некоей вещи, а, наоборот, адекватность воплощений божества в вещи, вещание вещью»².

Открытие отличия между мышлением познающего субъекта и внесубъектным бытием послужило первым шагом к постановке проблемы истины. Примерно тогда же наметился и первый критерий истины – принцип соответствия между знанием субъекта и объективной действительностью. При этом познаваемая действительность как бы раздваивалась на мир реальный, физический, и мир идеальный, воспроизводимый в научных фактах, гипотезах, теориях, что обусловило два основных аспекта этой проблемы: онтологический и гносеологический. Первые признаки возникновения указанной проблемы можно

¹Фирстов А.Б. Анализ концепций истины: гносеологические и логико-математические аспекты: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01 / Фирстов Андрей Борисович. Уфа, 2010. С.139.

² Огурцов А.П. Истина, правдоподобность и пробабиллизм (часть 1) // Личность. Культура. Общество. 2009. Т.ХІ. №3. С.124.

обнаружить уже в представлениях о космическом единстве истины и бытия у Гераклита.

Не разделяя еще понятия «слово», «мудрость», «истина», Гераклит использует их для характеристики познания в равной степени. Несмотря на то, что в основе познания лежат ощущения, к мудрости, истине приводит, согласно Гераклиту, только мышление. По его мнению, «мышление – великое достоинство, и мудрость состоит в том, чтобы говорить истинное и чтобы, прислушиваясь к природе, поступать с ней сообразно»¹. При этом нужно отметить, что мышление в представлениях Гераклита еще не носило самостоятельного характера, а истина ассоциировалась, скорее всего, с Логосом, законом мироздания.

Сам Логос в понимании Гераклита определялся как универсальный всеобщий закон Вселенной, согласно которому «все совершается», замысел, устроивший все через все, «общий и божественный разум, через участие в котором мы становимся разумными»². В соответствии с этим законом, все вещи находятся в состоянии постоянной борьбы и претерпевают непрерывное изменение и развитие. Если «следовать всеобщему»³, Логосу, то перед человеком открывается истина бытия, действительность как она есть, не замутненная мнениями и предрассудками людей. Однако поскольку все вещи претерпевают изменения, мы не можем получить о них достоверного знания. Тем не менее нормативная заданность представлений об истине в ее связи с действительностью Гераклита трансформируется в идее числа в философии Пифагора и пифагорейцев.

Отождествляя сакральное и научное, Пифагор учил, что «счастье (эвдемония) заключается в знании совершенства чисел»⁴. Число являлось для пифагорейцев первоосновой мира, что выражалось в соотношении граней и углов в циклических геометрических фигурах как элементах материи. По словам

¹ Материалисты Древней Греции. М.: Госполитиздат, 1955. С.51.

² Там же. С.41.

³ Там же.

⁴ Фрагменты ранних греческих философов. Часть 1. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. М.: Наука, 1989. С.148.

Пифагора, «числу все вещи подобны»¹. Хотя числа не являлись непосредственно данными предметами природы, они оставались тесно связанными с объектами предметного мира началами, определяющими беспредельную и неопределенную материю. Таким образом, в какой-то степени они имели онтологический статус.

Число, согласно представлениям Пифагора, как бы переводило внесубъектные онтологические объекты в гносеологически приемлемую форму, что создавало в совокупности с математическими соотношениями и правилами особую формализованную действительность. В этой действительности истина меняла свои онтологические качества, становилась достижимой с помощью рациональных методов познания. Она как бы отделялась от внесубъектной физической действительности, но одновременно сохраняла свои объективные черты. В представлениях формализованной действительности пифагорейцев намечалось такое понимание истины, которое не зависело от чувственного восприятия, так как сами представления становились сообразными с математическими аксиомами и теориями. С помощью подобной сообразности Пифагор и его последователи стремились «понять сущность мироздания», объяснить любой аспект действительности. Этой же цели послужило развитие и совершенствование в рамках философии Пифагора и его последователей соответствующего математического аппарата, что проявилось в систематизации пифагорейцами знаний о числе, создании арифметики как особой науки, выявляющей количественную основу явлений природы.

Проблема истины, таким образом, оказывалась неразрывно связанной с анализом самого познания. Однако познание еще не выступало в качестве специфической человеческой деятельности по добыванию истинного знания. Достижение истины связывалось не с качествами субъекта, но с правильным определением объекта – внесубъектной действительности. По этому пути шли и представители элейской школы философии античности.

¹ Фрагменты ранних греческих философов. Часть 1. С.149.

Разделяя знание на «путь истины» и «путь мнения», Парменид в качестве критерия «пути истины» признавал разум, так как «ощущения ложны»¹. Продуктом деятельности разума являлись понятия – объекты, которые выходили у элейцев за рамки наличного бытия, Космоса, а значит, не подчинялись его законам. В связи с этим, для познания устройства неподвижного бытия Парменид пытался выявить объективные закономерности в сфере не объективного бытия, а человеческого мышления, когда мысль представляла собой проекцию объектов действительности в понятийной форме: «одно и то же есть мысль и бытие»². «Путь истины», следование законам мышления, усмотрение истины субъектом как бы извне, со стороны, требовали разработки нового понимания процесса познания как соотношения знания и действительности. Последняя уже со времен первых философов мыслилась по-разному, что способствовало появлению многообразных трактовок познания и истины. Так, уже у Платона можно обнаружить в понимании истины три принципа, позднее составивших наиболее важные ее концепции.

Центральным в понимании истины Платоном выступает понятие идеи. При помощи идей сам мир материальных предметов у него предстает структурированным. Идеи в концепции Платона имеют пять значений: идея как смысл вещи, идея как «цельность всех отдельных частей и проявлений вещи», идея как общность составляющих особенностей и единичностей вещи, идея как нечто невещественное, идея как идеальная вещь, субстанция. Идеи, с одной стороны, нематериальны и умопостигаемы, а с другой, отсылают к миру материального, указывают на реальное существование вещей.

Постижение идеи реальных вещей происходит с помощью разума, а материальное подобие идей познается нами посредством ощущений и восприятий, «вещи приобщаются к идеям не посредством подобия»³, но через

¹ Фрагменты ранних греческих философов. Часть 1. С.284.

² Там же. С.287.

³ Платон Сочинения в четырех томах. Т. 2. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та; Изд-во Олега Абышко, 2006. С.424.

земное познание душой идей, как более фундаментальных, в отличие от вещей, сущностей.

Идеи у Платона являлись как бы посредниками между нашим знанием и действительностью, отражаемой в этом знании. Разнообразие понимания идеи следовало из попытки Платона более глубокой рефлексии над проблемой соотношения знания и действительности, что повлекло возникновение одной из первых трактовок истины.

Идея, *eidos*, присутствуя во всех предметах материального мира, в понимании Платона, если так можно сказать, более онтологична, чем материя, *hyle*. Идея существует независимо как от материи, так и от познавательной способности субъекта, она может составлять «смысл вещи», быть «цельностью составляющих ее частей, неделимой на эти части», «законом»¹ для образования отдельных понятий. Материю мы способны лишь ощущать и воспринимать, но идеи, являясь мостом между миром материи и сознанием (душой) субъекта, посредником между знанием и действительностью, составляют сущность нашего сознания. Идеи умопостигаемы: они помогают сознать, общаться с вещью, пользоваться ею, переделывать ее – они образуют, тем самым, особый мир идей. Таким образом, в концепции истины Платона можно различить три формы действительности: мир вещей, действительность нашего сознания, и мир идей. При этом истина находится за пределами нашего сознания.

Познание мыслится Платоном как диалог между идеей объекта и душой субъекта. Однако он вовсе не утверждает, что истина в форме идеи содержится прямо в нашей душе в неявном виде. Результатом познания, согласно Платону, является отпечаток идеи в душе. Материальный, «земной» характер взаимодействия идеи и души у Платона сближает получаемое знание и познаваемую действительность, между ними устанавливается соответствие. У Платона это положение закрепляется в правиле: «тот, кто говорит о вещах в

¹ Лосев А.Ф., Тахо-Годи А.А. Платон. М.: Дет. лит., 1977. С.116-117.

соответствии с тем, каковы они есть, говорит истину, тот же, кто говорит о них иначе, лжет»¹.

Наличие кроме критерия соответствия еще двух других критериев – согласованности знания и его полезности – раскрывается в диалоге «Менон». В отношении познания Платон выделяет две формы знания: истинные мнения (δόξα ἀληθής) и знание (ἐπιστήμη). Для него «знание ценнее правильного мнения и отличается от правильного мнения тем, что оно связано»² суждениями о причинах, которые трансформируют непостоянные мнения в знание. Таким образом, наряду с совпадением (корреспонденцией) Платон выдвигает требование взаимосвязи (когеренции) получаемого знания и действительности. Все не удовлетворяющие этим требованиям знания Платон относит к мнениям толпы, не имеющим с истиной ничего общего.

Рассуждения Платона о «правильном мнении» затрагивает еще один важный аспект понимания истины – конвенционально-прагматический. Последний в форме мнения играл ключевую роль в учении софистов. Хорошо аргументированное мнение ценилось больше, чем непредвзятое знание о действительности. Поэтому Платон подвергает такого рода знание обоснованной критике. «Но не самое ли это позорное невежество – думать, что знаешь то, чего не знаешь?»³, – вопрошает в связи с этим платоновский Сократ.

Знание для человека, закованного в оковы своих органов чувств, следуя мысли Платона – это только «тени проносимых мимо них предметов»⁴. Ничего более истинного человек познать не в состоянии. В силу этой ограниченности человеческое знание в своей сущности является только отпечатком с предметов, получаемых с помощью неточных ощущений. В то же время, Платон стремится показать, что есть знание, более точное, чем «тени», образцом чего послужила для него математика, которая свободна от «оков» чувственных ощущений. Получаемое в результате знание можно назвать синтезом двух критериев: быть

¹ Платон Сочинения в четырех томах. Т. 1. С.426.

² Там же. С. 417.

³ Там же. С.100.

⁴ Там же. Т. 3. С.350.

«тенью» действительности (онтологический аспект), и быть взаимосвязанным с другим имеющимся знанием (гносеологический аспект). Тем самым, для Платона истина принадлежит идеальному миру идей, а то, что мы имеем – это знание о вещах, только приближенных к идеям этих вещей.

Неразделимость онтологического и гносеологического аспектов истины, как подлинной «несокрытости», особо подчеркивалась М. Хайдеггером.

Подход к истине Хайдеггера часто интерпретируют как онтологический в его противопоставлении гносеологическому подходу европейской классической философии. Однако смысл «онтологический» не отображает всего смысла, который Хайдеггер вкладывает в понятие истины. Как верно замечает Н.П. Копцева, «истина в его философии становится не просто онтологическим, а экзистенциально-личностным понятием»¹. Истина – это не логическая или методологическая процедура, но – «несокрытость бытия» (именно в этом, по Хайдеггеру, смысл древнегреческого понятия «алетейя»). Истина не познается человеком, но человек находится в ней, когда его существование подлинно (Dasein – еще одно понятие, но уже чисто хайдеггеровское, означающее приблизительно «подлинное бытие», когда человек переживает себя как неповторимую индивидуальность).

Обнаруживая ограниченность классических феноменологических оснований, полагая, что истина принадлежит самому бытию, а не только является категорией сферы познания, Хайдеггер обращает внимание на различное понимание действительности уже со времен античной классики. Действительность у Хайдеггера мыслилась в двух планах: как вопрошание о «фюсисе» – о сущем в целом, природе, а познание действительности – как вопрошание о бытии, существе вещи, «усии»².

Раздвоенность действительности определяет и двойственность понимания истины в науке. Согласно Хайдеггеру, следует отличать «совпадение истины с

¹ Копцева Н.П. Проблема истины в философском познании: дис. ... докт. филос. наук: 09.00.01 / Копцева Наталья Петровна. Иркутск, 2000. С.349.

² Хайдеггер М. Что такое метафизика? М.: Академический Проект, 2007. С.126.

тем, что о ней мыслилось раньше» от «совпадения мыслимого в высказывании с вещью»¹. Указанная двойственность свойственна традиционному определению истины в понятиях латинского языка: *veritas est adaequatio rei et intellectus*, при котором истина может пониматься и как «приравнение вещи к познанию», и как «приравнение познания к вещи»². В любом случае это доказывает сложный характер истины, необходимость мыслить истину в некотором единстве ее критериев, либо даже концепций. Так, согласно Хайдеггеру, «подлинное философствование ставит вопрос о «фюсис» в этом двойном значении: о самом сущем и о бытии»³, таким образом, проект фундаментальной онтологии Хайдеггера ставит понимание бытия, действительности, в зависимость от способа интерпретации субъекта. То есть целостный подход к истине должен соответствовать большинству имеющихся концепций и должен достигаться на уровне научной коммуникации – эта мысль служит своеобразным продолжением идей Канта.

Выявляя два понимания истины, Хайдеггер привносит иную, неклассическую традицию в понимание истины. Классическая традиция трактовала истину как отношение между высказыванием и действительностью, как свойство высказывания. Такое понимание апеллировало к сфере познания и носило трансцендентный характер. Философ обращается к синкретизму античной философии, к платоновскому пониманию истины как непотаенности, *ἀλήθεια*. В таком понимании истина уже соотносится с самим бытием, имманентна ему, истина сама является бытием. Как пишет Хайдеггер, «Истинным мы называем не только все сущее, но истинным или ложным мы называем прежде всего наши высказывания о сущем»⁴. Понимание истины Хайдеггером связывается не с самой вещью, оно обусловлено той связью, которая присутствует между высказыванием и вещью. Именно эта связь и придает истине онтологический характер,

¹ Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. Сборник. М.: Высш. шк., 1991. С.10.

² Там же. С.11.

³ Хайдеггер М. Что такое метафизика? С.127.

⁴ Там же. С.10.

неразрывность представления и вещи, знания и действительности.

Кроме Хайдеггера онтологический аспект находится в центре внимания современных философских направлений, объединенных названием постмодернизм. Несмотря на то, что сам термин «онтология», равно как и остальные классические понятия отвергались ввиду непригодности для выражения действительности, в целом это направление следовало пути «возврата к онтологии». Однако не по пути деструкции, но – «деконструкции» классических форм и методологии философского дискурса.

В основе онтологического понимания истины в постмодернизме находится идея возврата к синкретизму, неразделенности философского предмета на онтологический, гносеологический и т.п. аспекты. Это связано с выдвигаемым тезисом «смерти автора», элиминации субъекта, а тем самым, разрушения классической схемы субъектно-объектных отношений. Отсутствующего субъекта заменяют разнообразные безличные структуры, например, желание или вера. Желание, согласно Делезу, «внутренняя каузальность образа, относящаяся к существованию объекта или соответствующего положения вещей»¹.

Вопрос о действительности решается тем же способом: вместо понятия «бытие», «действительность» используется понятие «смысл» (Делез) или «присутствие» (Деррида). Смысл – это «и выражаемое, то есть выраженное предложением, и атрибут положения вещей»², «событие, которое не смешивается со своим пространственно-временным осуществлением в состоянии вещей»³. Смысл, событие – самодостаточные понятия. Они находятся как бы между «вещей» и «предложений», но не смешиваются с ними.

Деррида отмечает, что «все метафизические определения истины... так или иначе оказываются неотделимы от логоса и от разума как от наследника логоса»⁴, который, в свою очередь, неразрывно связан со звуком *phone*. Развитие западной культуры связывается с понятием «этноцентризма» и «логоцентризма», когда

¹ Делез Ж. Логика смысла. М.: Академический проект, 2011. С.31.

² Там же. С.36.

³ Там же.

⁴ Деррида Ж. О грамматологии. М.: Ad Marginem, 2000. С.125.

утверждается происхождение письма и, в целом, языка, из речи. По Деррида, существуют некоторые виды «протописьма», к которому и должна вести деконструкция классических понятий. В результате деконструкции, фактически создания новой понятийной системы, должно произойти освобождение означающего от логоса и связанного с ним догматически выражаемого, самотождественного понятия «истины», должна осознаться процессуальность истины.

Вместо оппозиции субъект-объект возникает новая оппозиция – означаемое-означающее. Поскольку для Деррида мир есть текст, «знаково-символьная среда», «познание» заменяется на «различение» смыслов. Деррида критикует традицию познания как отождествления знака означаемого и смысла означающего. Это совпадение – принцип систематического мышления, от которого необходимо освободиться. «Тождеству», «присутствию», которые обозначали в классическом логоцентризме «наличное бытие», совпадение означаемого и означающего, Деррида противопоставляет понятие «различАние» (DifferАnce). Difference – это «онтически-онтологическое различие»¹. Смысл знака – это отличие друг от друга означающих.

Критерием различения смыслов, а вместе с тем критерием «истины» для постмодернизма является нонсенс, противоречие, абсурд, которые противопоставляются законам классической логики. Нонсенс – это «то, что не имеет смысла, но также и то, что противоположно отсутствию последнего, что само по себе дарует смысл»². Отсюда вытекает и «методология» постмодернизма.

Задача исследователя – его описание, постмодернизм лишен стремления к исследованию глубинных проблем и процессов бытия. Бытие, согласно Ж. Делезу, это «возвращение», «освобожденное от кривизны круга, это повторение»³. Поверхностное, но синтетическое отражение мира суть человеческого сознания. Мир нужно не понимать, но – принимать.

¹ Деррида Ж. О грамматологии. С.140.

² Делез Ж. Логика смысла. М.: Академический проект, 2011. С.103.

³ Там же. С.467.

Постмодернисты своеобразно понимали задачу философии, которая состоит не в том, чтобы отражать, рефлексировать наличное бытие, но – созидать новые понятия, обозначающие не существующие объекты, а те, которые еще только должны стать объектами действительности. Философы, а вместе с ними художники и писатели должны стать «врачами цивилизации», которые группируют разделенные до этого симптомы «болезней бытия», составляя «клиническую картину» современности, чтобы излечить философию, как часть культуры больного общества. Элиминация субъекта, сосредоточение на объекте, действительности, трактуемой в новых формах – это еще одна попытка отождествить истину и бытие, выявить бытие истины.

Если в классической философии истина в онтологическом аспекте понималась как отпечаток образа предмета в душе, а в неклассической как двойное соответствие в рамках системы высказываний и высказывания и вещи, то в постмодернистской трактовке меняется лишь форма («различение смыслов»), в сущности, сохраняя исходное значение принципа соотношения знания и действительности.

Таким образом, анализ онтологического аспекта проблематизации истины показывает, в каком бы контексте ни происходило исследование истины, какой бы подход ни выдвигался, существует некоторый инвариант содержания истины, который при изменении содержания по форме остается постоянным. Используя классические понятия, его можно представить как вопрос об отношении знания и действительности.

§ 2. Гносеологический аспект проблематизации истины: истина как знание

Дальнейшее развитие западноевропейской философии пошло по пути «гносеологизации» истины, когда «анализ понятия и проблемы истины стал

основной задачей теории познания, логики и методологии»¹. Онтологический аспект, выявившийся в античной классике, не получил своего развития. В контексте гносеологического аспекта впервые анализ истины произвел Аристотель.

Аристотель, как известно, обнаруживал порочный круг рассуждений в концепции эйдосов как идей Платона. В противоположность бесконечному числу «идеальных миров», логически следующих из концепции Платона, Аристотель выдвигает тезис «ничто не возникает из не сущего, а все – из сущего»². Мир един, а знание о нем – это «отпечаток» не идеи в душе, а «формы» реальных вещей в сознании. Согласно Аристотелю, все знание, имеющееся у человека, приобретено в процессе жизнедеятельности, пишется на «восковой дощечке», представляет собой понятие «материи».

Соответственно, для того, чтобы получить знание о формах и материи, Аристотелю было необходимо учение о способах и приемах познавательной деятельности. Это учение, подобно Платону, у Аристотеля также должно быть связано с человеческой способностью мыслить, рассуждать.

Истинным или ложным может быть только высказывание, «речь», то есть умозаключение, которое «строится из истинных и первых [положений] или из таких, знание о которых берет свое начало от тех или иных первых и истинных [положений]»³. Соответственно, истина принадлежит не миру физической действительности, но миру идеальных вещей – сфере языка. Трансформируя идеальное понятие эйдоса в категорию формы, Аристотель противопоставляет последней категорию содержания, или материи (υλη). Содержание и форма, будучи для него принципами существования вещей, обладали предметным смыслом и объективным значением идей-эйдосов Платона. В этих и других

¹ Куликов С.Б. Онтологические предпосылки смысловых вариаций понятия истины: на материале западной философии: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01. Томск, 2004. С.4.

² Аристотель. Сочинения в 4-х т. Т.1. М.: Мысль, 1975. С.281.

³ Там же. Т.2. С.349.

категориях идеальная и материальная действительности совпадали, соответствовали друг другу.

О роли логики в понимании истины Аристотелем свидетельствует то, что ей отводилось место метанауки, методами которой надлежит обосновывать полученное знание. Однако это не значит, что Аристотель придерживался принципа самосогласованности (когеренции) знания, который, переформулируя условия истинности, не нуждается в наличии «внешнего», действительного мира в совокупности его свойств. Позиция Аристотеля относительно истины объединяет «физику», познание вещей единичных, воспринимаемых чувствами, сложных по своему составу, с «логикой», в которой происходит познание вещей «первых по природе», менее понятных для нас, но более близких к фундаментальным основам бытия. Об этом говорит и его концепция гилозоизма, «одушевленной материи».

Знание, соответствующее действительности, укладывается для Аристотеля в достаточно строгие и объективные логические категории, которые строились на предпосылке о совпадении суждений с действительностью. Соответственно этой задаче Аристотель определял и истину: «...Говорить о сущем, что его нет, или о не-сущем, что оно есть, – значит говорить ложное; а говорить, что сущее есть и не-сущее не есть, – значит говорить истинное»¹. В такой формулировке Аристотеля каждое высказывание оказывалось соотнесенным (предпосланным) с определенным положением дел. Если состояние дел, которое выражает взаимосвязь, достигалось, то имела место и истинность утверждения; в противном случае утверждение о действительности было ложным. При этом в концепции Аристотеля не предусматривалась возможность промежуточных состояний истинности, степеней соответствия, в смысле Платона.

Таким образом, концепция Аристотеля явилась одной из первых попыток определения истины через принцип соответствия знания действительности. Корреспондентное понимание истины у Аристотеля носило неоднозначный

¹ Аристотель. Сочинения в 4-х т. Т.1. С.141.

характер. Поэтому корректнее говорить не о «соответствии», а о «соотношении» различных форм знания с многообразными формами действительности.

Основным вопросом в такой постановке проблемы на этапе античной философии являлся вопрос о том, что такое «действительность» и как она выражается в знании. Отвергая любых посредников в процессе «соответствия» действительности, путем формализации действительности Аристотель попытался избавиться от лишних опосредующих это соответствие сущностей. Истина для него – реализованная в понятиях действительность. На этом этапе проблематизации истины отчетливо обозначились два аспекта: онтологический (проблематизация истины) и гносеологический (проблематизация идеи истины), возникла проблема их разделения. Эту проблему решал следующий, этап средневековой философии.

Уже в античности выявился сложный, многозначный характер истины. Если в истоках теории познания находилось представление об истине как многообразии форм действительности, что проявлялось в многовариантности осуществления познавательной способности человека к миру, то в Средние века ввиду конкуренции между рациональным знанием и истиной божественного откровения понятие действительности еще более усложняется.

Если соответствие единичных имен вещам действительности не вызывало возражений, то вопрос об объекте, которому предположительно должны соответствовать общие имена (например, «дом» или «человек», не говоря о понятии «Бог») вызвал полемику и выделение позиций номинализма, реализма и концептуализма. Важнейшим различием идей концептуализма и номинализма явилась позиция о реальном существовании общих вещей – универсалий. Если номинализм признавал реальное существование лишь единичной вещи, то средневековый реализм наряду с единичными признавал независимое от сознания существование общих вещей. Концептуализм полагал, что общее существует в вещах и обнаруживается в языковых актах. Однако общим для всех средневековых подходов было то, что «знание» и «действительность» еще не

рассматривались по-отдельности и мыслились в контексте постижения божественного мира.

Согласно Ансельму, мы имеем две формы знания – веру и разум. Но само познание может начинаться только с веры, ибо все, что хочет человек понять с помощью разума, уже дано ему в Божественном Откровении. Мир, бытие и все вещи мира существуют по воле Бога. Промежуточным звеном между верой и знанием у него является познание «мыслей Бога» – идей. Будучи приверженцем аристотелизма и основываясь на утверждении, что общие идеи реально существуют, Ансельм разрабатывает четыре доказательства существования Бога.

Придерживаясь аристотелевского определения истины, Ансельм, однако использует термин «правильность», который применяет к процедуре обозначения вещи понятием. «Правильность имеет бытие через обозначение и через обозначение изменяется: как цвет через тело имеет бытие или небытие»¹. Истинна самотождественная вещь, «когда некоторая вещь существует согласно ей»².

Общие понятия – «идеи» – существуют до конкретных вещей, как мысли Творца предшествовали творению мира. Тогда главная идея, «то, больше чего нельзя себе представить», должна «истинно мыслиться и представляется и есть в уме и в представлении»³. Иначе мы не могли бы правильно понять идею троичности единого Бога.

Попытка синтеза номинализма и реализма нашла отражение у Фомы Аквинского. Признавая вслед за Аристотелем, что любое познание начинается с ощущения, Фома Аквинский отмечал, что ощущения не точны и не могут вести к истине, которая «есть прежде всего в интеллекте, и вторичным образом – в вещах, согласно тому, что они соотносятся с интеллектом, как с основанием»⁴. Более выраженный, чем у Аристотеля когерентизм Фомы допускает наличие в мире

¹ Ансельм Кентерберийский. Сочинения. М.: Канон, 1995. С.194.

² Там же. С.197.

³ Там же. С.130.

⁴ Фома Аквинский. Сумма теологии // Антология средневековой мысли (Теология и философия европейского средневековья): В 2 т. Т.2. СПб.: РХГИ, 2002. С.164.

причинно-следственных связей, которые постигаются, однако, «не в материальном аспекте, а согласно формальному основанию объекта»¹. Поэтому в его концепции познания важным моментом является теория логической аргументации.

Недостаточность однобоко, в терминах реализма или номинализма трактуемой действительности, обусловила и разработку им концепции троякого существования универсалий. Универсалии, согласно Фоме Аквинскому, существуют «до вещей», в божественном разуме; «в вещах», как их сущности; «после вещей» – в сознании субъекта как понятия для обозначения этих вещей. Концепция троякой природы универсалий Фомы Аквинского обусловила и его позицию по отношению к истине. Знание считается истинным, только если согласуется с метаконечной действительностью божественной идеи, что служит для синтезирования рационалистического и теологического толкования истины, соединения знания и веры.

Средневековая реалистическая позиция не позволяла распространять методы абстрактного мышления на все без исключения предметы. В вопросах, касающихся содержания вероучения, например, сути Священного Писания, как высшей, абсолютной истины, согласно Фоме Аквинскому, «не должно пользоваться аргументацией»². Это видно из того, что он выделял два варианта (концепция двойственной истины аверроистов XIII века): истину веры и истину интеллекта. «...То, что есть в вещах, – есть истина вещи, но то, что есть так, как оно схвачено, есть истина интеллекта, в котором истина существует первичным образом»³.

Многообразие различных форм соответствия действительности (корреспонденции) проявлялось у Фомы Аквинского в том, что истина не существует сама по себе, в отрыве от объектов действительности. Познать истину

¹ Фома Аквинский. Сумма теологии. С.148.

² Там же. С.156.

³ Там же. С.181.

– значит познать «сообразие (conformitas) интеллекта и вещи»¹ («Veritas est adaequatio rei et intellectus»). Причем изменялась первоначальная формулировка принципа соответствия действительности: знание должно соответствовать не материальным и объективным вещам действительности, но – вещам и сущностям как творению божественного разума. Такая формулировка обусловлена существованием помимо человеческого интеллекта – божественного, к которому, в первую очередь, и применяется принцип актуального соответствия. Для человеческого интеллекта вещи соответствуют потенциально. Как отмечает И.Т. Касавин, у Фомы Аквинского речь здесь идет об истине как «форме всеобъемлющей гармонии (согласованности, соответствия) – важнейшем признаке совершенства как реальности, так и знания о ней»², когда знание как элемент действительности «должно гармонически сочетаться с другими ее элементами, входить в единую систему мира»³. Еще более ясно этот синтез онтологического и гносеологического аспектов в соотношении знания и действительности выражен в поздней схоластике У. Оккама.

Возможности человеческого познания раскрываются Оккамом с помощью понятия «знание» (scientia). Знание у Оккама есть «или некое качество, субъектно существующее в душе, или некое собрание таких качеств, являющихся формами души (я говорю только о человеческом знании)»⁴. Он выделяет четыре значения scientia: «несомненное знание какой-либо истины», «очевидное знание», «очевидное знание чего-либо необходимого» (знание начал наук и их следствий) и знание необходимой истины, полученное путем логического вывода. Знание – это синтез, результат взаимодействия познающего ума и познаваемого объекта, выраженное в понятии (conceptus).

Достаточно мало можно сказать о понимании Оккамом внешнего мира, «действительности» вне теологической терминологии. Действительность для

¹ Там же. С.166.

² Касавин И.Т. Истина: вечная тема и современные вызовы // Эпистемология и философия науки. 2009. т. XX. №2. С.8.

³ Там же.

⁴ Уильям Оккам Избранное. М.: Едиториал УРСС, 2002. С.71.

Оккама состоит только из индивидуальных субстанций и их качеств. Однако изучать мы в состоянии только понятия этих субстанций, которые есть «знаки впечатлений души»¹. Соответственно этому Оккам понимает задачи науки (scientia). Используя и разрабатывая дальше аппарат аристотелевской логики как методологию познания, Оккам полагал, что целью науки должно быть прояснение понятий: «реальная наука трактует не о вещах, но об интенциях, подразумевающих вещи»², а логика, не реальная наука, «трактует об интенциях, подразумевающих интенции»³, но ни в коем случае не исследование реальных вещей. Однако логика является тем «инструментом, без которого не может быть познана в совершенстве ни одна наука»⁴.

Познание начинается с чувств (ощущений), и заканчивается в интеллекте. Однако важнейшее место в этом процессе отводится интуиции, которая есть «то знание, с которого начинается знание опытное»⁵. Допуская возможность познания божественных истин, Оккам отвергает возможность постижения не существующих вещей. Он отстаивает тезис, что общее вне души, в действительности, не существует. Универсалия «не есть нечто реальное, обладающее субъектным бытием в душе или вне души, но она обладает лишь объектным бытием в душе, и есть некий [мысленный] образ, обладающий тем же бытием в объектом бытии, каковое вещь вне души имеет в бытии субъектном»⁶.

Таким образом, универсалии не есть субстанции, объекты действительности, но лишь мысленные образы, знаки вещей. Поэтому вопрос соотношения знания и действительности получил развитие только в части «знания». Известный принцип «бритвы Оккама», «у одного заключения не может быть двух различных знаний, поскольку множественность не следует полагать без

¹ Уильям Оккам Избранное. С.5.

² Там же. С.85.

³ Там же. С.85.

⁴ Там же. С.3.

⁵ Там же. С.101.

⁶ Там же. С.129.

необходимости»¹ являлся одним из первых методологических принципов зарождавшегося научного мышления.

Без выяснения статуса как знания, так и действительности было невозможно дальнейшее продвижение на пути решения проблемы универсалий. Таким образом, проблема универсалий – вопрос об онтологическом статусе общих понятий – одна из первых проблем западноевропейской теории познания, которая вносила необходимое уточнение в вопрос о соотношении знания и действительности.

Поскольку действительность – «мир» – не был связан в традиции христианства с Богом, но относился, как справедливо отмечает М. Хайдеггер, к человеку, его «присутствию»², то и принцип корреспонденции трактовался в сторону идеализма: знание должно было соответствовать подлинному бытию, недоступному полностью для человеческого разума. Соответствие понималось только по отношению к божественной, интуитивно воспринимаемой, мистически переживаемой действительности. Проявления последней, как правило, были редким явлением и носили, поэтому, нерегулярный характер. Требовался новый критерий истины, более полно удовлетворявший задачам, стоявшим перед схоластикой. Соответственно, многие представители схоластики вслед за Фомой Аквинским интуитивно возводили этот принцип к Аристотелю и пытались сочетать его теорию аподиктического силлогизма с концепцией соответствия идеальной действительности Платона.

Дальнейшее развитие науки открывало все возрастающие возможности рационального постижения действительности, что акцентировало разработку гносеологического аспекта истины. Полемика между средневековыми направлениями схоластики в вопросах познания общих сущностей в новоевропейской традиции органично переросла в философскую дискуссию о том, что первично – разум или чувства. В соответствии с ответом на этот вопрос рождались новые представления о действительности, которой должно

¹ Там же. С.146-147.

² Хайдеггер М. Что такое метафизика? М.: Академический Проект, 2007. С.189.

соответствовать знанию. Так, в вопросе о структуре действительности выделяются три позиции: монистическая, дуалистическая и плюралистическая.

Представителей направления, ориентирующегося на признание реально существующей лишь одной, «протяженной», субстанции (монизм), является Дж. Локк. Критикуя схоластику за разработку проблем, не имеющих отношения к действительности, Локк стремился распространить методологию эмпиризма на все познание в целом.

Признавая основой нашего знания опыт, выраженный в идеях, Локк выделяет два источника идей: ощущения и рефлексию. Последняя есть «то наблюдение, которому ум подвергает свою деятельность и способы ее проявления, вследствие чего в разуме возникают идеи этой деятельности»¹. Однако, несмотря на то, что невозможно иное знание, кроме опытного (*tabula rasa*), в силу неточности человеческих ощущений даже рефлексия может вести к заблуждению. Критикуя рефлексию, основанную на методологии Аристотеля, Локк замечает, что «силлогизм служит не для увеличения нашего знания, а для того, чтобы вести борьбу»²: доказательство посредством умозаключений для Локка выступает лишь вспомогательным средством, способом образования сложных идей.

Субъект, согласно Локку, не вправе «категорически и неумеренно требовать доказательства и достоверности там, где возможно достигнуть одной лишь вероятности, вполне достаточной для устройства наших дел»³. Познавательные возможности субъекта ограничены у Локка самой природой сознания, и даже строгие логические методы не ведут к абсолютной истине.

В зависимости от источника идей область познания Локк делит на две части. Познание единичных вещей у него целиком зависит от ощущений, однако познание общих вещей происходит только с помощью абстрактных идей в ходе рефлексии. «Общие и достоверные истины основаны исключительно на свойствах

¹ Локк Дж. Сочинения в трех томах. Т.3. М.: Мысль, 1985. С.155.

² Там же. С.159.

³ Там же. Т.1. С.94.

и отношениях отвлеченных идей»¹. Наиболее важными моментами, когда идеи становятся «сообразными с действительностью вещей»², для Локка являются различные виды взаимосвязи идей между собой: «тождество или различие», «отношение» как между субстанцией и модусом, «необходимая связь» и «реальное существование»³. Эти отношения, если они удовлетворяют принципу когеренции, «соответствию или несоответствию идей через посредство одной или нескольких других идей»⁴, должны вести к истине.

Важнейшая роль в признании соответствия между идеями и вещами отводится философом интуитивному познанию, восприятию «достоверного соответствия или несоответствия двух идей путем их непосредственного сравнения»⁵. В том и другом смысле Локк использует принцип когеренции. Однако, поскольку идея – это образ чувственно постигаемой вещи, то согласованность идей – это только конкретный путь к реализации принципа соответствия знания материальной действительности (корреспонденции).

Таким образом, несмотря на исходный принцип о реальном существовании только материальных вещей, Локк не абсолютизирует возможности чувственного познания. В отношении проблематизации истины Локк не отказывается от принципа соотношения знания и действительности, более того, разрабатывает различные формы соответствия, в своем понимании истины приходит к необходимости объединения принципов корреспонденции и когеренции.

Представителем дуализма в трактовке действительности является Р. Декарт. Ключевой идеей в подходе Декарта к истине выступает идея о врожденности знания, что отражается в энтимеме: «Я мыслю, следовательно, Я существую». Врожденность знания у Декарта – это, как и эйдосы у Платона – некоторый компромисс в попытке выяснить проблему соотношения знания и действительности. Сама действительность у Декарта не мыслится как

¹ Там же. Т.2. С.122.

² Локк Дж. Сочинения в трех томах. Т.2. С.41.

³ Там же. С.3-4.

⁴ Там же. С.165.

⁵ Там же.

единственный пространственно-временной континуум, соединяющий в познавательном отношении фактическую и ментальную реальности.

Как отмечает А.Н. Павленко, невозможность отождествления в подходе Декарта этих двух типов субстанций приводит к необходимости разделять действительность на внутреннюю и внешнюю, таким образом, доводя их общее число до четырех: «мыслящее Я»; «мыслящий Бог»; «пространственное тело, «параллельно с которым» мыслит Я»; «тела в пространстве вне тела, «параллельно с которым» мыслит Я»¹. Только таким образом действительность оказывается объединенной, зависимой от субъекта, его сознания. Соответственно, истинным будет знание, соединяющее внешнюю и внутреннюю действительности при одновременной автономности действительности фактической и ментальной.

Такого типа знание не может быть получено путем размышлений, так как по отношению к идее нельзя «ровным счетом ничего от нее отнять и ничего к ней добавить»², поэтому Декарт делает вывод, что реальное существование Бога есть врожденная идея, связанная с проблемой интуиции, «подобно тому как у меня есть врожденная идея меня самого»³. Интуиции и дедукции Декартом отводилось первое место, поскольку без их помощи «невозможно приобрести никакого знания»⁴. Интуитивно полученное знание является тем основанием, которое позволяет, следуя Декарту, строить дедуктивные заключения.

Рассматривая условия получения дедуктивных истин, Декарт полагает, что многие вещи, хотя сами по себе не являются очевидными, познаются достоверно, если только они «выводятся из истинных и известных принципов посредством постоянного и нигде не прерывающегося движения мысли, ясно усматривающей каждую отдельную вещь...»⁵. Поэтому дедукция рассматривается Декартом как путь к самоочевидному знанию, а самоочевидность – как критерий истины,

¹ Павленко А.Н. Рациофундаментализм // Вопросы философии. 2008. №1. С.40.

² Декарт Р. Сочинения: В 2 т. Т.2. М.: Мысль, 1989. С.42-43.

³ Там же.

⁴ Там же. Т.1. С.86.

⁵ Там же. С.85.

отличный от ощущений и восприятий, отвергавшихся им как «подозрительные и ведущие к заблуждениям...»¹.

Одним из оснований для дедукции Декарт считает идею существования Бога, а поскольку Бог – единственная истинная причина всего, что есть и что может быть, то наилучшим путем философствования будет «объяснение вещей, созданных Богом, из познания его самого», чтобы таким образом «достичь совершеннейшего знания – знания на основе причин»². Несмотря на внешнюю схожесть с принципом корреспонденции, Декарт здесь выдвигает на первый план другой принцип. Всякая изолированная истина будет заблуждением, так как «все истины следуют одна из другой и связаны между собой единой связью», поэтому «весь секрет состоит в том, чтобы начать с простейших из них и так подниматься мало-помалу и как бы по ступеням до истин наиболее далеких и сложных»³. Несмотря на это, Декарт вовсе не считал эмпирические посылки самыми надежными в получении истины. Для Декарта истина зависела, в первую очередь, не от перцептивно воспринимаемой действительности, но от рациональной согласованности, соединения внутренней и внешней действительностей без слияния ментальной и фактической (ведь в его картине мира мыслящая и протяженная субстанции самостоятельны). В этом у Декарта проявлялись элементы когерентного подхода к истине.

Таким образом, у Декарта впервые появляется мысль, что истинность должна возникать только в сознании познающего субъекта, должна быть имманентна ему. Декарт был уверен, что достоверное знание можно получить не в форме чувственного опыта, который почти всегда ошибочен, но только в форме логически непротиворечивых умозаключений, сама же достоверность устанавливается принципом самоочевидности: «...все вещи, которые мы мыслим себе ясно и отдельно, именно тем самым образом, которым мы их так мыслим,

¹ Декарт Р. Сочинения: В 2 т. Т.1. С.85.

² Декарт Р. Разыскание истины. СПб: Азбука, 2000. С.323.

³ Там же. С.62.

являются истинными»¹. Любое получаемое знание должно согласовываться с уже имеющимся – это был еще один шаг в сторону когерентной концепции истины. Cogito ergo sum – это картезианская форма проблематизации истины, в которой решение вопроса соотношения знания и действительности смещается в сторону знания (мышления). Двойственная природа субстанции как структурной единицы бытия, так называемый «дуализм» Декарта, еще более усложняет проблему соотношения знания и действительности.

Представитель плюралистического направления Г.В. Лейбниц полагал, что изначально существует множество не сводимых друг к другу субстанций. Поскольку, согласно Лейбницу, идеи являются «свойствами нашей души»², от природы несовершенной, «не только наши идеи очень ограничены, но и наше познание еще более ограничено, чем наши идеи»³. Эти ограничения были обусловлены, прежде всего, опорой исследователей на эмпирические методы, которые становились в Новое время главными средствами научного познания. Поэтому, следуя Декарту, Лейбниц утверждает, что об истинности предложения можно судить, «если оно или самоочевидно, или может быть доказано из самоочевидных предложений»⁴.

Самоочевидные предложения являются одновременно самодостоверными, когерентными, выведенными из терминов, или из не вызывающих сомнения опытов. Однако для правильного логического вывода необходимо «знать точные пределы значения терминов»⁵, из которых состоит то или иное выражение. Для отыскания этих пределов Лейбниц пытался вывести некоторые универсальные правила, примером чему является принцип достаточного основания, лежащий в основе его онтологической концепции «предустановленной гармонии», который заключался в том, что «ни одно явление не может оказаться истинным или действительным, ни одно утверждение справедливым без достаточного

¹ Декарт Р. Разыскание истины. СПб: Азбука, 2000. С.140.

² Лейбниц Г.В. Сочинения в 4-х т. Т.1. С.151.

³ Там же. С.418.

⁴ Там же. С.420.

⁵ Там же. Т.3. С.382-383.

основания»¹. Допуская определенную степень неясности, данный принцип может трактоваться достаточно широко, например, как правило о невозможности обоснования изолированного утверждения. Обоснование всегда должно носить системный, взаимосвязанный характер.

Возможность когерентного обоснования вывода из самоочевидных истин связана, также, с принципом «невредимой истины» (*salva veritate*), который гласит, что «тождественные, или совпадающие, термины суть те, каждый из которых можно всюду подставить вместо другого с сохранением истинности»², примером чего у Лейбница выступали взаимозаменяемые понятия «треугольник» и «трехсторонник» в контексте всех предложений евклидовой геометрии.

Из требования системности и логической непротиворечивости любого истинного знания у Лейбница следует, что истина возникает только в результате рефлексивной мыслительной способности субъекта. Сама мыслительная способность не может протекать без знаков – символов, в которые облекается то или иное знание. Истинное знание должно согласовываться не столько с предметом изучения, сколько со знаками, с помощью которых оно передается. Даже круг, начерченный на бумаге – это, согласно Лейбницу, не эмпирический круг, но знак, который создает в нашей душе образ круга.

Принцип соответствия данным опыта – материальной действительности – сам по себе для Лейбница не мог вести к истине по причине множественности самой действительности. Образцом истинного знания для него выступало соответствие между нашими восприятиями, выраженными в идеях, поскольку «наше познание не простирается ни далее наших идей..., ни далее восприятия их соответствия или несоответствия»³. Этому должно способствовать создание особой логики – логики вероятностей, чему Лейбниц положил начало законом достаточного основания и некоторыми другими логическими принципами.

¹ Лейбниц Г.В. Сочинения в 4-х т. Т.1. С.418.

² Там же. Т.3. С.640.

³ Там же. С.63.

В философии Нового времени позднего периода менялась сама постановка проблемы истины. На первый план выходило понимание соответствия знания не «внешней», физической, но «внутренней», идеальной действительности, врожденным идеям, правилам логического вывода. Когерентная трактовка как нельзя лучше подходила для этого, она серьезно корректировала условия применимости принципа соответствия действительности: истина переставала мыслиться как некоторое достоверное, отражающее действительность знание, полученное посредством строгих научных методов, имеющих абсолютный и общеобязательный характер.

Изменялся сам эпистемологический статус истины. На фоне концепции врожденности идей обнаруживалась ограниченность познавательных возможностей субъекта по получению истинного знания. Истина «из практикуемой высокой нормы бытия превращается в уже почти недостижимый идеал знания», из области оснований бытия «перемещается в сферу обоснования знания»¹. Внимание исследователей переориентируется на вопрос о том, что есть истинное знание, каковы условия истинности (гносеологический аспект проблематизации истины). Наибольшее выражение эти тенденции нашли в представлении об истине И. Канта, революционность идей которого недаром сравнивали с открытиями Н. Коперника.

Кант показывает различные ступени истины: мнение, веру и знание. Убеждение, не имеющее под собой оснований, рассматривается Кантом как низшая ступень познания, мнение. Если знание «имеет достаточное основание с субъективной стороны и в то же время считается объективно недостаточным»², то такое знание Кант обозначает как веру и связывает с необходимым элементом всякого процесса познания. Формально вера у Канта – это недоказанное знание, но, в силу его недоказанности и принципиальной недоказуемости научными методами, вера способна связать субъекта и объекта. Собственно ступень знания

¹ Касавин И.Т. Истина: вечная тема и современные вызовы // Эпистемология и философия науки. 2009. т. XX. №2. С.7.

² Там же. С.673.

– это ступень, на которой отсутствуют сомнения, а субъективные и объективные основания знания являются достаточными для приписывания ему свойств истинности. Знание зарождается в рассудке, а соединение всех трех форм у Канта происходит в разуме.

Сам рассудок у него есть не что иное как «способность а priori связывать и подводить многообразное [содержание] под единство апперцепции»¹, чувственного опыта. Предметы, которые познаются опытным путем, должны соотноситься с нашими априорными понятиями и категориями рассудка, то есть с трансцендентальной, доопытной действительностью.

Достижение истины требует усилий самого разума, а «для нас возможно априорное познание лишь предметов возможного опыта»². Здесь понимание Кантом действительности, объектов опыта, показывает отделение вещей, доступных для познания (вещей-для-нас) от вещей, недоступных для познания (вещей-в-себе).

Непознаваемость вещей-в-себе Канта очерчивает границы возможного опыта: «требовать всеобщего признака истинности знания в отношении материи нельзя, так как это требование заключает в себе противоречие»³. Тем самым объект познавательного опыта – это ни в коем случае не объективная действительность, поскольку даже в самых глубоких исследованиях предметов чувственного мира мы имеем дело не с чем иным, как с явлениями. Сущность вещей недоступна человеческому сознанию.

Объект познания – это некоторое единство чувственного и ментального, априорного и апостериорного. Субъект познания раскрывается у Канта в понятии «трансцендентальное единство апперцепции», когда многообразное объединяется в одном сознании. Последнее может быть достигнуто только в особой сфере трансцендентального, когда внешняя действительность, несмотря на свою независимость от субъекта, сознается им как непосредственная.

¹ Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Сочинения в 6-ти т. Т.3. С.193.

² Там же. С.214.

³ Там же. С.160.

Трансцендентальное единство апперцепции является условием всякого познания, оно есть «то единство, благодаря которому все данное в созерцании многообразное объединяется в понятие об объекте»¹. Таким образом, непосредственность внешней (материальной) действительности, лишает принцип корреспонденции онтологического статуса и переводит вопрос об истине в план гносеологии – возникает проблема согласованности знания различных типов (априорного и апостериорного).

Процесс познания выглядит как согласованность высказываний разных уровней, аналитических (описывающих априорные понятия) и синтетических (включающих также понятия, полученные из опыта). Несмотря на то, что у Канта лишь аналитические суждения могут быть объективно истинными при условии их формальной непротиворечивости, высшим из всех форм знания он объявляет синтетическое априорное знание, которое содержится в основе всех теоретических наук в форме постулатов или первопринципов. Синтетическое знание становится возможным только в трансцендентальном синтезе апперцепции, то есть способности иметь объектом познания сам процесс познания, открытия его законов.

Поскольку тот мир, который мы знаем, есть наше собственное создание, продукт познающего субъекта, истина конструируется субъектом из данных рассудка и чувственного созерцания, в которых достигается «взаимная согласованность, единство чувственного и логического»². То, что мы называем «знанием» – это «воплощение определенного правила увязывания разнообразных чувственных впечатлений»³.

Таким образом, в контексте учения об априори Канта трактовка принципа соотношения знания и действительности меняла эпистемологический статус: действительность теперь выводилась, конструировалась из разума. Отныне не созерцания должны согласовываться со свойствами предметов, но «предметы (как

¹ Кант И. Критика чистого разума. Т.3. С.196.

² Чудинов Э.М. Природа научной истины. М.: Политиздат, 1977. С.21.

³ Лекторский В.А. Кант, радикальный конструктивизм и конструктивный реализм в эпистемологии // Вопросы философии. 2005. №8. С.12.

объекты чувств) согласуются с нашей способностью к созерцанию»¹. Форма согласованности знания изменяется таким образом, что «мы а priori познаем о вещах лишь то, что вложено в них нами самими»², а истина мыслится Кантом не в смысле корреспонденции, а как «соответствие знания со всеобщими законами рассудка и разума»³ (трансцендентализм).

Любое знание, в том числе эмпирическое, в концепции Канта – это всегда идеальная реконструкция материальной действительности. Через конструирование действительности разумом достигается особое единство в понимании истины, которое предлагало более совершенный критерий истины, когда речь шла, по словам Т.И. Ойзермана, «не об истине, а о степени истинности суждения»⁴, а принцип соответствия знания действительности дополнялся соответствием действительности знанию (репрезентация). Репрезентация – это «амбивалентный по природе феномен одновременного представления-отражения объекта и его замещения-конструирования (моделирования)»⁵, включает нас в определенную опосредованную заданность, позволяющую нам воспринимать предмет именно в качестве такового. Однако такая «обратная связь» кантовского представления проблемы соотношения знания и действительности таила в себе скрытые опасности релятивизации проблемы истины. Это предвидели последователи кантовской философии, в частности, Г.В.Ф. Гегель.

Гегель обнаруживает две формы истины: обыкновенную, когда мы имеем «согласие предмета с нашим представлением»⁶ и абстрактную, «согласие некоторого содержания с самим собой»⁷. Однако, он не отдает предпочтения ни

¹ Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Сочинения в 6-ти т. Т.3. М.: Мысль, 1964. С.87-88.

² Там же. С.88.

³ Там же.

⁴ Ойзерман Т.И. Амбивалентность философской критики // Вопросы философии. 2010. №3. С.139.

⁵ Микешина Л.А. Философия познания. Полемические главы. М.: Прогресс-Традиция, 2002. С.20.

⁶ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. В 3 т. Т.1. М.: Мысль, 1974. С.126.

⁷ Там же.

одной из них. Чтобы понять его позицию в проблеме отношения знания и действительности, необходимо проанализировать ее составляющие.

Рассматривая истину как элемент своей философской системы, Гегель придавал истине универсальный характер. Используя специально разработанную методологию диалектики, Гегель представлял проблему соотношения знания и действительности как «отношение мысли к объективности». «Объективность», «бытие», «наличное бытие», «качество» – это те формы, с помощью которых Гегель дает свое толкование «действительности». Само по себе бытие еще не действительность. Развертываясь в трех стадиях, бытие соединяется с мышлением, разумом, как своей противоположностью.

На первой ступени, «в-себе-бытии», «вещи, о которых мы знаем, суть лишь явления для нас»¹, они находятся в потенции. Гегель не признает кантовского априоризма, «долженствования», когда признается соответствие не действительности, а субъективным рассудочным представлениям. Напротив, он положительно отзывается об эмпиризме, отождествляя его с философией.

Далее бытие развивается, наступает ступень «для-себя-бытия» (акциденции). Приводя пример с высказыванием о разумности от природы человека, Гегель говорит, что «в себе» человек разумен только потенциально, актуально же, «для себя» он становится разумным только после рождения и воспитания. Подобный же пример можно экстраполировать и на отношения истинности. Всякое высказывание или знание может быть истинным потенциально. Однако актуально оно становится только в бытии «для себя», когда оно будет соответствовать критериям истинности.

Третья стадия, в соответствии с диалектической триадой, характеризуется отрицанием второй и возвращением к первой на новой ступени развития, «бытием в себе и для себя».

Гегель уделяет внимание не столько гносеологическому, сколько обобщенному, онто-гносеологическому представлению истины. Он говорит об

¹ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. В 3 т. Т.1. М.: Мысль, 1974. С.162.

онтологии бытия и противопоставляет ему ничто. «Истину как бытия, так и ничто представляет единство их обоих, это единство есть *становление*»¹. Результатом становления является наличное бытие, или бытие, имеющее определенность, качество. Качество, как сущая определенность, есть реальность. Реальности противостоит отрицание, или, по Гегелю, «инобытие». Истина есть, таким образом, единство бытия и ничто, «*единство бесконечного и конечного*»². Действительность, как категория диалектики, для Гегеля есть «ставшее непосредственным единство сущности и существования, или внутреннего и внешнего»³.

Гегель мыслит истину не как нечто наличное, завершенное, но как бесконечное, идеал. Однако «все *конечное* состоит на самом деле в том, и *только* в том, что его наличное бытие *отлично от его понятия*»⁴. В истине, как бесконечном, должно соединяться «мышление» и «объективность», знание и действительность, онтологический и гносеологический аспекты.

Вторую составляющую определения истины, «знание», невозможно понять без помощи гегелевского определения «идеи». Идея не имеет четкого определения, так как «все, что высказывается об идее, в себе *противоречиво*»⁵.

Если Платон определил свойства идеи как нематериальной субстанции, сочетающей в себе свойства цельности, общности свойств выражаемых с ее помощью вещей, то Гегель обнаружил законы ее движения и развития. Идея принимает различные формы развертывающегося духа: это ступени бытия и сущности, понятия и объективности. Идея отождествляется с понятиями «разум», «жизнь», «предмет самой себя», «истина». В последнем случае идея есть «единство идеального и реального, конечного и бесконечного, души и тела, как возможность, которая в себе самой имеет свою действительность»⁶. Здесь же

¹ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. В 3 т. Т.1. С.222.

² Там же. С.235.

³ Там же. С.312.

⁴ Там же. С.174.

⁵ Там же. С.402.

⁶ Там же. С.402.

обнаруживается принцип, на который опирается Гегель: идея – это истина в том смысле, что она есть «единство понятия и объективности», «понятия и реальности»¹. Реальность, не соответствующая понятию, «есть просто явление, нечто субъективное, случайное, произвольное, что не есть истина»².

Идея – это, подобно бытию, процесс развертывания духа. Истина в форме соотношения мысли и объективности органично включается в это развитие, истина есть становление идеи. Гегель пишет, что «разум есть дух, так как достоверность того, что он – вся действительность, возведена в истину; и разум сознает себя самого как свой мир, а мир – как себя самого»³. При этом сам абсолютный дух, самопознающий самого себя как «идея в себе», приобретает онтологический характер, проявляет себя в вещах и процессах действительности. Знание, таким образом, совпадает в развертывающемся познании (разуме) с действительностью. Отсюда ясным становится одно из значений гегелевской фразы: «что разумно, то действительно; и что действительно, то разумно».

Ощущения не открывают истину бытия. Они только указывают разуму, что такая истина существует, образуют достоверность. Истина бытия концептуальна, носит понятийный характер, поэтому открывается только разуму, по словам А. Кожева, истина у Гегеля – «раскрытое сознанием реальное», а эта реальность включает в себя нашу речь, «выразима в разумной речи», «коль скоро речь тоже реальна»⁴. Напротив, говорить о реальности, которая не включала бы речь, означало бы «говорить (философствовать) абстрактно»⁵.

Отображаемую в истине действительность Гегель понимает как непосредственность, а объективность – «есть такая непосредственность, в которой понятие определяет себя снятием своей абстрактности и опосредствования»⁶. Чистое бытие вообще не имеет определений. Но как только эта

¹ Гегель Г.В.Ф. Наука логики. В 3-х т. Т.3. М.: Мысль, 1971. С.211.

² Там же. С.211.

³ Гегель Г. В. Ф. Соч. Т.4. Система наук. Ч.1. Феноменология духа. М.: Соцэкгиз, 1959. С.233.

⁴ Кожев А. Введение в чтение Гегеля. СПб.: Наука, 2000. С.52.

⁵ Там же. С.52.

⁶ Гегель Г.В.Ф. Наука логики. В 3-х т. Т.3. М.: Мысль, 1971. С.156.

непосредственность приобретает какое-либо качество, она сразу переходит в становление, наличное бытие. Бытие, в своем разворачивании, становлении, достигает состояния единства понятия и реальности, то есть состояния истины.

Продолжая и развивая на почве диалектики идеи Канта, Гегель придает истине новые, свойственные неклассической науке, качества. Не случайно он пишет, что «истинной формой, в которой существует истина, может быть лишь научная система ее»¹. Кроме того, Гегель, по словам В.С. Степина, привносит в понимание истины системные характеристики, сходные с синергетическими.

Когда нечто порождает, по словам Гегеля, «свое иное», вступает с ним в рефлексивную связь, оно перестраивается под воздействием «своего иного», и затем все повторяется на новой основе. При этом происходит «погружение в основание», изменение предшествующих состояний под воздействием новых уровней организации системы»². В отождествлении универсальности, «объективной всеобщности» и истинности в концепции Гегеля проявляется попытка создать систему когерентного методологического знания, которое включало бы истину как важнейший свой элемент. Выделяя в истине свойства когерентности, Гегель не отрицал также важность принципа корреспонденции, рассматривая его как общее свойство, вытекающее из факта системности истины.

Соответственно, истина мыслится Гегелем как единство процесса разворачивания из познающего разума бытия, действительности, с одной стороны, и процесса согласования субъективных идей с объективными, процесс восхождения от вероятностного, субъективного знания, на ступень Абсолюта.

Однако такое согласование не есть соглашение между субъектами, конвенция, ориентация на «частные цели» или полезность вещи. Согласно Гегелю, философия есть учение, которое «должно освободить человека от бесконечного множества конечных целей и намерений и сделать его

¹ Гегель Г. В. Ф. Соч. Т.4. Система наук. Ч.1. Феноменология духа. М.: Соцэкгиз, 1959. С.3.

² Степин В.С. Наука и философия // Вопросы философии. 2010. №8. С.74.

равнодушным к ним»¹. Развитие истины как системы знания в процессе развития по направлению к Абсолюту, по Гегелю, не может быть predetermined никакими изначально заданными целями и ожидаемыми результатами.

Таким образом, процесс познания абсолютным духом – высшей формой сознания – самого себя на разных стадиях своей эволюции подчеркивает в философии Гегеля корреспондентно-когерентный, системный характер, который должно носить истинное знание. Какую бы форму ни принимали результаты познания: обыденное знание или научная рефлексия, актуальным остается вопрос о становлении идеи – соотношении идеального и материального начал, совпадении мышления и действительности.

Неклассические идеи Канта и Гегеля о действительности как конструкции субъекта, о противопоставлении истины как конструкции и истины как сотворенного, явленного чувствам бытия, было использовано классиками диалектического материализма в качестве объекта для критики.

Отвергая новаторские идеи немецкой классической философии и, соответствующий способ постановки проблемы истины, Ф. Энгельс, В.И. Ленин и их интерпретаторы апеллировали к классическому определению знания как соответствия действительности Платона и Аристотеля. Альтернативу предшествующему пониманию истины они видели в так называемом «принципе отражения».

Отождествляя объективную реальность и материю, Ленин рассматривал последнюю как философскую категорию для обозначения «объективной реальности, которая дана человеку в ощущениях его, которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них»². Познание и сознание в рамках теории отражения понимались в качестве отражения, воспроизведения характеристик предметов, существующих объективно, независимо от сознания человека.

¹ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т.1.Наука логики. М.: Мысль, 1975. С.223.

² Ленин В.И. Полное собр. соч. М.: Издательство политической литературы, 1973. Т.18. С.136.

Сам принцип отражения включал в себя проблему соотношения знания и действительности как ключевое положение. В проблеме отношения категорий мышления к реальности подчеркивалась большая роль «материальной практической деятельности». Отрицается возникновение категорий как вечных форм разума, или их существование в действительности. Категории, как наиболее общие понятия, возникли в процессе материально-практической жизни человека и общества. Поэтому категории, в том числе «действительность», «истина» – это «результат обобщения всего познания мира и его практического преобразования»¹.

Несмотря на то, что в диалектическом материализме подчеркивается активность сознания, которое способно к конструированию действительности, сами представители марксизма отказывали сознанию быть первопричиной человеческой деятельности. Деятельность человека определяют, прежде всего, некоторые «объективные», не зависящие от человеческого сознания и воли факторы. Как и у Гегеля, таковыми признаются объективные законы природы, однако, трактуемые с точки зрения материализма. «Над всем нашим теоретическим мышлением господствует с абсолютной силой тот факт, что наше субъективное мышление и объективный мир подчинены одним и тем же законам и что поэтому они не могут противоречить друг другу в своих результатах, а должны согласоваться между собой»².

Отвергалась исходная установка тождества мышления и бытия гегелевской философии. Осуждая априористическую трактовку познания как реконструкции, логического выведения свойств предмета из него самого, Энгельс на первый план выдвигал принцип отражения материальной действительности. Для Энгельса истина и диалектика были нерасторжимы, поэтому истина, в этом смысле подобно Гегелю, мыслилась через диалектические категории и ступени познания.

¹ Копнин П.В. Логика научного познания // Вопросы философии. 1966. №10. С.40.

² Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т.20. М.: Политиздат, 1955-1961. – С.581.

Поскольку «всякое истинное познание природы есть познание вечного, бесконечного, и поэтому оно по существу абсолютно», то и истина не имеет единственной своей формы в рамках диалектического подхода, она распадается на абсолютную и относительную.

Ф. Энгельс, критикуя идеалистический характер абсолютной идеи Гегеля, подразумевал под абсолютной неизменной, «вечную» истину, «недостижимую на этом пути и для каждого человека в отдельности»¹. Абсолютная истина – это такое знание, которое полностью исчерпывает свой предмет и не может быть опровергнуто в процессе дальнейшего познания, недаром она служила идеалом, выступала выражением основ научного мировоззрения в Новое время.

Относительная истина – приблизительно адекватное, неполное, содержащее заблуждения знание, ведущее к достижению определенных целей. Несмотря на то, что, согласно В.И. Ленину, «...из относительных истин складывается абсолютная истина»², в каждой относительной истине, обусловленной достигнутым уровнем развития производства и науки, содержится часть абсолютной истины, недостижимого идеала знания.

Разрабатывая диалектику абсолютной и относительной истины, И.С. Нарский выделял в абсолютной истине четыре значения: «(1) абсолютное знание о действительности в целом, т. е. обо всем в мире, что было, есть и будет; (2) то содержание относительных истин, которое сохраняется и возрастает в процессе всего дальнейшего, по сравнению с прошлым, развития познания; (3) окончательное знание о некоторых определенных аспектах действительности; (4) не исчерпывающие, но неопровержимые результаты познания отдельных сторон изучаемых объектов или их классов, принимающие вид констатации и описаний»³. В этом определении подчеркивается диалектическое единство абсолютной и относительной истин.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т.21. С. 275.

² Ленин В.И. Полное собр. соч. М.: Издательство политической литературы, 1973. Т.18. С.136.

³ Нарский И.С. Диалектическое противоречие и логика познания. М.: Наука, 1969. С.186.

Провозглашая единство абсолютной и относительной истин, придерживаясь основных принципов диалектики, советская теория познания пыталась компенсировать пробелы в ленинской формулировке принципа отражения. Например, по словам П.В. Копнина, научная деятельность является «творчеством», для ее прогресса и фундаментальных открытий необходимы «сумасшедшие идеи», она предполагает «выход за пределы того, что непосредственно логически следует из предшествующих теоретических принципов и опытных данных»¹.

Последующая философия советского периода углубила и расширила ленинскую трактовку принципа отражения. Истина стала рассматриваться в диалектической взаимосвязи двух ее качеств: как результат, и как процесс познания. В первом определении под истиной подразумевалось соответствующее объективной действительности содержание человеческого сознания, достигшее ступени теоретического мышления и проверяемое общественной практикой. Второй вариант истины – истина как процесс – являлась, по выражению И.С. Нарского, «бесконечно-связной последовательностью результатов опосредованного процесса углубления познания, которая все более всесторонне, точно, адекватно отражает объекты, сами по себе продолжающие находиться в непрерывном взаимодействии и изменении»².

Истина в диалектическом материализме, таким образом, представляла собой единство процесса и результата познания, относительной и абсолютной своих форм, подчеркивалось большое значение практики как критерия истины.

Принимая идеи Аристотеля за исходные, концепция отражения представляла окружающий мир как движение материи, которое отражается в нашем сознании как высшем продукте природы. При этом сознание должно было отражать эту закономерность, но не конструировать из всеобщих и априорных форм, поскольку сами принципы – «не исходный пункт исследования, а его

¹ Копнин П.В. Логика научного познания // Вопросы философии. 1966. №10. С.48.

² Нарский И.С. Диалектическое противоречие и логика познания. М.: Наука, 1969. С.165.

результат»¹. Содержание процесса теоретического представления эмпирического материала Энгельс передал с помощью выражения «практического применения мышления к эмпирическим областям»².

Критерий общественно-исторической практики, будучи универсальным критерием истины, привлекал принцип историзма, соединявшийся с конкретными социально-политическими воззрениями. Однако, по выражению М.В. Скоробогатых, практика может выступать лишь критерием «правильности наших знаний», она является лишь «необходимым, но не достаточным условием истинности, поэтому критерием истинности практика быть не может»³.

Последние у Энгельса имели явно выраженные черты прагматического аспекта истины: «если мы достигнем нашей цели, если мы найдем, что вещь соответствует нашему представлению о ней, что она дает тот результат, какого мы ожидали от ее употребления, – тогда мы имеем положительное доказательство, что в этих границах наши восприятия о вещи и ее свойствах совпадают с существующей вне нас действительностью»⁴.

Несмотря на вклад в проблематизацию истины, понятие абсолютной истины обнаруживало в марксистско-ленинской трактовке противоречия. Недостаток ленинской теории отражения, прежде всего, в ее идеологической инвариантности, в том, что долгое время это было «единственно возможным пониманием познания и сознания»⁵.

Так, отмечается, что понятия абсолютной и относительной истины «не получили развития за пределами марксистской философии»⁶. С логической точки

¹ Нарский И.С. Диалектическое противоречие и логика познания. С.43.

² Там же. С.367.

³ Скоробогатых М.В. Анализ концепций истины: гносеологические и логико-математические аспекты: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01 / М.В. Скоробогатых. Магнитогорск, 2006. С.11-12.

⁴ Там же. Т.22. С.304.

⁵ Лекторский В.А. Отражение // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / под ред. В.С. Степина. Т.3. М.: Мысль, 2010. С.179.

⁶ Никифоров А.Л. Абсолютная и относительная истина // Энциклопедия эпистемологии и философии науки / под ред. И.Т. Касавина. М.: «КАНОН+», 2009. С.9.

зрения противоречивость заключается, с одной стороны в абсолютном, исчерпывающем, а значит, недостижимом знании о мире, с другой стороны, абсолютная истина – это такое знание, которое не может быть опровергнуто в дальнейшем развитии познания). Среди основных проблем ленинской формулировки теории отражения выделяются также два основных противоречия: противоречие непосредственной данности предмета сознанию и наличия в этом процессе посредников (образов действительности); уподобление образа отпечатку, копии познаваемой действительности, что вело к смешению отражения как свойства материи и как познавательной операции.

Первую группу затруднений пытался разрешить Э.В. Ильенков, который использовал тезис гегельянцев о совпадении мышления и бытия в своей теории познания. Не обнаруживая никакой особой сущности, которая не была бы ни мышлением, ни материальной действительностью, но – нечто средним, составляющим свойства их обоих, Ильенков обнаруживает метод восхождения от абстрактного к конкретному, который для Маркса есть «способ, при помощи которого мышление усваивает себе конкретное, воспроизводит его как духовно конкретное»¹ в сознании субъекта. В процессе восхождения от абстрактного к конкретному происходит «научно-теоретическая переработка данных созерцания и представления в понятия»², это способ достижения истины, в котором мышление и бытие совпадают.

Мышление не может быть полностью абстрактным, оторванным от реальности. Словами Маркса, «идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней»³. Отсюда мышление является свойством высшей материи – сознания, – которое, будучи составной частью самой реальности, эту реальность призвано отражать. Единственным посредником между мышлением и реальностью является практика «Именно производство (в самом широком смысле слова) делает предмет природы

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т.46. Ч.1. С.37-38.

² Ильенков Э.В. Диалектическая логика. М.: Политиздат, 1974. С.234.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т.23. С.21.

предметом созерцания и мышления»¹, через практику один предмет существует в другом и через другое.

Однако признание тождества мышления и бытия вело к противоречию: «признание возможности установить совпадение знания с объективной реальностью (в марксизме – достижение абсолютной истины) равнозначно отказу от принципа развития знания»².

По поводу второй группы затруднений В.А. Лекторский отмечает, что ленинское понимание ощущения как «субъективного образа объективного мира», единственного источника знания, «выражало позицию наивного сенсуализма и окончательно стало анахронизмом по крайней мере к середине нашего столетия»³. Однако Лекторский отмечает, что попытки преодолеть недостатки ленинской формулировки породили много новых подходов в теории познания, таких как деятельностный подход, связь познания, коммуникации и мышления, которые «как раз работают на неклассическую эпистемологию»⁴.

Можно сказать, что всем этим затруднениям теории отражения свойственна одна ошибка, по словам В.С. Степина, «противоречия между научным методом Маркса и последующей догматизацией этих положений связаны с идеологизацией его теоретических выводов и постулатов»⁵. Более того, «критика тоталитарной системы, которая использовала марксистскую фразеологию в качестве своего “идеологического обеспечения”, порождает при инерции прежнего сознания огульно отрицательное отношение к марксизму», в том числе к достижениям в разработке понятий «знание», «действительность», «истина»⁶.

¹ Ильенков Э.В. Диалектическая логика. С.168.

² Касавин И.Т. Истина // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / под ред. В.С. Степина. Т.2. М.: Мысль, 2010. С.170.

³ Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая / В.А. Лекторский. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С.9.

⁴ Там же.

⁵ Степин В.С. Эпоха перемен и сценарии будущего. М.: ИФРАН, 1996. С.57.

⁶ Степин В.С. Эпоха перемен и сценарии будущего. С.59.

Однако важнейшим методологическим принципом в диалектико-материалистической трактовке истины является, по словам Л.А. Микешиной, положение о том, что «абстрактной истины нет, истина всегда конкретна»¹. Конкретность истины связана с уточнением эпистемологического основания истины через критерий общественно-исторической практики, являющийся частью другого, прагматического подхода. Это еще раз свидетельствует, что и в подходе марксизма соединяются урезанный вариант корреспондентной и часть прагматической концепций. Прагматический аспект играет в концепции отражения ключевую роль, сглаживая очевидные недостатки теории.

Таким образом, основной формой проблематизации истины в классической философии является принцип соотношения знания и действительности. При этом выясняется, что как «действительность», так и «знание», будучи элементами корреспонденции, мыслились в разные историко-философские эпохи по-разному.

Действительность в классической античной философии уже подразделялась на мир идеальный, конструктивный, и мир актуальный, физический. Средневековье добавило вопрос о существовании в действительности общих и единичных вещей. Новое время еще более усложнило вопрос о действительности, представляя ее не просто как физическую и ментальную, но выделяя еще субъективную и объективную, подчеркивая плюралистический ее характер, связанный со становлением представлений о мироздании как грандиозной машине, создаваемой Богом. Более поздние новоевропейские трактовки содержали уже критику такого предзаданного, нормативного представления о действительности. К двойственному характеру действительности (вещи-для-нас и вещи-в-себе) добавлялась ее противоречивость, антиномичность и конструктивность (Кант). Противоречивость действительности нашла систематическое объяснение в диалектическом учении Гегеля и представителей диалектического материализма.

¹ Микешина Л.А. Философия науки: Современная эпистемология. М.: Прогресс-Традиция: МПСИ: Флинта, 2005. С.152.

Актуальность категорий «действительность», «знание», «истина» косвенно указывает на наличие в истине универсального эпистемологического основания, позволяющего применить принцип корреспонденции (в форме вопроса о соотношении знания и действительности) для оценки любого знания как истинного. Наличие этого основания, по-видимому, берет начало еще в нерасчлененности сознания философской мысли древности, когда истина понималась как некоторая синкретическая целостность онтологического и гносеологического аспектов истины. Представления о различных формах действительности (бытия), отделение познания от бытия, проблема существования общих понятий, дискуссия эмпиризма и рационализма, понимание истины через принципы корреспонденции и когеренции – все это историко-философские вехи формирования представлений о соотношении знания и действительности.

Рассмотрение данной проблемы более всего претендует на роль эпистемологического основания для последующей проблематизации истины. Это обусловлено сохранением, по словам А.Л. Никифорова, фундаментального характера понятия «соответствия», понимаемого им в контексте проблемы «соотношения онтологической модели или идеализированного объекта теории и самой реальности»¹ (или в более простой форме: соотношения знания и действительности). Такое соответствие понималось в классической философии как некоторый эпистемологический эталон, на основе которого строятся остальные подходы к истине.

При этом прослеживается тенденция: на классическом этапе развития философии интерес исследователей в решении указанного вопроса был направлен не на предмет знания, но, в первую очередь, на исследование действительности как ключевого пункта в проблематизации истины (презентация). Знание, само по себе, в отрыве от познавательной деятельности, еще не затрагивало умы философов. Только кантовская «критика чистого разума» ставит знание выше

¹ Никифоров А.Л. Понятие истины в теории познания // Понятие истины в социогуманитарном познании / отв. ред. А.Л. Никифоров. М.: ИФРАН, 2008. С.27.

действительности. Таким образом, наиболее общая форма соотношения знания и действительности, возникнув вместе с самой проблемой истины, может быть использована для исследования феномена истины в двух ее интерпретациях: как для проблематизации истины (онтологический аспект), так и для проблематизации понятия и проблемы истины (гносеологический аспект). При этом подлинное понимание истины возможно только на путях единства этих аспектов истины.

В связи с научной революцией в естествознании, повлиявшей на изменение в том числе философского мировоззрения, кризисом принципа соотношения знания и действительности в классическом его варианте, изменялись и представления о познании и истине. Само эпистемологическое основание обнаруживало все большую вариативность и многомерность своих значений.

Объект начинал мыслиться не как копия с действительности, но как «процесс с устойчивыми состояниями». Субъект должен был находиться не вне, а внутри наблюдаемого мира, а само знание должно было носить не абсолютный, но вероятностный, относительный к средствам и операциям познавательной деятельности характер в силу допущения множественности теоретического описания квантовых объектов. Возникают признаки новой, неклассической проблематизации истины. Одним из главных направлений здесь является логико-методологическое.

§ 3. Логико-методологический аспект истины

В неклассических подходах онтологический и гносеологический аспекты истины сменяются двумя другими: логико-методологическим (аналитическая философия) и экзистенциально-антропологическим (феноменология, герменевтика). Теоретическая основа для зарождения неклассических вариантов проблематизации истины была заложена, когда в философии появились идеи Канта. По словам Ойзермана, Кант «впервые в истории философии выдвинул

положение о главенствующей роли теории познания»¹, показал, что то, что было принято считать объективным знанием, знанием, соответствующим действительности, на самом деле таковым не является.

Кант начал обсуждать вопрос о степени участия субъекта в познании, что дало толчок развитию принципиально новых форм проблематизации истины. Эти особенности эпистемологии Канта стали актуальными в связи с событиями революции в естествознании рубежа XIX-XX вв. Относительно проблемы истины это означало дальнейшую ее «гносеологизацию», переход от поиска условий «объективности» к прояснению проблем познания и знания.

Логико-методологический аспект истины связан с углублением проблем, поднятых Кантом, появлением противоречия «классического рационализма о существовании некоторого единственно возможного способа осмысленного представления действительности, по отношению к которому все остальные являются ошибочными» и попытками «лишить понятие «истина» рационалистического прочтения»², и даже элиминировать его из эпистемологии.

Когерентная трактовка, принцип репрезентации реальности, разрабатываемый в классической немецкой философии, давал эпистемологии наиболее подходящий критерий истины в условиях происходящего изменения норм и идеалов научного познания. Однако, когерентная трактовка имела существенный недостаток: она не предполагала необходимой связи знания и действительности, не давала удовлетворительного решения этого важнейшего для понимания истины вопроса. Недостаток когерентного понимания истины был связан также с кризисом историзма, идей, на которых были основаны концепции истины немецкого идеализма. В этих условиях происходили попытки реанимировать «классический» корреспондентный подход к истине как соответствию знания и действительности на новой, неклассической основе.

¹ Ойзерман Т.И. Кант и Гегель. Опыт сравнительного исследования. М.: Канон+, Реабилитация, 2008. С.227.

² Куликов С.Б. Онтологические предпосылки смысловых вариаций понятия истины: на материале западной философии: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01 / Куликов Сергей Борисович. Томск, 2004. С.3.

Однако в неклассической философии выяснилось, что классическая форма корреспондентного подхода не удовлетворяет новым требованиям, предъявляемым к познанию, прежде всего, научному. Одним из недостатков является то, что признак соответствия фактам действительности в силу многозначности самой действительности, не позволяет получить целостную картину понимания истины.

Другим недостатком принципа корреспонденции является, по словам Л.А. Микешиной, отрицание «возможности сопоставления вещи со знанием»¹, невозможность установить различие между истиной и действительностью, которой эта истина в теории соответствия предположительно должна соответствовать. Здесь существуют две крайности: положение о соответствии знания предмету может привести к сведению проблемы истины к созерцательно-сенсуалистическому смыслу, тогда как положение о соответствии предмета его понятию «может привести к догматизму, «подгонке» действительного явления, которое богаче абстракции, под его понятие»².

Перед неклассической философией, таким образом, встала задача синтезировать в целостной трактовке истины презентацию, познание как зеркальное отражение действительности, и репрезентацию – опосредованное отражение действительности. В решении этой задачи, как и в классической философии, снова поднимается более общий вопрос о соотношении знания и действительности.

Среди задач, связанных с логико-методологическим аспектом современной теории истины можно выделить требование, что она «должна нести дополнительную нагрузку либо как компонент адекватной теории значения, либо как составляющая определенной теории перевода, либо она должна иметь

¹ Микешина Л.А. Философия науки: Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования: учеб. пособие / Л. А. Микешина. М.: Прогресс-Традиция: МПСИ: Флинта, 2005. С.153.

² Микешина Л.А., Опенков М.Ю. Новые образы познания и реальности. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1997. С.68.

некоторое онтологическое представление и т.п.»¹. Логико-методологический аспект истины представлен семантической концепцией истины А. Тарского, а также разнообразными ее интерпретациями в контексте аналитической философии.

Переработав на основе правил логики известное определение истины Аристотеля, различая предложение и его денотат, Тарский соединяет их с помощью связки материальной эквиваленции («эквивалентности вида Т»): «предложение «р» истинно если и только если р»². Теория Тарского говорит, что для любых языков мы можем определить предикат истинности, то есть мы можем выяснить, истинность высказывания «снег бел», установив истинность эквивалентного ему высказывания «предложение «снег бел» истинно». Это единственный формально-логический способ установления истинности, не касающийся метафизического вопроса об условиях истинности.

Однако успешно применяемая в семантической среде такая схема с неизбежностью вела к парадоксам в сфере естественного языка. Кроме того, разрабатывая свою теорию, Тарский отмежевывался от любых методологических применений, в первую очередь, к областям естественных наук. Не случайно по собственному признанию Тарского, «до настоящего времени логические понятия и методы не нашли еще в этой области сколько-нибудь своеобразного или плодотворного применения»³, что обусловлено тем, что эмпирические науки лишь отчасти поддаются строгой логической организации, но отчасти они состоят из «примеров человеческой деятельности». Отсюда следовал вывод, что точными методами возможно развивать только семантику формализованных языков.

¹ Данилов В.Н. Дефляционные теории истины: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01 / Данилов Вячеслав Николаевич. М., 2003. С.5.

² Тарский А. Семантическая концепция истины и основания семантики // Аналитическая философия: становление и развитие (антология). М.: «Дом интеллектуальной книги», «Прогресс-Традиция», 1998. С.95.

³ Тарский А. Введение в логику и методологию дедуктивных наук. М.: Изд-во иностранной литературы, 1948. С.23.

Для достижения условий истинности логической теории, «формальной корректности» и «материальной адекватности»¹, в основе схемы Тарского лежит тезис о неопределимости истинности средствами объектного языка, на котором формулируется высказывание. Необходимы некоторые критерии, предельные основания для возможности самой оценки истинности или ложности высказываний. Поэтому Тарский обратился к теореме о неполноте формальных систем К. Геделя, утверждавшей, что непротиворечивость формальной системы не может быть установлена методами, формализуемыми в самой системе. Для установления истинности объектного предложения требуется язык более высокого логического порядка – метаязык.

Основной задачей метаязыка, согласно Тарскому, является воспроизведение структуры реального мира, действительности. Он должен вводить условия истинности и отвечать ряду требований, в частности, должен быть богаче по средствам выражения, чем объектный язык с тем, «чтобы в нем можно было построить имя для любого предложения объектного языка»². При этом метаязык, обладая большей системной организованностью, должен включать объектный язык как свою часть. Кроме того, метаязык не должен включать каких-либо «неопределяемых терминов», например, термина «истина»: все семантические понятия, в их числе и истина, должны вводиться в метаязык посредством определений. Только в этом случае метаязык будет обладать качеством выполнимости, когда возможны два исхода: или предложение выполнимо для всех x , либо невыполнимо ни для одного из x .

Вместе с тем, развитие науки до сих пор не привело к построению за рамками естественного языка адекватной модели метаязыка. Эффективность решения парадокса лжеца в рамках уровневого языкового подхода Тарского, ограничивалась рамками искусственных языков с конечным набором предложений и правил.

¹ Тарский А. Семантическая концепция истины и основания семантики. С.106.

² Там же. С.102.

Попытки перевода результатов, полученных в семантических понятиях в другие, скажем, физические термины, терпело неудачу. В этом состоит главный пункт критики семантической теории Тарского.

Поиски некоторых аксиом или онтологических оснований, благодаря которым можно было бы избежать круга порочности (бесконечного регресса) в признании истинности предложений для естественных языков, вели к необходимости эмпирической проверки того, что выходило за рамки формальной логики и требовало специального рассмотрения в контексте философии науки. Более того, поскольку вне нашего языка невозможно построить более сильный метаязык, «определения истины невозможны», «в этом смысле истина буквально невыразима»¹.

Для каждого языка необходимо было создавать свою особую теорию истинности, что нарушало логическое требование универсальной «материальной адекватности» теории истины, кроме того, усложняло проблематизацию вопроса о соотношении знания и действительности.

Таким образом, являясь эпистемологической основой логико-методологического аспекта проблематизации истины, корреспондентная трактовка Тарского вскрыла пласт проблем, который выходил за рамки чисто логических методов и подходов к познанию. Это порождало новые способы проблематизации истины, однако, на основе того же эпистемологического основания – вопроса о соотношении знания и действительности. Исследователей беспокоил, однако, уже не вопрос о том, что такое «действительность», сколько что такое «знание» и как оно соотносится с действительностью.

Само понятие «соотношение» также может иметь несколько интерпретаций. Так, американский исследователь Р. Киркэм обозначает принцип соотношения знания и действительности в диалоге Платона «Софист» термином

¹ Аналитическая философия / А.Л. Блинов, В.А. Ладов, М.В. Лебедев и др. М.: Издательство Российского университета дружбы народов, 2006. С.283.

«корреспонденция-как-конгруэнтность»¹ (correspondence as congruence). Такое понимание призвано повторять структуру факта в носителе истинностного значения (конкретном предложении), «как если бы факт и носитель истинностного значения соответствовали (correspond) друг другу»², однако не совпадали бы непосредственно, а имели бы посредником образ вещей – идею.

В противоположность платоновской позиция Аристотеля отвергает идеи как посредники между знанием и действительностью, она связывает истину с определенным положением дел и не требует каких-либо процедур обоснования. Она, в отличие от предыдущей, не предполагает наличия посредников между знанием и фактами действительности, но является только взаимосвязью, соотношением с ними, «результатом лингвистического соглашения, которое само по себе является результатом исторического развития языка»³. Киркэм называет такую позицию «корреспонденцией-как-корреляцией»⁴ (correspondence as correlation).

Одним из вариантов корреспонденции-как-конгруэнтности являлся подход к истине Б. Рассела. Он обнаружил, что логические методы могут принимать не только чисто семантическое значение, но и иметь некоторое отношение к действительности. Выяснением условий этих отношений он и посвятил свои труды. Язык, как полагал Рассел, представляет собой «ключ к метафизике»⁵, изучая структуру языка, разлагая сложные формы знаний на простые и подвергая последние логическому анализу, «мы можем получить значительное знание относительно структуры мира»⁶, отношений реальных вещей, на основе чего в дальнейшем разработать критерии истины.

¹ Kirkham R.L. Theories of Truth: A Critical Introduction. Cambridge; Massachusetts: MIT Press, 1995. P.119.

² Ibid.

³ Ibid.

⁴ Ibid.

⁵ Рассел Б. История западной философии. Новосибирск: Изд-во Новосибирского университета, 1997. С.552.

⁶ Рассел Б. Исследование значения и истины. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. С.394.

На основе изучения структуры языка Рассел пришел к выводу о реальности некоторых логических отношений. Например, он показывает, что отношения любви (R) не являются отношениями эквивалентности между a и b , если a – это Кассио, а b – Дездемона. Если бы это было так, то творчество Шекспира претерпело бы значительные изменения. Из этого следует вывод, что нельзя иметь ложного убеждения, в том смысле, что один или несколько объектов, мыслимые как относящиеся, просто не существуют»¹. Другой пример показывает, что несмотря на то, что никакого Санта Клауса не существует, это не предохраняет их от убеждения, что Санта Клаус носит белую бороду. Все это приводит Рассела к выводу о наличии некоторого пространства в действительности, где реально существуют отношения между переменными.

Общая формула истины в аналитическом подходе Рассела имеет вид: «любое убеждение истинно если и только если существует некоторый объект x , некоторый объект y , и некоторое отношение R , такое, что убеждение есть убеждение, что x имеет некоторое отношение R к y , и x действительно имеет отношение R к y »². Таким образом, Рассел говорит о двух условиях истинности высказывания: «одно из них утверждает существование некоторого факта, другой соединяет убеждение в этом фактом»³.

Размышляя над проблемой соотношения идей и объектов, Рассел приходит к выводу, что идеи могут реально существовать в действительности. Однако они должны мыслиться не в платоновском смысле как образы вещей, существующие на небесах, поскольку «главная ошибка состоит в том, что имеется идея для каждого объекта»⁴. Мы не можем иметь ни логических, ни, тем более, эмпирических свидетельств этому. Поэтому если идея понимается логически, «она может быть *идентична* объекту, или же может быть *дескрипцией*»⁵. Таким

¹ Kirkham R.L. Op. cit. P.123.

² Ibid. P.124.

³ Ibid.

⁴ Рассел Б. Введение в математическую философию. Избранные работы. Новосибирск: Сиб. Ун-та изд-во, 2007. С.171.

⁵ Там же.

образом, не сами объекты действительности, но их идеи находят отражение в семантических понятиях.

Большую ясность в вопрос соотношения знания и действительности вносит теория дескрипций. Согласно Расселу, мы можем установить значение выражения или путем прямого указания (остенсивно), или путем описания. Однако сами описания имеют два разных типа отношения к объекту: имена и дескрипции. Дескрипции выступают в качестве ярлыка, сокращенного описания для предмета. Отличительная особенность дескрипций – при обозначении объектов, референции, они приобретают смысловое содержание. Однако последнее связано, как показывает логика, с факторами неэпистемического характера. Помимо семантических средств необходимы дополнительные условия, к примеру, «должна существовать иерархия языков ... слова «истинно» и «ложно», применяемые к высказываниям некоторого данного языка, сами должны принадлежать к языку более высокого порядка»¹. Однако самым важным является наличие у субъекта особого рода отношения к факту как истинному или ложному. «Выводные» факты (факты истории, например) требуют, чтобы существовали какие-либо «определенные свойства, которые логически не необходимы»² и не выводимы из опыта, но которые позволяли бы исследователю делать научные выводы, приходиться к истине. Примером последних в концепции Рассела, является убеждение (belief) в определенном положении дел.

Вера как вероятность имеет, согласно Расселу, «доинтеллектуальный», априорный характер, она понимается им как неотъемлемый феномен психики человека, его поведения. Человек должен сначала поверить, и лишь затем должно наступить признание истины.

Рассел приводит пример, когда для простых обобщений, вроде «все собаки лают», нет достаточных оснований верить в истинность высказывания. Для веры они должны обладать «причинными принципами, такими, которые сделают

¹ Рассел Б. Человеческое познание, его сферы и границы. С.17.

² Там же.

определенные виды обобщения заранее достойными доверия»¹. Однако, как замечает Рассел, мы не можем быть абсолютно уверенными в достоверном знании ни указанных определенных свойств, ни причинных принципов, априори достоверных, поэтому «наше знание этих постулатов, насколько мы действительно знаем их, не может основываться на опыте»². Все это говорит о том, что логические способы установления соотношения знания и действительности ограничены самой природой действительности.

Таким образом, рассмотрение проблемы истины связано у Рассела с прояснением центрального для аналитической философии вопроса – взаимосвязи мира и языка. Центральный вопрос о соотношении знания и действительности для Рассела переформулируется в вопрос о соотношении мира и языка. При этом естественный язык, как показывает Рассел, невероятно сложен, он «вводит в заблуждение и, кроме того, при применении к логике является расплывчатым и неточным, для точной и исчерпывающей трактовки нашего предмета абсолютно необходим логический символизм»³. Основные достижения Рассела на этом пути – признание реального существования некоторой области отношений между элементами высказывания (примитивных значений).

Подход к истине Рассела продемонстрировал, что несмотря на некоторое отношение логических структур к действительности, не удастся полностью формализовать отношения, характерные для этой действительности. Никаких предельных оснований познания в смысле Лейбница, аксиом для построения непротиворечивых высказываний, в рамках естественного языка существовать не может. Поэтому в понимании истины Расселом сочетается как логико-методологический аспект корреспондентно-когерентного основания истины, так и экзистенциально-антропологический аспект конвенционально-прагматического подхода, взаимосвязанного с мировоззрением, правилами научной коммуникации и, в целом, особенностями познавательного отношения человека к миру.

¹ Рассел Б. Человеческое познание, его сферы и границы. С.542.

² Там же.

³ Рассел Б. Введение в математическую философию. Избранные работы. Новосибирск: Сиб. Ун-та изд-во, 2007. С.220.

Таким образом, многообразие форм знания, которое находится в центре внимания аналитической философии и разрабатывается в сфере языка следует в русле «лингвистического поворота» и аналитической философии. Этот поворот означает переориентацию части исследователей с метафизических проблем на проблемы, связанные со способами употребления языка. В этом направлении в зависимости от способов проблематизации истины можно выделить, следуя Р. Киркэму, три большие течения: метафизический проект (metaphysical project), проект обоснования (justification project) и проект речевых актов (speech-act project)¹.

Поскольку вопросы «из чего состоит истина, что нужно, чтобы утверждение (убеждение, пропозиция и т.д.) было истинным» рассматриваются в рамках метафизического проекта, последний имеет прямое отношение к проблеме соотношения знания и действительности. В свою очередь, метафизический проект распадается, согласно Киркэму, на два направления: реалистское (Realist) и нон-реалистское (Nonrealist). Водораздел между ними проходит по вопросу реального существования «внешнего» мира и его объектов. Соответственно этому выстраиваются и подходы к истине. Если к первому принадлежат, как правило, все корреспондентные концепции истины, то второе включает «теории, исторически названные когерентной, прагматической, прагматицистской и инструменталистской»².

Реалистский подход означает, согласно Киркэму, что условием истинности признается «наличие определенного положения дел (state of affairs)»³, независимого от сознания субъекта, которое может быть предметом изучения для получения истинного знания. В противоположном реалистскому «нереалистическом»⁴ (или «антиреалистском»¹, пришедшем на смену

¹ Kirkham R.L. *Theories of Truth: A Critical Introduction*. Cambridge, Massachusetts: MIT Press, 1995. P.20-21.

² Ibid. P.73.

³ Ibid. P.73.

⁴ Ibid. P.134.

устаревшему термину «идеалистический») в той или иной степени отвергается существование объективного, независимого от сознания положения дел, утверждается, что все предметы «имеют ментальную природу и являются идеями нашего сознания»².

Таким образом, если в реализме подчеркивается комплексный, многоаспектный характер истины, то в антиреализме онтологический аспект полностью исключается, его место занимают гносеологический, методологический и другие. На первый план выходит проблематизация понятия истины и выяснение условий истинности. Если подход Рассела к решению проблемы соотношения знания и действительности является в целом «реалистским», подход к истине Д. Дэвидсона содержит признаки антиреалистского направления.

В концепции Дэвидсона выдвигались попытки обоснования гипотезы о применимости семантической теории истины Тарского не только к искусственным, но и к естественному языку. Согласно Дэвидсону, если значение предложения задается объективными условиями истинности, возникает другой вопрос: как мы можем знать, что условия удовлетворены без конфронтации между тем, в чем мы уверены и действительностью. Как показывает Дэвидсон, Сама идея такой конфронтации абсурдна, поскольку истина достигается в процессе интерпретации участниками коммуникации.

Главная задача интерпретации – выяснение отношений между нашими убеждениями и ощущениями. Убеждения, согласно Дэвидсону, это состояния людей с верованиями, пристрастиями, органами чувств; они являются состояниями, которые вызываются и вызывают события внутри и снаружи тел своих носителей. Исследователю требуется выяснить, насколько соотносимо действительное положение дел (дождливая погода) с внутренним убеждением субъекта, выраженным в предложении «Идет дождь». Поскольку эти отношения

¹ Аналитическая философия / А.Л. Блинов, В.А. Ладов, М.В. Лебедев и др. М.: Издательство Российского университета дружбы народов, 2006. С.474.

² Там же. С.475.

не могут сводиться к чисто логическим, так как ощущения не являются убеждениями или другими пропозициональными (смыслообразующими) отношениями, Дэвидсон приходит к выводу об их каузальной природе. Ощущения создают некоторые убеждения и в этом смысле являются базисом, или основанием для этих убеждений. Но «причинное объяснение само еще не показывает, как и почему убеждение обосновывается»¹.

Как показывает Дэвидсон в своей программе радикальной интерпретации, выяснение границ применимости эмпирических данных в лингвистическом поведении субъектов приводит к выводу, что у нас нет оснований искать истину за пределами наших убеждений. Проблема истины связана с тем, чтобы «любому положению дел в высказывании придавать содержание высказывания: веру, пристрастие, стремление, значение»². Однако сами убеждения еще не приводят к истине: Дэвидсон отмечает, что «мы не можем, однако, выдвинуть живописное и приятное заключение, что все наши истинные убеждения конституируют знание»³. Основная трудность на этом пути состоит не только в вопросе обоснованности убеждений.

Эпистемологическая роль ощущений и восприятий следует из очевидной идеи: ощущения есть то, что соединяет мир и наши убеждения, поэтому мы часто уверены в них. Затруднение, в которое мы попадаем, является тем, что обоснование зависит от уверенности, которая, в свою очередь, является просто другим убеждением. И так как из существования убеждений следует существование ощущений, то из них же следует их собственная истина. Но поскольку ничего нового не добавлено, то здесь мы лишь возвращаемся к необходимости согласованности наших убеждений друг с другом.

Все наши знания о мире, как полагает Дэвидсон, «косвенно или напрямую зависят от скрупулезных и опасных выводов из действующих причин, которые берут начало в фактах наподобие бегающего кролика, спазма в желудке или

¹ Truth and Interpretation: Perspectives on the Philosophy of Donald Davidson / edited by Ernest LePore. Oxford; New York: Blackwell, 1986. P.309.

² Davidson D. Truth, Language and History. Oxford: Clarendon Press, 2005. P.639.

³ Truth and Interpretation: Perspectives on the Philosophy of Donald Davidson. P.318.

развития нервной системы, и заканчиваются в верованиях»¹. В соответствии с выдвигаемым им принципом онтологической нейтральности Дэвидсон требует независимости истинности от каких-либо внешних системе высказываний, онтологических параметров. Истина связывается с двумя вещами: со значением слов в конкретном выражении и с тем, каким образом устроен мир. Поэтому согласованность наших убеждений достигается в картине мира, к которой должны придти участники коммуникации.

На этой почве Дэвидсон обращается к семантической теории Тарского с целью выработать общие правила соединения фактов действительности и языковых предложений, создать такую теорию интерпретации, чтобы большинство интерпретаторов воспринимало предложение «идет дождь» адекватно действительному положению дел.

Дэвидсон показывает, что наличие самих фактов действительности доказывает «существование общей и в значительной мере истинной картины мира»². Однако Дэвидсон – не сторонник корреспондентного подхода. Дэвидсон показывает, что точно определить значение любого предиката вида «является истинным» возможно только если каждому предложению языка, в котором рассматривается истина, соответствует некоторое предложение, определяющее условия истинности, вида «предложение «р» истинно если и только если р». Таким образом, для идентификации предложения как истинного требуется вся совокупность подобных предложений. Однако определение значения не является собственно задачей логики, поэтому решение Дэвидсон находит в философском принципе снисходительности (*charity principle*), приносящем чисто метафизическую предпосылку о том, что носители языка интерпретации не менее разумны, чем интерпретатор, а если они и ошибаются, то достаточно редко.

Приспособив принцип снисходительности для задач радикальной интерпретации, Дэвидсон доказывает, что когда мы интерпретируем

¹ Davidson D. *Meaning, Truth, and Evidence*. P.47.

² Дэвидсон Д. Метод истины в метафизике // Аналитическая философия: становление и развитие (антология). М.: Дом интеллектуальной книги, Прогресс-Традиция, 1998. С.345.

высказывания говорящих на другом языке, мы должны допускать, что они верят в большинство вещей, в которые верим и мы. По словам Дэвидсона, принцип снисходительности является не просто конвенцией, он «призывает нас подгонять наши собственные высказывания (или наши собственные предложения) под слова и отношения других таким образом, чтобы рационально интерпретировать их речь и поведение»¹. В этом случае целью интерпретации должно являться «не соглашение, но понимание»². Рождение значения происходит путем «межличностной коммуникации об общем публичном мире и зависит от фактов, что человеческие существа имеют общие нужды и интересы»³. Когеренция, тесно связанная с интерпретацией, зависит от «понимания человеческого поведения», когда интерпретатор ясно представляет себе, «что люди *подразумевают* под тем, о чем говорят»⁴.

Отвергая эмпиризм в любой форме, совершенствуя семантическую схему А. Тарского с помощью принципа милосердия, Дэвидсон подходит к рассмотрению истины в контексте концепции радикальной интерпретации. В рамках нее истина мыслится как система, сочетающая критерии корреспонденции, когеренции при ведущей роли прагматического, проявляющегося в коммуникативном характере самой истины. Условием такого объединения критериев выступает то, что убеждения должны быть совместимы как с системой других убеждений говорящего так и с фактами – знанием об объективной действительности вокруг говорящего. Это позволяет Дэвидсону утверждать, что все наши знания суть обоснованные убеждения (*beliefs*). На основе имеющейся картины мира, с которой согласны большинство исследователей, можно построить систему доказательств для любых высказываний.

Только такое рассмотрение всего языка, как единой системы высказываний различного порядка, своего рода конвенции, включающей в себя

¹ Davidson D. *Problems of Rationality*. Oxford: Clarendon Press, 2004. P.35.

² Davidson D. *Inquiries into Truth and Interpretation (Second Edition)*. Oxford: Clarendon Press, 2001. P.xix.

³ Davidson D. *Truth, Language and History*. P.xvi.

⁴ *Ibid.* P.639.

соответствующие критерии истинности, способно служить успешному пониманию каждого отдельного предложения.

Рассмотренные подходы к истине, реалистский Б. Рассела и антиреалистский Д. Дэвидсона, несмотря на разницу в исходном тезисе о существовании независимой от субъекта действительности, приходят к сходным выводам в отношении эпистемологического основания истины – отношения знания и действительности. В обоих вариантах логико-методологического направления мысли центральной проблемой является выяснение условий истинности. Оба подхода приходят к выводу о недостаточности только логико-семантических средств, о большой роли факторов неэпистемического порядка. Эти моменты свидетельствуют о придании истине в рамках аналитического подхода субъективных свойств и даже тенденции к релятивизации (антиреализм) понимания истины. В связи с этим в рамках логико-методологического аспекта развивается направление, представители которого радикально решают возникающие угрозы и опасности.

Дефляционный подход к истине, или концепция избыточности своими корнями уходит в глубь аналитической философии, так как в основе ее лежит известный тезис Фреге о том, что значение повествовательного предложения является его истинностное значение. Основываясь на семантической концепции А. Тарского, дефляционные концепции ограничивают ее тем, что выдвигают новое условие истинности: соотнесение наших убеждений с фактами действительности, «с тем, каковы вещи на самом деле»¹. Правая часть высказывания (statement) никогда не может быть больше всего высказывания. При этом вопросы о том, что есть действительность, как она отражается в понятиях языка, не ставились. Таким образом, вопрос о соотношении знания и действительности решался радикальным образом – попросту снимался путем их формальной эквиваленции.

Известный британский математик и логик Ф. Рамсей, анализируя схему Тарского, пришел к выводу, что выражение «истинно» излишне для признания

¹ Davidson D. Truth, Language and History. P.8.

истинности всего суждения. Рассуждая о значении «истинно», Рамсей предполагает, что ответ должен быть очевиден. Все трудности в интерпретации свойства «истинный» возникают, «когда мы стремимся *сказать* о том, что это такое, так как в естественном языке существует нечто, что плохо адаптировано для выражения»¹. Истинным является не высказывание или описание, но сам факт, о котором пытаются сказать, поэтому Рамсей относит свою теорию к разновидности корреспондентной. «Истиной, мы говорим, будет то, когда человек верит, что A есть B , и A есть B , независимо от того, описано ли происходящее как взаимосвязь между двумя фактами; невозможность описания в терминах корреспонденции не может показывать, что этого никогда не произойдет и не существует того, что мы подразумеваем под истиной»².

По мнению Рамсея, то, что на самом деле мешает установлению «чистой» истины – это предикат «истинный», отсылающий к возможному верованию субъекта. Поэтому нужно избавиться от этого предиката и сослаться непосредственно на факт или определенное положение дел. В схеме Тарского «“ p ” истинно если, и только если p » Рамсей удаляет предикат «истинный» таким образом, что « p истинно = p ». Получается, что правая часть утверждения « p истинно» бесполезна, поскольку не сообщает нам ничего, кроме p . Соответственно истина есть то, чем является сам факт в высказывании.

Таким образом, радикализм дефляционного решения проблемы соотношения знания и действительности обусловлен как «онтологической неразрешимостью» классической формулировки истины как соответствия знания действительности, так и попыткой усовершенствовать критерий самосогласованности знания. Предшествующие попытки философского определения истины оказываются тривиальными, все метафизические отсылки, в том числе каузальные связи, с точки зрения сторонников дефляционизма, неприемлемы. Однако совсем отказаться от них невозможно. Дефляционные

¹ Ramsey F.P. Nature of Truth // The Nature of Truth. Classic and Contemporary Perspectives / edited by Michael P. Lynch. Cambridge; Massachusetts: The MIT Press, 2001. P.437.

² Ibid. P.440.

концепции возвращаются к классическому корреспондентному понятию истины в том смысле, что в ней истинность высказывания (proposition) и истинность констатации положения дел (statement) совпадают, приравниваются на уровне формализма.

С другой стороны, дефляционный подход есть попытка снятия противоречия классического корреспондентного подхода и неклассического требования отказа от притязаний на объективность получаемого знания.

Затруднения, с которыми сталкиваются сторонники дефляционного подхода, связаны с тем, что, расценивая истину как свойство, не являющееся пустым предикатом, невозможно определить его атрибутивные характеристики. Само понятие «истинный» является неопределимым – истина суждений, если и оценивается как взаимосвязь с соответствующим фактом, характер этой связи неясен.

Как отмечает В.Н. Данилов, «применение дефляционного понятия истины приводит к появлению требований, интерпретировать которые возможно лишь в терминах альтернативных теорий истины»¹. Иными словами, дефляционный подход не является самостоятельным, последовательным и законченным философским проектом. Подобно семантической концепции, дефляционная отталкивается от корреспондентного подхода.

Критику дефляционных концепций осуществил Я. Хинтиikka. Как и для других представителей аналитической философии, для Хинтиikka понимание истины связано с теорией референции. Референция – это «представление, согласно которому значением или компонентом значения языкового выражения является тот предмет (или положение дел), на который это выражение указывает»². Проблема референции, таким образом, имеет некоторое отношение к прояснению понятия «соотношение» между знанием и познаваемой действительностью.

¹ Данилов В.Н. Дефляционные теории истины: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01 / Данилов Вячеслав Николаевич. М., 2003. 110с.

² Аналитическая философия / А.Л. Блинов, В.А. Ладов, М.В. Лебедев и др. М.: Издательство Российского университета дружбы народов, 2006. С.738.

Предложение, признаваемое истинным, должно быть связанным с понятием информации. Информативностью же должны обладать не «значения», а референты (экстенционалы) предложений. Корреспондентная трактовка истины невозможна, так как она ничего не сообщает об отношениях между миром и языком, не решает основную проблему истины. В этом же отношении для Хинтикки неприемлемы и семантическая, и дефляционная концепции – они не только ничего не говорят о характере связи, но и не предполагают никакого объяснения за рамками высказывания. Для Хинтикки также неприемлем атолизм теории Тарского, выводящий истинность высказывания из истинности составляющих его членов. Однако он показывает, что логико-методологический аспект вовсе не отрицает факторы неэпистемического характера.

Согласно Хинтикке, существуют две модели взаимоотношений между миром и языком: универсалистская («я не могу обсуждать в моем языке отношения, связывающие его с миром»), и модельная («возможно все то, что универсалист полагает невозможным»¹). Несмотря на то, что Тарский ограничивал действие своей теории рамками семантики, и следует, таким образом, универсалистской парадигме, Хинтикка отрицает те «негативные философские следствия, «которые им первоначально приписывали и которые у них обычно подразумевают», то есть тезис о невыразимости истины в терминах самой теории, без помощи метаязыка. Согласно Хинтикке, следствием теории Тарского как раз является «определимость истины в языках первого порядка, что есть «фактически доказательство того, что тезис о невыразимости неверен и что в действительности можно обсуждать семантику языка в нем самом»². Соответственно, по Хинтикке, должны быть переосмыслены теории истины в герменевтике и постмодернизме, основанные на тезисе о «неопределимости». Следуя Витгенштейну, Хинтикка отмечает, что «мы можем говорить в нашем

¹ Хинтикка Я. Проблема истины в современной философии / Я. Хинтикка // Вопросы философии. №9. 1996. С.47.

² Там же. С.54.

собственном языке об истине и других концептуальных предметах»¹, поскольку мы можем об этом говорить.

На примере дедуктивного метода раскрытия преступлений Шерлока Холмса он показывает большую эффективность в отыскании истины вопросно-ответного метода. В противоположность чисто дедуктивному вопросно-ответная языковая игра является более гибкой, вовлекает в исследовательскую деятельность память, создает более обширное информационное поле, не предъявляет жестких условий к языку, на котором ведется исследование. Все это «свидетельствует о превосходстве вопросно-ответной (questioning) модели сбора информации над выводной (inferential) моделью (дедуктивной или индуктивной)»². Иными словами, Хинтиikka подчеркивает важность антропологического фактора, связанного с большой ролью диалогического взаимодействия, дополняющего дедуктивные процедуры в исследовании.

Редукционистский подход дефляционизма к истине может лишь констатировать существование взаимосвязи предложений и фактов действительности. Но ему не под силу объяснить характер этой взаимосвязи: «так называемая логическая форма представляет собой лишь отображение семантических свойств предложения на синтаксическом уровне»³.

Ключевым вопросом в теоретико-игровом подходе Хинтиikka выступает взаимодействие субъекта и действительности – семантическая переинтерпретация основного вопроса проблематизации истины. В то же время в решении проблемы истины, по мнению Хинтиikka, невозможно установить, какие действия приводят нас к понятию истины, то есть невозможно установить условия истинности. Поиски большинства исследователей, направленные на это, бессмысленны. Выступая как против установок логического позитивизма, так и

¹ Хинтиikka Я. Проблема истины в современной философии. С.56.

² Хинтиikka Я., Хинтиikka М. Шерлок Холмс против современной логики: к теории поиска информации с помощью вопросов // Язык и моделирование социального взаимодействия. Переводы / сост. В.М. Сергеева и П.Б. Паршина. М.: Прогресс, 1987. С.269.

³ Хинтиikka Я. Логико-эпистемологические исследования. М.: «Прогресс», 1980. С.338.

инструментализма, Хинтиikka подчеркивает, что логические истины несут в себе некоторую интуитивную информацию о действительности, теоретические термины включают семантическую информацию – сведения об объектах действительности.

Хинтиikka обращается к древнегреческой философии, обнаруживая у первых греческих философов попытки постановки и решения этого вопроса. Анализируя эпистемологию Платона, Хинтиikka указывает на ключевой у него вопрос о соотношении знания и веры и возможности существования «осмысленной ложности»¹. Этот вопрос оказывается для Платона взаимосвязанным с проблемой соотношения знания и объекта. Хинтиikka указывает на общую для всей греческой философии традицию рассматривать отношение между знанием и объектом «в свете допущения о концептуальной первичности идеи конечного пункта, цели или предела (telos)»².

Как отмечает Хинтиikka, рассматривая мнение, веру и знание как «разные способности» (dynamēis), Платон выявил, что они должны приводить к разным результатам, «быть направлены на разные объекты»³. Развивая эту мысль, Хинтиikka показывает, что у Платона она превращается в эпистемологическое требование, чтобы любое знание имело свой объект. Знание не может не иметь объекта, так как при этом отсутствовала бы ключевая для греческой философии предпосылка о тождестве познаваемого и познанного. Со времен досократиков эта предпосылка выражалась в идее непосредственного знакомства с объектом: «знать» означало отождествление предложения и объекта, «способности с ее продуктом»⁴. Соответственно, ложное утверждение означало неверное отождествление, когда в качестве объекта принимается другой предмет. Вся традиция эпистемологии оказывается ориентированной с тех пор на достижение этой цели.

Прослеживая развитие этих идей, Хинтиikka подчеркивает отождествление

¹ Хинтиikka Я. Логико-эпистемологические исследования. С.358.

² Там же. С.360.

³ Там же. С.363.

⁴ Там же.

речи и мышления, или даже первичность устной речи к мышлению, объясняя это «отсутствием у Платона и Аристотеля развитого понятия суждения»¹. Далее Хинтиikka указывает, что истинное знание для большинства греческих философов было возможно только в форме представлений о вещах как вечных и неизменных. Таким образом, действительность, которой соответствует знание, должна носить вневременной характер.

Все это говорит о том, что понимание истины через принцип корреспонденции уже в классической античной философии принимает очертания системности, в которой ключевую роль играет момент устной речи, «высказанности» истины, коммуникации. Таким образом, логико-методологический аспект в проблематизации истины Хинтииккой противостоит инструментализму дефляционных и семантических подходов. Трактовка истины Хинтиикки является сложной, совмещающей в себе корреспондентный, когерентный и конвенционально-прагматический подходы. Вместе с тем Хинтиikka продемонстрировал, что уже в древнегреческой философии последнему компоненту отдавалось преимущество перед другими.

Таким образом, в рамках аналитической философии проблема понимания истины рассматривается в большинстве случаев в рамках теории значения и референции. Рассматривая истину преимущественно в логико-методологическом аспекте, представители аналитической философии чаще всего пользовались когерентным, семантическим и дефляционным определениями истины, часто синтезируя их. Общая задача проблематизации истины сводилась к определению условий истинности, согласованности обеих частей предложений эквиваленции в схеме Тарского. Невозможность установления истинности средствами языка, на котором эта истина высказывается, равно как попытки применения теории Тарского к естественному языку, выявляет тенденцию к прагматизации теории значения, а значит, и истины.

В рамках постнеклассического этапа развития науки провозглашается преодоление абстрактного гносеологического подхода к истине, упускающего из

¹ Хинтиikka Я. Логико-эпистемологические исследования. С.426.

виду и по существу утрачивающего «в качестве своего предмета человека как такового»¹. Все это говорит о необходимости привлечения наряду с логико-методологическим экзистенциально-антропологического аспекта в исследовании истины. Последнее можно условно разделить на герменевтико-феноменологическое и конвенционально-прагматическое направления проблематизации истины.

§ 4. Экзистенциально-антропологический аспект истины: истина как цель и результат человеческой деятельности

В рамках феноменологии решение вопроса о том, что есть действительность, бытие, особое место занимает понятие «интенциональности». Интенциональность, или направленность сознания, – это сущностная характеристика последнего. Все многообразие действительности связано с природой самого сознания. Вне интенциональности невозможна никакая деятельность сознания, в том числе познавательная, поскольку само сознание Гуссерль трактует не в картезианском смысле как особого рода субстанцию, но раскрывает несколько смыслов сознания. Он понимает сознание как синтетическую спонтанность интенциональных актов, «интенциональное переживание»².

Изучая особенности человеческого сознания, Гуссерль выявляет его двойственность. Как показывает Гуссерль, структура интенционального акта не зависит от характера объекта, на который направлено сознание. В одном случае сознание проявляет себя в деятельности, есть «отношение сознания к своему содержанию (предмету)»³. Во втором значении сознание означает у Гуссерля «конституирующую мир синтетическую спонтанность интенциональных актов», не сводимую к предметам ни физической, ни психической природы «область

¹ Микешина Л.А. Эпистемология ценностей. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. С.5.

² Гуссерль Э. Избранные работы. М.: Территория будущего, 2005. С.151.

³ Там же. С.131.

сущностных (априорных) отношений и сущностных усмотрений»¹. Эта область образует сознание субъекта.

Феноменологически понимаемого субъекта Гуссерль трактует как единство, целостность Я, возникающую из «потока переживаний»². Другие понятия: «ноэма» и «ноэсис» – связывают интенциональный акт с понятием смысла. Описание «пережитого» в терминологии Гуссерля – ноэма происходит через процедуру акта полагания смысла, ноэсис. Смысл, или ноэма, характеризуется «идеальностью и объективностью, что отличает его от конкретного ментального события, т.е. акта означивания или осмысления, с одной стороны, и от трансцендентального способа полагания смысла, или ноэсиса, с другой»³. В этом Гуссерль стремится избежать психологизма.

Поскольку проблемы познания сводятся в его концепции к проблемам сознания, то и действительность он рассматривает в контексте этих общих проблем не как действительность познания, а как действительность идеальных феноменов сознания (онтологический аспект). Соответственно уровням нашего восприятия Гуссерль выделяет в действительности несколько пластов: обыденное сознание «естественной установки», эйдетическая редукция, феноменологическая редукция, – в результате которых сознание как бы восходит до уровней наиболее полного, целостного восприятия действительности.

Частью предмета является все то, что «реально конституирует его», что «само может считаться реальным», его фрагменты и «связи, которые обеспечивают (geben) единство»⁴. Идеальные определения, которые полагаются всем предметам вообще, независимо от их материи, от их единичных и видовых определенностей, не принадлежат к их содержанию. Внешнее совпадение, сходство между двумя предметами, сколь бы велико оно ни было, по мнению

¹ Гуссерль Э. Избранные работы. С.17.

² Там же. С.144.

³ Касавин И.Т. Смысл как проблема эпистемологии и науки // Эпистемология и философия науки. 2007. т.ХІІІ. №3. С.8.

⁴ Гуссерль Э. Избранные работы. С.72.

Гуссерля, «еще не делает один изображением другого»¹. Мы можем иметь в своем сознании не одну единственную, но множество действительностей, не сводимых друг к другу.

Сознание, согласно Гуссерлю, – это такой предмет, исследование которого нельзя вести научными (в том числе психологическими) методами. Оно не включено в сеть каузальных отношений, соответственно, требует пересмотра традиционных подходов и отказа «естественной установки» в пользу методов феноменологии.

В трактовке истины Гуссерлем ключевые понятия интенциональности, ноэсиса и ноэмы характеризуют и «естественную установку» – наше восприятие действительности и ее осмысление. Гуссерль призывает освободиться от естественной установки – идеалов познания, сложившихся в европейской науке, и подменяющих созерцательное исследование «жизненного мира» окаменелостями теоретических конструкторов и теорий. Существует особый способ возникновения истинного знания о действительности, конституирование, воссоздание через чистое сознание редуцированных структур окружающей действительности и ее феноменов, когда «явление само есть интуитивное определение чистого созерцания»². Таким образом, достраивание редуцированной в естественной установке действительности посредством перехода к установке «чистого сознания» для Гуссерля есть основной путь прояснения вопроса о соотношении знания и действительности.

Однако феноменологический метод Гуссерля, во многом уточняя элементы данного вопроса, в частности, понятие «сознания», не прояснял характер отношения его к действительности «материальной», фактической. Это могло вести к тому же, в чем сам Гуссерль обвинял европейский рационализм XIX – начала XX вв. Все попытки прояснить вопрос об отношении сознания к

¹ Гуссерль Э. Избранные работы. С.72.

² Разеев Д.Н. В сетях феноменологии. Основные проблемы современной феноменологии. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2004. С.25.

«внешней» действительности свелись у Гуссерля к описанию состояний «чистого сознания», «жизненного мира», «переживания», «смысла».

Если в феноменологии онтологизируется индивидуальное сознание субъекта, то в герменевтике происходит переход к исследованию особой текстуальной действительности, объединяющей субъектов в едином акте понимания. В герменевтике Г.-Г. Гадамера существуя в рамках текста как конструкция, эта реальность раскрывается в таком понятии как «контекст».

При естественнонаучном подходе к истине «высказывание не содержит в себе самом полноту своего смыслового содержания»¹, его монологичность не позволяет получить полного знания о предмете исследования. Соответственно, неприменимы методы этих наук. «Познание социально-исторического мира не может подняться до уровня науки путем применения индуктивных методов естественных наук»².

Познание, в том числе естественнонаучное, Гадамер всегда связывает с процессом понимания, интерпретации текстов, поскольку «понимание и истолкование текстов является не только научной задачей, но очевидным образом относится ко всей совокупности человеческого опыта в целом»³.

В ходе интерпретации образуется смысл высказывания. Целостное высказывание для исследователя – это «уже не единица языка (и не единица «речевого потока» или «речевой цепи»), а единица речевого общения, имеющая не значение, а *смысл* (то есть целостный смысл, имеющий отношение к ценности – к истине, красоте и т.п. – и требующий *ответного* понимания, включающего в себя оценку)»⁴. При этом Гадамером отмечается особая опосредующая роль в интерпретации текста: «понятийная система, в которой развертывается философствование, всегда владела нами точно также, как определяет нас язык, в

¹ Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. С.56.

² Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988. С.45.

³ Там же. С.31.

⁴ Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // Эстетика словесного творчества. М.: Наука, 1986. С.321.

котором мы живем»¹. Слово имеет значение отнюдь не только в системе или контексте, само его нахождение в контексте предполагает, что «слово никогда нельзя отделить от той многозначности, какой оно обладает само по себе – даже если контекстом ему придан однозначный смысл»². Это проявляется, например, в соотношении таких понятий, как истина и правда.

Правда всегда имеет индивидуальный смысл, структурированный мировоззренческими элементами субъекта. «Правда замкнута на субъекта речи; истина отсылает к чему-то внеположному человеку, – к реальности», поэтому правда служит мерилем не только значения, но и значимости, межсубъектной ценностной окрашенности того или иного высказывания. В правде более выражено ценностное начало. Поэтому «о ценностях нельзя говорить, что они существуют или не существуют, но только что они значат (gelten) или не имеют значимости»³. Ценностное существует только во взаимодействии участников познания, таким образом формируется интерсубъективная «значимость». Путем диалога воссоздается и текстуальная реальность, позволяющая приблизиться к жизненному миру.

Согласно Гадамеру, «жизненное – не такого свойства, чтобы можно было извне достичь постижения жизненности», единственным путем для того является постижение его «изнутри», только «способом самоощущения, погружения вовнутрь собственной жизненности»⁴.

Таким образом, Гадамер пользуется не одним, а сразу несколькими подходами к истине. Это следует из особой трактовки действительности, которая существует лишь благодаря активной языковой деятельности субъекта. Действительность, или мир, которому должно соответствовать знание, есть, таким образом, «общее основание, на которое никто не вступает, которое все признают и которое связывает между собой всех тех, кто разговаривает друг с другом»⁵.

¹ Гадамер Х.-Г. Истина и метод. С.43.

² Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. С.59.

³ Там же. С.56.

⁴ Гадамер Х.-Г. Истина и метод. С.150.

⁵ Там же. С.516.

Сама языковая реальность возникает, конструируется только в процессе взаимодействия участников.

В этом процессе в ходе взаимодействия нескольких субъектов место репрезентации занимает интерпретация, которая есть «не только момент познания и истолкования смыслов, но способ бытия, которое существует понимая»¹. Значение интерпретации для теории познания таково, что она является процедурой порождения смысла, всегда стремится выйти за пределы своего определения в сферу познания и бытия, тем самым предлагая необходимые эпистемологические основы для философского осмысления истины. Таким образом, и в герменевтике понимание истины соединено с особой языковой деятельностью субъекта – коммуникацией, происходящей в особой языковой действительности. Истина достигается в ходе диалогического взаимодействия, соотношения знания и этой языковой действительности, а потому носит конструктивный характер. Конструктивный характер истины в герменевтике выступает не как исключение, но – как правило для любого познавательного контекста.

Другим вариантом экзистенциально-антропологического аспекта, уточняющего классическую форму проблематизации истины, является конвенционально-прагматический подход.

Отличием прагматической концепции от корреспондентной является то, что прагматическая концепция рассматривает истину как знание, которое должно соответствовать не фактам действительности, а конечному результату. В качестве последнего чаще всего выступает успешность применения знаний в человеческой деятельности, а также его полезность. Оба критерия неразрывно связаны с психическим, интенциональным отношением субъекта. Подчеркивая относительность всякого эмпирического знания, основоположник прагматизма Ч.С. Пирс стремился отыскать онтологические основания истинности, которые реально существовали бы и могли бы восприниматься субъектом.

¹ Микешина Л.А. Философия познания. Полемические главы. М.: Прогресс-Традиция, 2002. С.20.

Понимаемое как «некоторая физическая истина всеобщего типа, строгое (exact) в своем определении и оказывающееся истинным без исключения, с высокой степенью точности»¹ знание отличается от законов природы, которые выступают у Пирса «некоторыми предзнающими обобщениями наблюдений»², выражающими внешнюю, непсихологическую сторону познания. Он показывает, что истинность знания – это не полное его совпадение с материальной действительностью, ибо «говорить, что мы логически выводим существование материи из ее качеств, значило бы утверждать, что мы знаем действительность только через возможность»³.

Признавая в целом независимость действительности от нашего мышления, а также приемлемость для отыскания истины научного метода, он показывает, что как только сознание субъекта начинает соприкасаться с действительностью, мы получаем не научные факты и рациональные истины, но всегда лишь продукты волевой сферы психики субъекта. Субъект с помощью своей воли вырывает из потока сознания отвечающие его устремлениям и целям идеи. Ощущения и эмпирические факты являются только опорой для этого, но не могут являться критериями истины.

В то же время Пирс постоянно подчеркивает «реалистские» основания своего подхода, отталкивается от принципа корреспонденции. Это связано с попытками отмежеваться от редукции истины к полезности в инструментализме У. Джеймса, Д. Дьюи и Дж. Мида, которые также называли себя «прагматистами», будучи, однако, на позициях антиреализма. Пирс даже придумал новое название своему подходу: «прагматицизм».

В своем решении вопроса о соотношении знания и действительности Пирс выделяет три фундаментальных уровня действительности: первичный (вызывающий элементарные ощущения), вторичный (производящий изменения в восприятии) и третичный (связанный с будущим положением вещей,

¹ Пирс Ч.С. Начала прагматизма. СПб.: Лаборатория метафизических исследований философского факультета СПбГУ; Алетейя, 2000. С.240.

² Там же. С.241.

³ Там же. С.11.

предчувствием). Все уровни оказываются у него взаимосвязанными через семиотические, знаковые отношения. В этом смысле справедливо замечание Р. Киркэма о том, что концепция истины Пирса «паразитирует на другой, скрытой теории истины: истины как соответствия реальности»¹.

Приравнивая ощущения, с которых начинается любое познание к привычкам, определяющим действия, Пирс трактует познание любого типа как «производство верования»², особого рода деятельность, основанную на согласовании абстрактных утверждений с неким идеальным пределом. Истина для Пирса – это верование, убеждение, «с которым в конечном счете, суждено (is fated) согласиться всем, кто исследует»³, а путь научного знания – непрерывное исправление погрешностей, совершенствование гипотез и улучшение теорий на пути достижения истины.

В таком понимании научного познания у Пирса на первый план выходит уже принцип соотнесения с интенцией и эмоционально-волевой сферой психики субъекта, то есть, в значительной степени, прагматизации истины. О когерентности истинного знания в концепции Пирса свидетельствует и необходимость взаимосвязи знаков в процессе интерпретации получаемого знания. Смысл и значение («репрезентамен» и «интерпретант» в терминологии Пирса) одних знаков нельзя прояснить в изоляции от других, поэтому установить семантическое значение возможно только выявляя принципы построения самой системы. Поскольку «цель знаков – она же цель мысли – дать выражение истине»⁴, то это отношение – суть выводимость любых законов, то есть согласованность знаковых систем.

Таким образом, в подходе Пирса присутствуют различные формы решения вопроса о соотношении знания и действительности. Пытаясь избежать

¹ Kirkham R.L. Theories of Truth: A Critical Introduction. Cambridge; Massachusetts: MIT Press, 1995. P.83.

² Пирс Ч.С. Как сделать наши идеи ясными // Вопросы философии. 1996. №12. С.123.

³ Там же. С.129.

⁴ Пирс Ч.С. Начала прагматизма. С.223.

релятивизма, сочетать прагматизм и гносеологический оптимизм, привлекая для объяснения действительности определения выполнимости, эффективности и полезности, он синтезирует принципы корреспонденции и когеренции. В своей сущности знание, получаемое в результате, можно назвать диалогическим, коммуникативным, поэтому условием понимания должно служить совпадение объектов, репрезентируемых знаками для обоих участников коммуникации, создателя знака и воспринимающего этот знак. Объект и знак у разных интерпретаторов должны совпадать, что и является главной целью научной коммуникации.

Важнейшая задача знака, по мнению Пирса, состоит в репрезентации вещей и отношений действительности, она не может быть поставлена без привлечения некоторого указания. Проблема истины, в этом случае, включает в себя задачу поиска знака, или символа для такого указания. Таким знаком должна являться мысль, которая сочетает в себе качества и факты действительности, обладает искомыми онтологическими характеристиками для выражения истины. Сама действительность формирует особенности нашего восприятия, тем или иным образом указывает на предметы нашего внимания. Поэтому мышление, образующее некую языковую знаковую среду, есть «главный, если не единственный, способ репрезентации»¹ предметов внесубъектной действительности. Истина оказывается результатом взаимодействия субъекта и действительности, опосредованного знаками. Человеческое мышление, опираясь на семиотическое понимание истины, совмещает в себе одновременно соответствие знания и предмета и согласованность знания с внутренним миром субъекта.

Таким образом, в понятии знака Пирс объединяет познавательные процедуры репрезентации и интерпретации, а в самом процессе познания у него сочетаются ценностные и эпистемологические характеристики. Истинность, если она возможна, должна основываться на каких-либо онтологических свойствах, в то же время основаниями, непосредственно формирующими истину, оказываются

¹ Пирс Ч.С. Начала прагматизма. С.76.

формы сознательной деятельности субъекта – его поведение, а также цели и ценности, придающие его деятельности смысл. Деятельность, выраженная, прежде всего, в коммуникативном поведении субъекта, обусловлена особыми свойствами языка, который одновременно есть и область деятельности познающего субъекта, и бытия объекта, действительности. Модель субъект-объектных отношений в том виде, в котором она разрабатывалась в классической философии, начиная с Платона и Аристотеля, и связанное с этим нормативное понимание истины, претерпевает изменения. «Решение проблемы истины в прагматизме достигается в результате нейтрализации значимости такого критерия, как непосредственность соответствия теории и объективной реальности»¹. На роль посредника в вопросе о соотношении знания и действительности начинает претендовать язык, точнее, способ использования языка в исследовательской деятельности.

Кроме прагматического, к антропологическому направлению понимания истины можно отнести и конвенциональную трактовку истины А. Пуанкаре. Основываясь на анализе как теоретической физики, так и математического знания, Пуанкаре пытался определить границы применимости критерия опытной проверки и место теоретического предположения – гипотезы.

Рассматривая конкретное физическое явление, Пуанкаре определяет его как результат суперпозиции большого числа элементарных явлений, подобных друг другу. Поскольку явление суперпозиции физических состояний есть математическая индукция, то и характер гипотезы также будет иметь математическую форму: «все подлежащие сочетанию явления должны подчиняться одному и тому же закону»².

Говоря о возрастающей роли субъективного в принятии того или иного научного принципа как истинного, Пуанкаре приводит пример принципа простоты закона Мариотта. Вера в такие методологические принципы, как

¹ Куликов С.Б. Онтологические предпосылки смысловых вариаций понятия истины: на материале западной философии: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01. Томск, 2004. С.5.

² Пуанкаре А. О науке / А. Пуанкаре. М.: Наука, 1983. С.102.

простота или непрерывность служит развитию науки, и если бы эта вера исчезла, то «экспериментальная наука стала бы невозможной»¹. На вере основаны даже наши представления о существовании объективной реальности.

Пуанкаре делает вывод, что если «некоторое явление допускает какое-либо одно полное механическое истолкование, то оно допускает и бесконечное число других, которые одинаково хорошо будут объяснять все особенности, обнаруживаемые опытом»². Конкретный выбор для описания, признаваемого за истинное, будет продиктован «лишь такими соображениями, в которых большую роль играет личная оценка»³. В качестве примера Пуанкаре показывает, что Максвелл построил свою теорию электродинамики на основе «принципа наименьшего действия» – закона постоянства суммы кинетической и потенциальной энергий, взятой из механики Ньютона.

Рассматривая, с другой стороны, математическую науку, в которой принцип верификации был бесполезен, Пуанкаре указывал на ее замкнутость и теоретическую ограниченность в подходах к истине. Единственным приемлемым критерием истины для Пуанкаре оставалась опытная проверка математических выражений. Однако сами математические выражения невозможно проверить, они имеют характер абсолютных, недоказуемых истин.

Критерий самосогласованности знания – как основной для математических истин – также не рассматривался Пуанкаре как достаточный. Развитие знания только по логическому пути не может привести к истине: «вы можете подняться к вашему логическому идеалу, только порвав те связи, которые соединяют вас с реальностью»⁴. Вот почему когерентный путь понимания истины не является приемлемым. Отталкиваясь от конвенционального определения истины, Пуанкаре подчеркивал, что в науке большую роль играет фактор субъективности, но эта субъективность имеет естественный, принимаемый научным сообществом как неизбежность, характер. На примере сравнения евклидовой и неевклидовых

¹ Пуанкаре А. О науке. С.128.

² Там же. С.137.

³ Там же.

⁴ Там же. С.213.

геометрий ученый показал, что при выборе того или иного метода доказательства истины в процессе познания ученые прибегают к тому, который более всего удобен. На вопрос истинна ли Евклидова геометрия, Пуанкаре отвечает, что «одна геометрия не вернее другой, а только более или менее удобна»¹.

Критикуя как позитивистский принцип верификации, так и аналитические способы логической проверки предложений наблюдения, Пуанкаре пришел к выводу, что никакие доказательства (дедуктивные или опытные) не могут, в сущности, служить достаточным основанием для утверждения того или иного результата научного познания как истинного. В этом случае «мы всегда приходим к недоказуемой аксиоме, которая, в сущности, будет не что иное, как предложение, подлежащее доказательству, но только переведенное на другой язык»².

Отрицая математические методы как аксиоматические и заранее не отвечающие новым критериям истинности, Пуанкаре признавал объективными только соотношение теоретических и эмпирических высказываний, полученных на основании интуиции ученых и под влиянием таких субъективных критериев, как удобство.

Развитие науки, согласно Пуанкаре, представляет собой смену одних соглашений другими, более удобными. Критерии удобства, основанные на таких субъективных свойствах, как уверенность, представления о гармонии, красоте определяют выбор того или иного теоретического описания физических явлений. Признавая, что соглашения основываются на интуитивно выведенных отношениях научных высказываний, Пуанкаре отводил им главную роль в формировании системы доказательств, к которой относятся научные принципы, языка, терминов и т.п. В итоге у Пуанкаре сама истина приобретает конвенциональный характер.

Объясняя успешное использование преобразований Лоренца удобством, достигнутым в результате соглашения исследователей, Пуанкаре тем самым проясняет свою позицию, совмещая подходы конвенционализма и прагматизма.

¹ Пуанкаре А. О науке. С.33.

² Там же. С.18.

Критерий удобства теоретического описания, с другой стороны, имеет сходство с критерием практической полезности прагматизма. Можно считать, что конвенционализм в отношении проблематизации истины есть, по меньшей мере, продолжение и развитие идей прагматизма.

Идеалы современной постнеклассической эпистемологии, в которой «нормативы объективированного знания имеют двуединую природу – логическую и коммуникативную»¹, связывают истину с языковой деятельностью субъектов. Полнее всего коммуникативность истины представлена в концепции языковых игр Л. Витгенштейна, примыкающего к экзистенциально-антропологическому направлению благодаря переосмыслению базовых категорий онтологии, познания и знания, разработке новых, связанных с человеком и его деятельностью, принципов познания.

Языковая игра в понимании Витгенштейна – это модель коммуникации, задающая значение, которое сформировалось вместе с самим языком в результате развития различных форм человеческой деятельности. «Изучение языковых игр – это изучение примитивного языка»², в котором слова употребляются в строго определенном смысле. Языковые игры дают возможность описать любой факт, явление, построить модель поведения человека или группы людей, задать самим построением текста способ его понимания, а значит, в итоге, выявить истинностное значение предложений.

Витгенштейн понимает языковые игры как своеобразное поле для исследования вопроса о соотношении мира и языка, его познавательных возможностей. Поэтому проблема истины неразрывно связана с проблемой прояснения языковых выражений, что затрагивает важнейшую для аналитической философии проблему значения.

В контексте языковых игр Витгенштейна значение слова рассматривается им как «именование», «способ своего употребления», когда значение и смысл

¹ Микешина Л.А. Философия познания. Полемические главы. М.: Прогресс-Традиция, 2002. С.117.

² Витгенштейн Л. Голубая и коричневая книги: предварительные материалы к «Философским исследованиям». Новосибирск: Сиб. Унив. Изд-во, 2008. С.45.

сливаются. От изменения представлений фактов как образов мира меняется значение слов и в целом языка. Поэтому закономерен его вывод о том, что «значение слова – это его употребление в языке»¹. Языковые игры, раскрывая сущность значения, поясняют основу человеческого познания. Неадекватное воспроизведение значения зависит не от «логики нашей речи»², как он полагал прежде, но – от субъективных механизмов смыслообразования. Простые, «атомарные» предложения составляют материал для конструирования картины реальности. Эта картина необходима людям для того, чтобы соотносить полученные сведения подобно тому, как часть соотносится с общим. Однако в силу того, что слово приобретает смысл только в результате «именования», приписывания ему значения, естественный язык в рамках сложившихся вариантов его использования, концептуальной схемы, является весьма неточным инструментом для передачи значения. Например, смысл атомарных предложений «доброта» или «желтизна» невозможно установить средствами лишь анализа языка, что отмечал уже Дж. Мур³. Поэтому для позднего Витгенштейна логика уже не составляет основы мира. Мир, если и имеет основу в бытии субъекта, обнаруживает свою сущность только в языке, актуализируется через говорение, коммуникацию.

Феномен языковых игр можно понять, если исходить из деятельностного компонента познания, связанного с бытием субъекта. Витгенштейн подчеркивает тесную связь языка и действия, языка и мышления: как самого субъекта нельзя объективно рассмотреть вне его деятельности, так и к языковым играм также нельзя подходить как к статичным, застывшим знаковым формам. Они – суть разнообразные механизмы словообразования и словоупотребления. Поэтому термин «языковая игра» у него призван подчеркнуть, что «говорить на языке – компонент деятельности или форма жизни»⁴. Соответственно и научное познание

¹ Витгенштейн Л. Философские работы. М.: Гнозис, 1994. Ч.1. С.99.

² Там же. С.88.

³ Мур Д.Э. Природа моральной философии. М.: Республика, 1999. С.50.

⁴ Витгенштейн Л. Философские работы. М.: Гнозис, 1994. Ч.1. С.90.

– получение истинного знания – будет, по Витгенштейну, особой формой языковой деятельности субъекта.

Языковые игры, понимаемые как компонент деятельности и форма жизни, увлекают в исследование, прежде всего, анализ человеческой деятельности. Понимание истины как соответствие действительности в трактовке Витгенштейна переключается с вопроса о том, что такое реальность на проблемы ведения научной коммуникации. Соответственно, истина должна сочетать в себе все способы и аспекты отображения действительности. Язык, аккумулируя разнообразные формы познавательного отношения к миру, субъекту и самому себе, трактуется не только как инструмент познания, но, шире, как феномен объективной реальности, часть бытия, одновременно отражаемого и отражающего истину, он является мощным инструментом не только познания, но и преобразования действительности. Поэтому в понятии деятельности выявляется неразрывная взаимосвязь человеческой активности, познания и языка.

Конвенционально-прагматические черты обнаруживает и постпозитивистская концепция познания К. Поппера. Постановка проблемы истины в его концепции связана как с исследованием логики развития науки, так и с проблемой поиска критериев научности, проблемой демаркации.

Следуя Попперу, любое получаемое нами знание, даже научное, не является абсолютно достоверным, оно подвержено ошибкам и заблуждениям, «гипотетично и взаимосвязано»¹. Теории образуют взаимосвязанные системы. Требования научной обоснованности и истинности теорий сводятся к методологическому правилу интерсубъективной проверяемости теорий: «наука может использовать только такие высказывания, которые допускают интерсубъективную проверку»². Однако если «базисные высказывания в свою очередь должны допускать интерсубъективную проверку, то в науке не останется

¹ Поппер К. Теоретико-познавательная позиция эволюционной теории познания // Вестник Московского университета. 1995. №5. С.18.

² Поппер К. Логика и рост научного знания. М.: Прогресс, 1983. С.81.

окончательно установленных высказываний»¹: каждая система теорий проверяется путем выведения следствий меньшей степени очевидности, что приводит к бесконечному регрессу.

С другой стороны, результат научного высказывания зависит не от формальных процедур, но от целей, которые ставит исследователь. Вопрос о том, являются ли законы науки достаточно строгими, имеет место закономерность или случайность в ходе наблюдения или эксперимента, решается «лишь на основе соглашения, или конвенции»².

Аргументы Поппера сводятся к тому, что применение принципов формальной логики было бы возможным лишь в том случае, если бы рассматриваемые нами физические объекты были конечны. Например, если бы количество элементарных частиц было бы постоянным, а время-пространство – ограниченным. Принцип фоллибилизма, выдвигаемый Поппером, говорит, что сама наука развивается не путем индукции, а путем выдвижения новых гипотез, постановки проблем, где важную роль играет субъект, его ценностно-целевые установки. Поэтому принцип корреспонденции, заключенный в индуктивных процедурах, оказывается для него неприемлемым, он выступает против ориентированности на поиск «окончательных оснований»³. Равным образом Поппер отвергает и релятивистскую позицию, согласно которой для любой системы можно добиться условий согласованности с феноменами и фактами действительности.

Конвенционализм, согласно Попперу, отчетливо показывает, что верификация, как процедура проверки, сама по себе недостаточна, факты, призванные проверять теории на истинность, на самом деле сами зависят от теоретического базиса, оказываются «теоретически», а не «эмпирически» нагруженными». Факты, опровергающие теорию, вовлекают в процесс доказательства новые теории, сами по себе также нуждающиеся в эмпирической

¹ Поппер К. Логика и рост научного знания. С.71.

² Там же. С.87.

³ Там же. С.107.

проверке. В этом просматривается антииндуктивистская позиция Поппера, оспаривающего индукцию как основной путь формирования научного знания. Принцип индукции, связанный с корреспонденцией, для Поппера оказывается бесполезным, так как для того, чтобы его оправдать, нам необходимо «применять индуктивные выводы, для оправдания этих последних приходится вводить индуктивный принцип более высокого порядка, и так далее в том же духе», что приводит, в итоге, «к бесконечному регрессу»¹.

Следуя Попперу, мы принимаем или опровергаем теории не на основании принципа соответствия содержания теории фактам, а на основании принципа согласованности между теориями (когеренции). «Теории Галилея и Кеплера, говорит Поппер, – были объединены и заменены логически более строгой и лучше проверяемой теорией Ньютона»². Но поскольку эмпирическая проверка не дает должной степени достоверности, что зависит от высокой степени универсальности верифицирующей гипотезы, а в общественных науках она не применима в принципе, единственным критерием демаркации у Поппера оказывается принципиальная опровержимость гипотез (принцип фальсификации). В то же самое время, в концепции Поппера научное познание выступает как путь к априорному, истинному знанию, что свидетельствует о «невозможности универсального критерия истинности»³.

По-видимому, об этом же свидетельствует и то, что Поппер в основе любой деятельности, в том числе и научной, усматривает соглашение. Это обусловлено, по его мнению, «несовершенством индивида» и его «социальной природой»⁴.

Таким образом, подход Поппера к истине, совмещает два требования: непротиворечивость и фальсифицируемость (входящих в принцип когерентности) и верификация (корреспондентный подход). При этом необходима поправка на постоянное присутствие в естественном языке «концептуального каркаса»,

¹ Поппер К. Логика и рост научного знания. С.48-49.

² Там же. С.332.

³ Там же. С.576.

⁴ Поппер К. Открытое общество и его враги. Т.1. М.: Феникс, Культурная инициатива, 1992. С.111.

олицетворяющего догматичность традиционных научных познавательных процедур, обусловленных «структурными правилами нашего языка»¹, а значит, наличие в истине еще третьего (конвенционально-прагматического) компонента в форме соглашений.

Предлагаемая Поппером концепция истины, рассмотрение устоявшихся правил и приемов ведения научной деятельности, также имеют отчетливую тенденцию к прагматизации понимания истины, смещению понимания истины от принципа соответствия действительности к принципу практической полезности и intersубъективной проверяемости теорий. В итоге у Поппера получаемое нами знание будет являться истинным только в единстве его компонентов при доминировании конвенционально-прагматического.

Если позиция Поппера является «критическим рационализмом», критикующим метод индуктивного построения теорий, то более радикальные тенденции присутствуют в эпистемологическом «анархизме» П.К. Фейерабенда, демонстрирующем ограниченность и иррационализм методологических правил как таковых.

Поставив перед собой цель проанализировать все, что способствует прогрессу науки, Фейерабенд выдвигает в качестве модели развития науки принцип пролиферации, рассматривающий науку как процесс смены одних теорий другими, альтернативными, которые опровергают существующие теории.

Рассматривая процесс развития науки, Фейерабенд приходит к выводу, что прогрессу науки способствовало чаще не следование строго заданным методологическим и эпистемологическим процедурам, а, напротив, их нарушение. Процесс научного познания, согласно Фейерабенду, не может быть «четко заданной программой», но скорее, «некоторым неопределенным побуждением, «страстью»»². На основе этого он развивает тезис, что наряду с «правилами» ведения научного познания необходимы «контрправила», например,

¹ Поппер К. Логика и рост научного знания. С.581.

² Фейерабенд П.К. Против методологического принуждения // Фейерабенд П.К. Избранные труды по методологии науки. М.: Прогресс, 1986. С.157.

тот же принцип фальсификации и контриндуктивизм К. Поппера.

На основе введения «контрправил» Фейерабенд рассматривает два принципа – когеренции (когда исследователь разрабатывает альтернативные и несовместимые с признанными гипотезы) и корреспонденции (когда исследователь развивает гипотезы, несовместимые с фактами). В итоге «познание, понимаемое таким образом, не есть ряд непротиворечивых теорий, приближающихся к некоторой идеальной концепции», истине, а скорее, «представляет собой увеличивающийся океан взаимно несовместимых (*быть может, даже несоизмеримых*) альтернатив, в котором каждая отдельная теория, сказка или миф побуждают друг друга к более тщательной разработке»¹, конкуренции.

На примере понятия атома Фейерабенд показывает, насколько значение этого понятия менялось за столетие, и то, что обозначалось «атомом» в начале XX века не соответствует представлениям об атоме в конце XX века. Соответствие или несоответствие трудно обнаружить в рамках существующей теории. На помощь должна прийти какая-либо новая гипотеза, которая выявляет несоответствие, а кроме этого «в состоянии повторить прошлые успехи признанной точки зрения и которая имеет новые и независимые свидетельства в свою пользу»².

В связи с несоизмеримостью теорий Фейерабенд показывает, что «язык наблюдения» (контекст открытия) является тем же языком, что и «теоретический язык» (контекст обоснования). Значение теоретических понятий зависят не от их различия, а от прагматических предпочтений исследователей. Сами эмпирические факты не в состоянии опровергнуть существующую теорию. Для этого необходима другая, альтернативная теория, опирающаяся на язык наблюдения. Эта теория устанавливает связь между «значением термина» и «тем фактом, что

¹ Фейерабенд П.К. Против методологического принуждения. С.161-162.

² Фейерабенд П.К. Ответ на критику // Структура и развитие науки. М.: Прогресс, 1978. С.420.

этот термин является термином наблюдения»¹, таким образом, происходит «размножение теорий», их конкуренция в деле теоретического описания. Цель такого развития теорий – не достижение «истины», а успешность, большая конкурентоспособность на пути научной деятельности.

Сама же наука рассматривается исследователем как игра, в которой возникновение и смена научных теорий представляет собой игровые комбинации, а определение степени корректности розыгрыша таких комбинаций является главной задачей философии науки. «Познание оказывается в этом случае океаном постоянно увеличивающихся альтернатив, каждая из которых принуждает других уточнять свои точки зрения»².

Таким образом, механизм несоизмеримости выявляет, что истина зависит не от критериев соответствия знания действительности или самосогласованности. Только успешность и эффективность решения той или иной теорией исследовательских задач позволяют знанию претендовать на статус истины. Утверждая верховенство целей во всякой человеческой деятельности, в том числе и научной, Фейерабенд подчеркивает обусловленность того или иного понимания истины факторами социально-культурного, и даже психологического порядка. Отвергая некритичное принятие установки, рассматривающей научный метод как единственно верный для получения истинного знания, Фейерабенд противопоставляет ему принцип методологического анархизма: «допустимо все», что способствует в науке успеху. Любые гипотезы и конкурирующие теории, даже далекие от науки, например, в искусстве, имеют право претендовать на статус истины. «Наука есть одна из форм идеологии»³ - констатирует Фейерабенд, и требование согласовывать с ней все прочие традиции, как минимум, лишено основания. Не случайно поэтому, по мнению В.Н. Поруса, подход Фейерабенда

¹ Фейерабенд П.К. Ответ на критику. С.445.

² Там же. С.421.

³ Фейерабенд П.К. Наука в свободном обществе // Фейерабенд П.К. Избранные труды по методологии науки. М.: Прогресс, 1986. С.517.

причисляют к постмодернистскому¹, когда отрицаются все нормы и ценности предшествующего периода развития философии. Это показывает доминирование в целостном осмыслении истины не логико-методологического аспекта, но уже – экзистенциально-антропологического.

Тенденция к их объединению становится явной в неклассической философии, когда «понятия практического успеха, или intersубъективно фиксируемого прогресса познания, который опять-таки является свидетельством успеха теории, молчаливо подменяют ключевое, но проблематичное понятие реальности самой по себе»². В философии сформировались синтетические попытки решения основного вопроса о соотношении знания и действительности, мира и языка. Примерами тому являются: трансцендентальный прагматизм К.-О. Апеля, теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса. Предложенные в них новые трактовки истины совмещают указанные направления феноменологии, герменевтики и аналитической философии.

По мнению Апеля, главным недостатком классического трансцендентализма Канта явилась неосознанность связи между коммуникацией и рефлексией. Кант не учитывал проблемы intersубъективной значимости языковых суждений, абстрагировался от вопросов коммуникации. Важнейший компонент познавательной деятельности оказывался вне пределов рассмотрения классической философии.

Апель трактует истину в духе прагматизма, как результат консенсуса рациональной аргументации исследователей. В своем лозунге «трансформации философии» Апель предлагает заменить «трансцендентальную философию частного субъекта» «трансцендентальной философией intersубъективности»³. Язык служит посредником между эмпирической и трансцендентальной

¹ Порус В.Н. Фейерабенд // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / под ред. В.С. Степина. Т.4. М.: Мысль, 2010. С.168.

² Касавин И.Т. Истина // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: «КАНОН+», 2009. С.325-326.

³ Назарчук А.В. Язык в трансцендентальной прагматике К.-О. Апеля // Вопросы философии. 1997. №1. С.72.

интерсубъективностью, средством «интеграции телесного априори и априори сознания»¹. Такая «трансформация, по мнению Апеля, способна «снять принципиальную разницу между классической онтологией и философией познания Нового времени»², в то же время избежать углубления в релятивизм.

Истина для Апеля выступает как «априори идеального коммуникативного сообщества», она носит интерсубъективный характер. Знание является истинным для всех, кто является участником коммуникации и следует правилам аргументации, принятым научным сообществом. Интерпретация, как важнейшая процедура установления истины, согласно Апелю, есть результат «прагматически успешного согласования смысла на уровне употребления языка»³.

В трансцендентально-прагматическом подходе Апель доказывает необходимость для познания, в том числе рефлексии, выяснения условий возможности аргументации, то есть прагматических предпосылок познания. Тем самым подход Апеля продолжает тенденцию, начатую Хайдеггером к синтезу современных эпистемологических подходов к истине. Он является попыткой совместить методы герменевтики (герменевтическая реконструкция), феноменологии и аналитической философии на поле исследования проблем познания и истины. На этом фоне выделяется подход Ю. Хабермаса.

Продолжая рассмотрение проблемы истины в контексте герменевтической концепции интерпретации, Хабермас полагает, что «язык, употребляемый перформативно, включен в более сложные отношения, нежели простое отношение высказывания «о чем-то»⁴, поэтому, когда субъекты говорят о каком-то предмете, они имеют в виду больше не его свойства, а стремятся выразить отношение к нему.

Это следует из теории коммуникативного действия, в которой Хабермас

¹ Назарчук А.В. Язык в трансцендентальной прагматике К.-О. Апеля. С.74.

² Апель К.-О. Трансцендентально-герменевтическое понятие языка // Апель К.-О. Трансформация философии. Вопросы философии. 1997. №1. С.91.

³ Там же. С.88.

⁴ Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. М.: Наука, 2000. С.40.

предлагает отказаться от оппозиции европейского субъект-объектного мышления, «извне деформирующего» мир познавательных отношений. Коммуникативное действие – это, по сути, консенсусная форма социального взаимодействия, в которой действующие субъекты мобилизуют потенциал для рациональности, данной в естественном языке и ее цели – рационально обоснованного согласия. Хабермас отмечает, что бытующие в современной науке образцы коммуникативного поведения и социальные институты, ориентированные, прежде всего, на решение технических вопросов, принципиально не достигают реального жизненного мира, сферы социального взаимодействия субъектов познания. Любой объект внешнего мира может быть осознан двояко – «как доступное наблюдению событие, и как доступное пониманию объективное значение»¹.

Нужно отказаться от опытно-экспериментальной модели научного познания, ориентированной на создание мира искусственных предметов, в пользу новой «коммуникативной рациональности», в основу которой положена субъект-субъектная структура, переориентирующая отношения познания на «интеракцию», социальное взаимодействие, понимаемое не просто как социальное взаимодействие, но как межличностное общение, личностно значимую коммуникацию. Адекватное понимание истины может быть дано только в форме интерпретации, когда истина «требует участия, а не одного лишь наблюдения»².

Интерпретацию Хабермас противопоставляет когнитивному акту как простой соотнесенности знания и вещи. Поскольку интерпретация всегда является «более объемлющим», привносит в получаемое знание большее значение, чем «строго пропозициональное знание, соотносимое с истиной»³, корреспондентная трактовка истины теряет свое значение. Не существует внесубъектной данности, на которую можно опираться при описании явлений. Интерпретация всегда носит личностный характер, она вовлекает в процесс познания жизненный мир

¹ Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. С. 38.

² Там же. С.44.

³ Там же.

субъектов, который является более доступным изучению в ходе их взаимодействия, чем репрезентируемая внесубъектная действительность.

Интерпретация, в отличие от нормативных критериев истины, не имеет, согласно Хабермасу, предельных метафизических оснований. Последние, если и имеются, то должны «покоиться на прагматических предпосылках»¹, поскольку они «могут быть по-разному интерпретированы в свете меняющихся теорий с помощью меняющихся дескриптивных систем»². Но в контексте этой подлинной коммуникации должны быть сформулированы адекватные идеалы и цели, поэтому нужны иные критерии, близкие когеренции или прагматизму.

Хабермас обнаруживает эти критерии в универсальных правилах интерпретации, которые являются рациональными по своей природе. Это «дотеоретическое знание и интуитивное обладание системами правил, на которых основаны порождение и оценка символических выражений и операций»³. Эти правила, применимые как для частных наук, так и для логики и философии, кроме того, что являются основой для когеренции, непосредственно связаны с ценностным отношением субъекта к предмету. При этом Хабермас принципиально не разграничивает коммуникативный и прагматический характер истины, полагая, что практика – прагматический критерий истины – «функционирует в пространстве коммуникативного разума, ориентирующего участника интеракции в многообразии претензий на значение – значимость»⁴.

Через объединение когерентной и прагматической трактовки истины Хабермас соединяет моральное и когнитивное, выходя, таким образом, на синтетическое понимание истины как обоснованного знания, обусловленного «прагматическими предпосылками»⁵, которые он расценивает как основу любой аргументации. Универсализируя стандарты мышления, он локализует их в сфере ценностного отношения к действительности. В своей попытке соединить

¹ Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. С.129.

² Там же. С.99.

³ Там же. С.52.

⁴ Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М.: Весь мир, 2003. С.344.

⁵ Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. С.129.

традиции феноменологии, герменевтики и аналитической философии Хабермас подчеркивает важную роль антропологического компонента языка, на котором ведется исследование, что признается, прежде всего, в конвенционально-прагматическом подходе к истине.

Попытки дать ответ на вопрос о соотношении знания и действительности в аналитической философии, феноменологии и герменевтике указывают на коммуникативный характер истины, имеют общую тенденцию к смещению трактовок истины к субъекту, его внутреннему миру, прагматизации понимания истины. Они приводят к необходимости совмещения двух взаимоисключающих императивов научной деятельности: логико-методологического, включающего идеалы научной истинности и экзистенциально-антропологического, исследования истории и культуры как феноменов «коренной, генетически заданной установкой человеческого сознания»¹ действительности.

Поскольку в неклассической (в том числе, в постнеклассической, по определению В.С. Степина) философии все больше осознается опосредующая роль языка, коммуникативной деятельности в проблематизации истины через принцип соотношения знания и действительности, создаются синтетические подходы к истине, сочетающие как прагматический, так и конвенциональный компоненты, целесообразно объединить последние в конвенционально-прагматический подход к истине.

Об этом говорит и провозглашаемый современной философией науки «синтез когнитивных практик», признание «наряду с логическими методами таких операций, как репрезентация, конвенция и интерпретация»². Таким образом, общее понимание истины в неклассической философии смещается в сторону конвенционально-прагматического ее компонента.

Подобные тенденции отражаются и в концепции «совокупного

¹ Порус В.Н. Является ли наука самоорганизующейся системой? // Вопросы философии. 2006. №1. С.104.

² Микешина Л.А. Философия науки. Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования: учеб. пособие / Л.А. Микешина. – М.: Прогресс-Традиция: МПСИ: Флинта, 2005. – С.5.

познавательного процесса», когда знание выступает в виде некоторой конвенции, «совокупности того, что в данной культуре и исторической эпохе считается знанием»¹, достигается «консенсус» между теоретическим и эмпирическим подходами, интеграция опыта вне- и донаучного знания и применение всего этого к истине в рамках ее осмысления в современной философии науки.

Кроме того, при анализе историко-философских концепций соотношения знания и действительности, как ключевой модели и исходного пункта для развития различных проблематизаций истины, выявляется следующая тенденция. Если в классической философии в исследованиях доминирует вопрос о природе и свойствах действительности, отражаемой в знании, то в неклассической философии акцент смещается на исследование проблем, связанных с самой природой знания.

Таким образом, все попытки решить основной вопрос проблематизации истины, будь то в контексте, или за рамками принципа соответствия сталкиваются с необходимостью прояснения ключевого для понимания истины вопроса о соотношении между знанием и действительностью. Можно выделить три философско-методологических инварианта соотношения знания и действительности: соотношения знания и материальной действительности (корреспондентный подход), знания и феноменов сознания (когерентный подход), знания и ожидаемых результатов (конвенционально-прагматический подход). Все это позволяет применить к истине системный подход.

Перемещаясь из области обоснования бытия в сферу обоснования знания, проблема истины является теоретико-познавательным и методологическим требованием к научному познанию. Поскольку важнейшим признаком научного знания, помимо достоверности и обоснованности является системность, необходимо исследовать проблему системности истины, а также эксплицировать связь принципа соответствия знания действительности и системного характера истины.

¹ Касавин И.Т. Истина: вечная тема и современные вызовы // Эпистемология и философия науки. – 2009. – т. XX. – №2. – С.10.

Глава 2. ИСТИНА КАК СУПЕРАТТРАКТОР В СИСТЕМЕ САМОРАЗВИВАЮЩЕГОСЯ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

§1. Роль конвенционально-прагматического компонента в системной проблематизации истины

Принцип системности присущ любому философскому или научному исследованию, поскольку, согласно А.И. Уемову, «важнейшей чертой окружающего нас мира является системность»¹. Сам принцип системности является только частью более общего системного подхода – методологического направления, характерного для большинства исследуемых объектов. В основе системного подхода лежит «исследование, проектирование и конструирование объектов как систем»², рассмотрение объекта как взаимосвязанного и упорядоченного множества элементов.

Основные принципы системного подхода возникли в рамках диалектики Гегеля. Однако еще у Платона и Аристотеля присутствовал тезис о несуммативности целого. Таким образом, системный подход восходит к истокам зарождения философского знания, в том числе и постановки проблемы истины.

Классическая версия одной из первых форм системного подхода – тектологии А.А. Богданова – утверждала тождественность и изоморфизм систем различных уровней организации материи.

Сам характер истины, следуя Богданову, должен быть «эмпириомонистическим», то есть сведенным к некоторому единству, организации, системной целостности всех форм существования материи во Вселенной. Истина в этом случае «либо расширяет содержание, вмещающееся в данных формах познания, – расширяет его эмпирический материал, либо создает

¹ Уемов А.И. Системный подход и общая теория систем. М.: Мысль, 1978. С.136.

² Блауберг И.В. Проблема целостности и системный подход. М.: Эдиториал УРСС, 1997. С.43.

для этого материала более целостные и прочные формы»¹. Истина в концепции эмпириомонизма и тектологии Богданова – это связь «физического» и «психического», тогда как последние являются организационными формами, подлежащими исследованию.

Необходимым условием постижения истины является материалистический монизм, что позволяет объяснить любые процессы и явления с точки зрения их организации. Поскольку «область организационного опыта совпадает с областью опыта вообще»², единственным критерием истины для Богданова служит проверяемость на практике. По его мнению, только опытное познание может претендовать на статус истинного, «познание метафизическое, внеэмпирическое есть пустая фикция; познание, лишённое единства, немонистическое означает только пробел познания»³.

Системный подход, рассматриваемый в более широком, чем у Богданова, значении, как междисциплинарное философское направление, позволяет рассматривать любые объекты и явления как абстрактные системы, идеальные объекты, позволяя эксплицировать существенные связи, свойства и отношения между элементами этих систем. Несмотря на то, что системный подход и общая теория систем сами по себе «не решают и не могут решать мировоззренческих, общеполитических проблем», по мнению В.Н. Садовского, они разрабатываются, базируясь на философской методологии научного познания, они создают «целостное конкретное представление о методах и средствах исследования систем в современной науке и технике»⁴. Таким образом, системный подход может быть рассмотрен в качестве общеполитической методологии для проблематизации истины.

В философии сложилось многообразие определений понятия «система».

¹ Богданов А.А. Эмпириомонизм: Статьи по философии. М.: Республика, 2003. С.106.

² Богданов А.А. Тектология. Всеобщая организационная наука. Кн.1. М.: Экономика, 1989. С.73.

³ Богданов А.А. Эмпириомонизм. С.106.

⁴ Садовский В.Н. Основания общей теории систем. М.: Наука, 1973. С.11.

Согласно А.И. Уемову, система – это множество вещей, на котором реализуется заранее определенное отношение с фиксированными свойствами, или «любой объект, в котором имеют место какие-то свойства, находящиеся в некотором заранее заданном отношении»¹. Истина, как абстрактное понятие, образующее особого рода отношения истинности, также может быть рассмотрена как система.

В системном подходе выделяется, согласно А.И. Уемову, три типа содержательных компонентов: системообразующие свойства (концепт); системообразующие отношения (структура); элементы системы (субстрат). Понимание истины в контексте системного подхода также предполагает выделение ее структурных компонентов.

Понятие структуры в широком смысле обозначает «всю совокупность отношений между элементами», в узком значении этого слова структура тождественна понятию системообразующего отношения. «Одна и та же структура может быть у систем, разных по субстратам»². Поскольку «минимальными компонентами системы», характеризующими «максимальный предел ее расчленения»³ выступает множество сложившихся в философии концепций и подходов к ее пониманию, они являются структурообразующими элементами.

Под субстратом системы понимается тот объект, которому присущ набор свойств, сопоставляемых системообразующим отношением, та вещь или множество, на котором выполняется смыслообразующее отношение. Для системного понимания истины субстратом может выступать в самом широком смысле многообразно понимаемое знание и столь же многообразно понимаемая действительность. Для системного понимания истины данные элементы будут выступать как неделимые единицы, в то время как для других систем и для решения других задач они могут подвергаться дальнейшему делению, составляя множество ее элементов. Так, реконструкция различных подходов к истине показала, что знание может трактоваться как мнение, верование, информация,

¹ Уемов А.И. Системный подход и общая теория систем. С.121.

² Там же. С.127.

³ Блауберг И.В., Юдин Б.Г. Становление и сущность системного подхода. М.: Наука, 1973. С.185.

протокольное предложение, научная теория, чаще всего как утвердительное субъектно-предикатное высказывание. Действительность может делиться на такие элементы, как идеальная и материальная, трансцендентальная и эмпирическая и т.д.

Концепт – это «определенный тип понимания системы»¹, некоторый принцип построения системы, иерархически занимающий более высокое место по отношению к структуре и субстрату. Под концептом может мыслиться также «признак, в соответствии с которым упорядочиваются отношения между словами»² в предложении. Поскольку, согласно Уемову, «Концепт системы определяет собой целый класс отношений, удовлетворяющих свойству, выраженному этим концептом»³, то концепт определяет то, какой будет структура системы. Если принимать в качестве общего свойства всех определений истины вопрос о соотношении знания и действительности, то системообразующими отношениями (структурой) может выступать все многообразие его решений: соответствие знания и действительности, самосогласованность и логическая непротиворечивость знания, соответствие между идеями и целями (ожидаемыми результатами) или идеями и мнением большинства исследователей.

Отношения между компонентами субстрата, в таком случае, носят сложный характер и восходят к основному (системообразующему) свойству системного понимания истины – вопросу соотношения между знанием и действительностью. Поэтому в качестве альтернативной структуры можно рассматривать аспекты проблематизации истины: онтологический, гносеологический, логико-методологический, экзистенциально-антропологический.

Понять сложность взаимоотношений между структурными элементами эпистемологического основания истины можно на примере тех норм научного мышления, которые возникали и сменяли друг друга в процессе научного развития. Как было показано, развитие проблематизации истины шло по пути

¹ Уемов А.И. Системный подход и общая теория систем. С.126.

² Дмитриевская И.В. Текст как система: понимание, сложность, информативность. Иваново: Ивановский государственный университет, 1985. С.4.

³ Уемов А.И. Системный подход и общая теория систем. С.126.

гносеологизации этого понятия, перевода ее из сферы бытия в сферу познания.

Гносеологизм, основанный на идеях Канта, знаменовал перенос проблем, связанных с истиной, с вопросов природы знания и его отношения к действительности, на вопросы, связанные с природой и ролью субъекта познания. Элементы системного понимания научного познания усложнялись, трансформировались в проблемы научного метода и средств научного познания. Они мыслились в самом общем смысле как принципы и подходы к предмету изучения, категории и понятия научного познания, концептуальные схемы, парадигмы, способы построения научных теорий и т.д.

Если для онтологизма главным был вопрос, «как достигнуть истинного знания об объекте, каковы предпосылки этого, то гносеологизм сосредоточивает размышления над проблемой тех познавательных предпосылок, которые увеличивают конструктивную силу познания»¹.

В постнеклассической философии происходит перерастание «гносеологизма» в «методологизм», ориентация на анализ средств познания постепенно изменяется в сторону процесса массового производства, индустрию научного познания. Соответственно, меняется сама постановка проблемы истины, подходы, которые выдвигали некоторый образец истины, такие как корреспондентный, теряют свое значение, возникают концепции, отрицающие эпистемологическое значение понятия истины, считающие его «излишним», подменяющие понятие истины понятием «правдоподобие»², «смысл»³ и др.

Однако, по мнению некоторых исследователей проблемы истины, представление большинства неклассических подходов о «непознаваемости» истины как таковой, а также ее редукции, есть следствие «общей

¹ Блауберг И.В., Юдин Б.Г. Становление и сущность системного подхода. С.29.

² Огурцов А.П. Альтернатива истине: смысл или правдоподобие? / А.П. Огурцов // Эпистемология и философия науки. – 2009. – Т. XXII. – № 4. – С. 63-67.

³ Маркова Л.А. Перспектива науки: смысл как альтернатива истине // Эпистемология и философия науки. 2009. т. XXII. №4. С.48-57.

противоречивости западного мышления»¹, «кризиса рациональности»² и т.п. Сами критерии корреспонденции или когеренции оказываются подчиненными критерию эффективности, основанному на intersubъективном соглашении ученых и составляющим одну из целей научной деятельности. Все это свидетельствует о важнейшей роли конвенционально-прагматического компонента в системе истины.

Эксплицитное выражение системности, по мнению Б.Г. Юдина, предполагает «переход от феноменалистской фиксации свойств объекта к специальному теоретическому конструированию моделей, наиболее адекватно выявляющих системное строение и сущность объекта»³. При этом отмечается, что к описанию систем частнонаучного знания помимо феноменализма необходимо привлечение гносеологически-методологических моментов.

Происходящие в ходе исторического развития способов и форм научного познания процессы конструирования системы истины из ее составных частей – критериев – могут выступать возможным вариантом системного видения истины, что соответствует представлениям постнеклассической рациональности о научном знании. Последнее предполагает взаимосвязь знаний об объекте не только со средствами, но и с ценностно-целевыми структурами деятельности. Однако неверная интерпретация или намеренное искажение роли субъекта в системном понимании истины в разное время имели место в науке. Это могло происходить в процессе выдвижения гипотез, интерпретации данных

¹ См.: Куликов С.Б. Онтологические предпосылки смысловых вариаций понятия истины: на материале западной философии: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01 / Куликов Сергей Борисович. Томск, 2004.; Скоробогатых М.В. Анализ концепций истины: гносеологические и логико-математические аспекты: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01 / М.В. Скоробогатых. Магнитогорск, 2006; Данилов В.Н. Дефляционные теории истины: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01 / Данилов Вячеслав Николаевич. – М., 2003. – 110с.

² Лимонов И.Б. Проблема истины в философии и науке. Истина и субъективность / И.Б. Лимонов, И.В. Мартынычев, А.И. Синюк. Альметьевск: Академия наук социальных технологий и местного самоуправления; Закамское отделение, 2004. – С.4.

³ Блауберг И.В., Юдин Б.Г. Становление и сущность системного подхода. С.150.

экспериментов, выборе когерентных теорий и других моментах построения теоретического знания. Такого рода методологические ошибки связаны с нарушением принципа системной целостности, означающего, что «данный конкретный объект научного познания является целостным, и поэтому применение к нему чисто редукционистских способов исследования в конечном счете оказывается неэффективным»¹.

Целостность – это представление о полноте охвата явлений, об объекте как о целом. Однако, в отношении принципа системности это определение дополняется также представлениями о «сущности интеграции, процессах новообразования, структурных уровнях, иерархической организации процессов и явлений и т.п., существующих в каждый данный момент в философском и научном познании»². Целостности присуще свойство интегративности. С точки зрения И.В. Блауберга, в гносеологическом плане «интегративность выступает как результирующая обобщающей функции понятия целостности, связанной с уже познанными особенностями сложноорганизованных объектов»³. В связи с этим остро встает вопрос о комплексном, включающем в себя все компоненты истины, критерии для проверки знания на его научность. Понятие целостности – «интегральная характеристика синтетических тенденций научного познания»⁴, придающая последнему строгость и организованность – могла бы, как нам представляется, претендовать на роль такого критерия.

В естествознании одним из наиболее часто употребляемых критериев научной истины, основанных на связи ее компонентов, а значит, учитывающем принцип целостности, является экспериментальная проверка (практика). Практика – это деятельность, основной целью которой является проверка истинности знания путем сопоставления его с некоторыми критериями.

Роль практики в отношении проблемы соотношения знания и

¹ Блауберг И.В. Проблема целостности и системный подход. М.: Эдиториал УРСС, 1997. С.157.

² Там же. С.159.

³ Там же.

⁴ Там же. С.161.

действительности определяется тем, что, по словам Г.Д. Левина, «процесс отражения действительности в сознании можно представить как перенос формы предметов и процессов объективной действительности в сознание, а практику – как обратный процесс»¹. В этом смысле практика выступает «необходимым звеном, опосредующим отношение между знанием и отражаемой им действительностью»², она является, таким образом, обратной стороной концепта системно понимаемой истины. Это следует и из того, что, по мнению И.В. Блауберга, система – суть понятие для «воспроизведения в знании целостного объекта с помощью специфических принципов, определенных понятийных и формальных средств; как правило, это воспроизведение осуществляется с определенной практической направленностью»³. Практика является свидетельством необходимости целостного системного понимания истины в единстве ее критериев, что хорошо прослеживается на примере философского анализа основных проблем генетики.

Генетика – наука о законах наследственности и изменчивости живых организмов – возникла в результате применения впервые в истории науки количественных подходов (статистических методов) для изучения наследования фенотипических признаков. На основе этих подходов Г. Мендель установил новые биологические законы, тем самым, заложив основания генетики и теоретической биологии. Суть классической генетики и хромосомной теории состояла в том, что различные признаки взрослого организма связывались биохимической цепью с особыми стабильными белковыми или нуклеопротеидными молекулами хромосом (наследственным веществом). Передача самовоспроизводимого набора этих молекул из поколения в поколение строго предопределяла, по данным генетики, направление индивидуального развития каждой особи.

¹ Левин Г.Д. Истина и рациональность. М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2011. С.43.

² Уемов А. И. Системный подход и общая теория систем. С.167.

³ Блауберг И.В. Проблема целостности и системный подход. С.160.

Существенным моментом становления нового знания являлось то, что характер связи наследственных признаков и белковых молекул (нуклеопротеидов) был гипотетическим. «Установить природу или механизм действия этих молекул или опровергнуть их существование можно было лишь в результате прямого экспериментирования»¹, то есть на практике. На этой почве в биологии появлялись многочисленные гипотезы, некоторые из которых отбрасывались, так как не соответствовали утвердившимся представлениям эволюционизма, другие, получая идеологическую поддержку, становились лжеучениями. Поэтому становление новой междисциплинарной биологической науки складывалось из этапов борьбы с лжеучениями, идеологизацией науки и авторитетными теориями ламаркизма и дарвинизма. В целом утверждение генетики как науки можно изобразить как процесс самоорганизации (борьбы конкурирующих гипотез и парадигм, самосборки нового теоретического знания на пути к суператтрактору – системно понимаемой истине).

Несмотря на то, что «гипотезы по самой сути в большинстве своем дают неверное, неполное отражение действительных явлений, ибо они создаются на недостаточной фактической основе»², а часто служат базой для появления лжеучений, по мнению исследователя истории советской генетики Ж.А. Медведева, они необходимы для науки в качестве методологических процедур.

Более того, гипотезы – это «предпонимание», естественный путь научного творчества, их задача – объяснить известные и предсказать будущие факты на основе принятых стандартов, образцов, правил теоретического мышления. По словам Л.А. Микешинной, построение целостности или понимание через выдвижение гипотез «никогда не происходит механически, на основе суммирования сенсорных данных, но всегда требует отрыва от наличного материала – воображения, интуиции, своего рода «дистраивания» фрагментов до

¹ Серебровский А.С. Генетика и животноводство // Спорные вопросы генетики и селекции: работы IV сессии академии 19-27 декабря 1936 года / под ред. О.М. Таргульяна. М.;Л.: Сельхозгиз, 1937. С.78.

² Медведев Ж.А. Взлет и падение Лысенко. М.: Книга, лтд., 1993. С.339.

целостного вида»¹. Применительно к системному пониманию истины гипотезы выступают в качестве прагматического компонента (ожидаемого результата исследования), вовлекающего в процесс достижения истины субъект и его мировоззрение.

Главным моментом в расхождении гипотез эволюционизма и генетики явилось представление о гене как некотором стабильном наборе наследственной информации. Именно стабильный характер вещества, ответственного за хранение и перенос информации, предусматривался взглядами Менделя. Де Фриз, начавший в 1892 году большую серию экспериментов по скрещиванию близкородственных форм кукурузы, мака, дурмана и ослинника и выявивший те же закономерности, что и Мендель, первым выдвинул идею об изменчивости наследственного материала путем мутаций. Дальнейшие исследования, однако, не подтвердили выводов Де Фриза, и первые десятилетия развития генетики приводили экспериментаторов к выводу о значительной стабильности естественного состояния генов.

Это утверждение было поколеблено, согласно Н.И. Вавилову, только работами Меллера в 1926-1927 гг., в которых он доказал возможность с помощью рентгеновских лучей получения мутаций – искусственного изменения носителей информации. Все это показывало, как «на основе эксперимента изменялась концепция гена, понятие о стабильности генов»². Кроме того, выводы о стабильности генов противоречили авторитетным устоявшимся представлениям Ж.Б. Ламарка, Ч. Дарвина и их последователей о гибкости и произвольности механизмов наследственности, зависимости их от различных факторов окружающей среды, равно как и от особенностей самих организмов.

Попытки решения важнейшего вопроса о стабильности или изменчивой природе генов, восходящей к вопросу о проблеме значения и сущности сходства

¹ Микешина Л.А. Философия науки: Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования: учеб. пособие. М.: Прогресс-Традиция: МПСИ: Флинта, 2005. С.51.

² Вавилов Н.И. Пути советской селекции // Избранные сочинения. М.: Колос, 1966. С.156.

признаков наряду с другими общефилософскими проблемами постоянства и развития, целостности и элементаризма, постепенности и скачков приводили к построению противоположных, конфликтующих парадигм уже у истоков первых теоретических представлений биологии. Такими были концепции К. Линнея, Ж.Б. Ламарка, Ж. Кювье, Э. Жоффруа Сент-Илера, К. Бэра, Ч. Дарвина, Г. Менделя. Затем эта же борьба парадигм проявилась наиболее ярко в отечественной биологии, в противостоянии «менделистов» (Н.И. Вавилов), основывавшейся на хромосомной теории, и «дарвинистов», сторонников теории эволюции, отстаивавших идею гибкости носителей наследственной информации (Т.Д. Лысенко). До середины 1920-х гг. развитие парадигм генетики и эволюционизма шло «независимо, обособленно, а порой и конфронтационно по отношению друг к другу»¹. Объединение двух парадигм на основе междисциплинарного направления популяционной генетики произошло только в 1950-х гг.

В отличие от Вавилова, Лысенко выдвинул концепцию наличия некоторого свойства наследственности, равномерно распределенного по всей клетке. Главной опорой для псевдогипотезы Лысенко послужил неверно интерпретируемый научный факт изменения каждого отдельного гена только у одной особи на десятки тысяч. Редкость изменения генотипа толковалась как его неизменяемость, что выглядело как «пугало», «что-то нелепое, несовместимое с диалектическим материализмом»².

Принципам диалектического материализма в большей мере отвечало представление о возможностях изменения генотипа растений в зависимости от задач, стоящих перед исследователем. Поэтому Лысенко и его сторонники (защитники «дарвинизма», как они себя позиционировали) особый упор делали на умозрительную вспомогательную гипотезу Дарвина о пангенезе (переносе наследственной информации особыми частицами ткани – геммулами), отвергнутую еще при жизни Дарвина.

¹ Лисеев И.К. Философия биологии // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: «КАНОН+», 2009. С.1054.

² Медведев Ж.А. Взлет и падение Лысенко. М.: Книга, лтд., 1993. С.51.

Геммулы – это мельчайшие частицы, которые отделяются от каждой клетки тела, рассеиваются по организму и размножаются посредством деления. Утверждая, что клетки размножаются не путем передачи комбинаций неизменных признаков, а наследственность является всеобщим внутренним свойством живой материи, дарвинисты отрицали и существование особой генетической системы, локализованной в хромосомах. По словам Лысенко, «наследственностью обладают не только хромосомы, но живое тело вообще, любая его частичка»¹. Исходя из этого, он делал вывод, что неверно считать хромосомы в организме и в клетке особым наследственным веществом или органом наследственности – в организме «нет и не может быть органа наследственности»².

Основное положение – ген весьма пластичен и его можно изменять по желанию экспериментатора в определенном направлении – Лысенко защищал, опираясь на догматически трактуемую эволюционную теорию Дарвина. Последняя, как известно, придавала большое (однако не решающее) значение фактам окружающей среды и естественного отбора как причинам многообразия биологических форм на Земле. В одной из поздних своих работ Дарвин подчеркивал, что только «небольшие изменения в жизненных условиях являются благоприятными для плодовитости и мощности родителей»³.

Для раскрытия нарушения принципов системного подхода необходимо рассмотреть концепт (соотношение знания и действительности) и каждый компонент истины применительно к ложной гипотезе Т.Д. Лысенко о яровизации как механизме изменения гена в связи с окружающими условиями. По словам Н.И. Вавилова, главная трудность и расхождение его с гипотезой Лысенко состоит «в экспериментальном доказательстве этого положения»⁴. Суть эксперимента по яровизации озимой пшеницы состояла в высеве весной 1929 года отцом Т.Д. Лысенко (по совету сына) двух мешков перезимовавшей под снегом

¹ Лысенко Т.Д. Агробиология. М.: Сельхозгиз, 1949. С.569.

² Там же. С.569.

³ Дарвин Ч. Действие перекрестного опыления и самоопыления в растительном мире. М.; Л.: Сельхозгиз, 1939. С.320.

⁴ Вавилов Н.И. Пути советской селекции. С.156.

озимой пшеницы и получении высоких с точки зрения агрономии (до 30 ц/га) урожаев, что в условиях несоблюдения методики эксперимента было зафиксировано неточно.

Важнейшим требованием к биологическому опыту выступает его воспроизводимость, дающая гарантию повторения опыта и получения аналогичных результатов в одинаковых условиях. Принцип воспроизводимости, (выступающий в форме принципа повторности эксперимента) позволяет избежать появления случайной ошибки, связанной с различной плодородностью опытных участков. Для получения объективных данных эксперимента необходимо воспроизводить его многократно, на различных контурах опытного участка. Причем чем выше число n , тем меньше ошибка опыта, напротив, чем больше число наблюдений или чем больше площади, тем меньше ошибка опыта. Таким образом, принцип повторности – суть принцип практической проверки, обратная сторона принципа соотношения знания и действительности.

Исходя из сомнительного характера результатов эксперимента, поставленного с нарушением данных методологических правил, когда не было даже контрольного варианта опыта, не соблюдался принцип повторности, Лысенко были получены данные, заведомо не соответствовавшие действительности.

Принцип когерентности истины предполагает внутреннюю согласованность, а также непротиворечивость, взаимосвязь данного положения с уже принятым и утвердившимся в науке. В самом процессе выдвижения гипотезы яровизации Лысенко были нарушены правила когеренции: частной гипотезе были приданы черты всеобщности, к тому же при недостаточной эмпирической проверке. Лысенко апеллировал, прежде всего, к авторитетным мнениям, антагонистичным положениям представителей хромосомной теории. Он прибегал к идеям Ч. Дарвина, К.А. Тимирязева, И.В. Мичурина, получил поддержку И.В. Сталина.

Сам Лысенко постоянно подчеркивал, что «мы боремся за развитие генетики на основах и в плане дарвиновского эволюционного учения»¹. Однако, как показывает пример его «теории яровизации» и другие доводы, Лысенко рассматривал дарвинизм однобоко и даже в смысле ламаркизма – учения Ж.Б. Ламарка, который решающими факторами изменчивости организмов считал влияние условий окружающей среды.

Ссылка на учение И.В. Мичурина, известного своими противоречивыми (поначалу даже враждебными) позициями по отношению к генетике, также являлась попыткой Лысенко связать свою гипотезу с утвердившимися авторитетными мнениями. По словам Лысенко, Мичурин «не раз подчеркивал, что молодые растительные организмы в высшей степени подвержены влиянию условий внешней среды»², откуда без достаточного основания делал вывод: «быть дарвинистом – это значит обязательно быть мичуринцем»³. Однако известно, что сам Мичурин был ученым-практиком и не представлял себе четко теоретических основ наследственности и изменчивости, что позволяет отнести мичуринскую опытную селекцию к «народным наукам»⁴, противостоящим научному подходу к генетике.

По словам признанного авторитета в агробиологии К.А. Тимирязева (1843–1920), на мнение которого также ссылался Лысенко, учение Менделя представляло собой «усиление клерикальной реакции против дарвинизма»⁵. Однако, по словам А.А. Любищева, Тимирязев не осознал научную ценность трудов Менделя, критикуя его последователей, он впал в крайность, полностью отрицая «значение менделизма в возникновении разнообразия форм»⁶.

¹ Лысенко Т.Д. Агробиология. М.: Сельхозгиз, 1949. С.164.

² Там же. С.204.

³ Там же. С.202.

⁴ Касавин И.Т. Паранаука // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: «КАНОН+», 2009. С.690.

⁵ Тимирязев К.А. Дарвинизм и селекция. М.: Сельхозгиз, 1937. С.85.

⁶ Любищев А.А. О монополии Т.Д. Лысенко в биологии. М.: Памятники исторической мысли, 2006. С.99-100.

Кроме когерентности, принцип системной целостности истины требует также присутствия прагматического компонента. Последний, проявляясь на всех ступенях формирования научной теории, выражен более всего в процедуре интерпретации данных опыта. Именно интерпретация является важнейшей процедурой при постановке эксперимента в естествознании, в которой существует риск возникновения ошибок. Неверность интерпретации опыта по яровизации у Лысенко выявляется при сопоставлении ее с толкованием приверженцев хромосомной теории.

Первоначально защищаемая самим Вавиловым как «средство для селекции многих травянистых культур»¹, яровизация понималась как гипотеза, дающая надежду на выявление у сельскохозяйственных культур «новых ценных признаков»². Одно время он писал, что яровизация может «радикально изменить фенотип до превращения многолетнего растения в однолетнее, поздних форм в ранние, с соответствующим изменением всех признаков»³. Однако, как отмечает исследователь творчества Вавилова Ф.Х. Бахтеев, надежды на акклиматизацию некоторых ценных южных сортов с помощью метода яровизации оказались преувеличенными, «опыты с яровизацией образцов мировых коллекций с целью их размножения в Ленинграде и других северных пунктах вскоре пришлось прекратить из-за мизерных коэффициентов урожая, гибели некоторых дефицитных образцов в процессе яровизации и из-за неоправданно большого расхода рабочего времени и материальных средств»⁴. Это обусловило структурные ошибки в гипотезе, защищаемой Лысенко.

Дальнейшая разработка современной теории генетики и селекции, открытие материальности и дискретности генов, случайно-комбинаторный механизм

¹ Вавилов Н.И. Пути советской селекции. С.122.

² Там же. С.129.

³ Вавилов Н.И. Селекция как наука // Избранные сочинения / Н.И. Вавилов. т.1. Л.: Наука, 1967. С.338.

⁴ Бахтеев Ф.Х. Комментарии к статьям т.1. // Избранные сочинения / Н.И. Вавилов. т.1. Л.: Наука, 1967. С.423.

передачи наследственных признаков, локализация генов в ядре клеток были бы немислимы без той интерпретации, которую дал Мендель.

Именно интерпретация, открытие доминантных и рецессивных генов, законов их наследования, объяснявших факт несмещения признаков у одних и смещения у других растений, явились тем новым знанием, которое легло в основу будущей науки генетики и составило конвенционально-прагматический компонент истины. Менделевская интерпретация законов наследственности помогла установить прародину культурных растений, объяснила их разнообразие в современном мире.

Таким образом, невозможность достижения истины на пути, предложенном Лысенко, была обусловлена рядом факторов системного характера. Несмотря на первоначальную цель (концепт), единую со сторонниками Вавилова – установить природу и свойства гена, а также общие опытные данные и экспериментальные факты, которыми пользовались обе стороны, – дальнейшее развитие резко поляризовало их научные позиции.

Анализ на уровне системообразующих отношений выявляет намеренное (то есть обусловленное факторами прагматического характера) искажение экспериментальных данных в процессе формулирования гипотез и «доказательства» ошибочности выбранной Лысенко гипотезы о пластичности генов, теории яровизации и др.

Конвенционально-прагматический компонент, который выходил на первый план в идеях Лысенко, оказывался обусловленным отчасти феноменом идеологизации науки, довольно распространенным в науке и культуре советского периода, а отчасти догматическим применением марксистско-ленинского принципа отражения. Поддержка властями Лысенко – непосредственное влияние идеологизации науки на содержание знания так же способствовала искажению первоначальной цели – понять природу гена как структурной единицы наследственности. Не последнюю роль, как нам представляется, сыграли в этом и личные амбиции Лысенко. В результате структурных ошибок и концептуального искажения официальное признание научности и истинности хромосомной теории

наследственности было отсрочено. Факт идеологизации в структуре конвенционально-прагматического компонента истины оказывался соединенным с социально-экономической детерминацией. По мнению Ж.А. Медведева, «в 1927-1928 годах на Украине наблюдалась массовая гибель озимых от вымерзания, и поэтому яровизация озимых была воспринята как возможное спасение от этой беды»¹. Кроме того, коллективизация, на которую списывали неудачи с яровизацией и другими опытами Лысенко, совпадала с линией государственной политики на пропаганду как явных, так и мнимых «достижений советской науки»².

Искажение структурных компонентов повлекло собой изменение концепта в теории Лысенко, выстраивая иерархию системы «истины» лженауки. В последней соответствие экспериментальным данным умышленно уменьшалось или данные экспериментов сознательно фальсифицировались; в качестве основания для согласованности знания избирались идеологические догмы, политический авторитет и учение марксизма признавались заслуживающими внимания только те гипотезы, которые согласовывались с утвердившимися и также согласованными авторитетными концепциями ламаркистского трансформизма, в наибольшей мере отвечающими принципам марксистской философии. Все, что не укладывалось в эти критерии, отбрасывалось и признавалось ненаучным.

Так, в 1935-1936 гг. Т.Д. Лысенко и его помощник И.И. Презент объявили о создании новой концепции наследственности и противопоставили ее теории хромосом. Однако для фальсификации последней они использовали не общепризнанный путь в науке – демонстрацию того, что «фактический арсенал классической генетики не дает логических предпосылок для сделанных теоретических выводов»³ и что существует другая концепция, более успешно объясняющая как старые, так и новые факты, но объявили хромосомную теорию

¹ Медведев Ж.А. Взлет и падение Лысенко. М.: Книга, лтд., 1993. С.27.

² Там же. С.27.

³ Там же. С.41.

«реакционной, идеалистической, метафизической и бесплодной»¹. Это связано, возможно, с особенностями развития самой научной рациональности, включающей в себя не только процедуры выдвижения гипотез, и их обоснования, но и «нападки на науку, также как и ее защиту, претензии альтернативных наук на усмотрение истины и принципиальная невозможность ими достигнуть истины в знании»².

Посредством трансформации гипотезы о хромосомной структуре гена в сторону соответствия идеологии, конвенционально-прагматический компонент был искажен и его роль в системе теорий Лысенко гипертрофирована, соответственно роль остальных компонентов истины, корреспондентного, когерентного – снижена.

Изменение идеологической обстановки в стране, разоблачение лженаучных идей Лысенко откорректировали важный в системе истины конвенционально-прагматический компонент. Он стал касаться только целей и задач научного исследования. Идеологический фактор перестал оказывать непосредственное влияние на систему научной истины, система истины перестроилась на новые цели, ориентированные на соблюдение принципов корреспонденции и когеренции. Однако сама зависимость понимания истины от целей, стоящих перед наукой, говорит о высшем в иерархии системы истины положении конвенционально-прагматического компонента.

Развитие отечественной генетики постепенно включилось в русло мировой биологической науки. С развитием биологии, созданием синтетической теории эволюции, синтезом эволюционных и организационных идей на основе объединения теории эволюции, генетики и экологии в корне изменили взаимоотношение двух парадигм, генетики и эволюционизма, не только включив генетику в теорию эволюции, но и сделав ее важнейшим доказательством последней. Противоречие между идеями комбинативной изменчивости Менделя и

¹ Медведев Ж.А. Взлет и падение Лысенко. С.32.

² Кузнецов А.С. Заблуждение: логико-гносеологический аспект: автореф. Дис. ... канд. Филос. наук: 09.00.01 / Кузнецов Александр Сергеевич. – Саратов, 2001. – С.15.

естественным отбором Дарвина как главными конкурирующими факторами эволюции, не является критическим. Комбинативная изменчивость играет важнейшую роль в теории генов, что показала эволюционная генетика.

Таким образом, искаженное в эпоху Лысенко понимание принципа когерентности было исправлено в последующем развитии генетики. По словам А.С. Северцова, «именно комбинативная изменчивость создает уникальность генотипов каждой особи и, тем самым, уникальность генофонда, т.е. разнообразие генов свойственное каждой данной популяции»¹. Современные исследования также свидетельствуют, что «большинство адаптивных модификаций (или определенная изменчивость по Дарвину) оказываются причудливо переплетены с наследственной изменчивостью, мутационным процессом. Основанные на регуляции экспрессии генов, они «представляют собой реакцию на факторы среды, с которыми организмы длительное время сталкивались в течение своего эволюционного развития»².

Изменение генома (совокупности генов, характеризующей не отдельный организм, а целый биологический вид) происходит, но этот процесс, как отмечает М.Д. Голубовский, должен подчиняться принципу системной целостности, «универсальному принципу в организации и эволюции живых систем всех уровней: *«единство целого при свободе частей»*³. В отношении направленности этого процесса можно сказать, что «наследственные изменения происходят в разных направлениях и лишь затем подхватываются отбором»⁴.

¹ Северцов А.С. Теория эволюции: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению 510600 «Биология». М.: ВЛАДОС, 2005. С.13.

² Инге-Вечтомов С.Г. Изменчивость, матричный принцип и теория эволюции // Чарльз Дарвин и современная биология. Труды Международной научной конференции «Чарльз Дарвин и современная биология» (21–23 сентября 2009 г., Санкт-Петербург). СПб.: Нестор-История, 2010. С.53.

³ Голубовский М.Д. Принцип факультативности, обобщенная концепция генома и наследственная изменчивость // Чарльз Дарвин и современная биология. Труды Международной научной конференции «Чарльз Дарвин и современная биология» (21–23 сентября 2009 г., Санкт-Петербург). СПб.: Нестор-История, 2010. С.113.

⁴ Там же. С.115.

Синтез двух парадигм создал предпосылки для понимания многих необъяснимых биологических механизмов. Так, например, стал ясен механизм защиты генома от мутаций. Редкость проявления мутаций – не следствие отсутствия воздействий, их вызывающих, но – вырабатывающихся в процессе эволюции защитных механизмов. По словам А.С. Северцова, «рецессивность генеративных мутаций служит основой формирования генофонда популяций, то есть создает материал эволюции, с которым работает отбор»¹.

Таким образом, развитие с середины XX века молекулярной и физико-химической биологии, открытие двойной спирали ДНК; расшифровка генетического кода и биосинтеза белка; открытие врожденности генетического кода, обнаружение внеядерной ДНК; открытие «молчащих» и «прыгающих» генов; открытие среди ДНК фракций уникальных и повторяющихся последовательностей; осознание нестабильности генома и другие являются теми точками бифуркации и аттракторами, которые выводят науку на свой суператтрактор – научную, системно понимаемую истину.

Таким образом, на примере философского анализа становления и развития генетики находит подтверждение системный характер истины, требование синтеза познавательных операций, традиционных и нетрадиционных подходов к познанию. В подходе к истине как продукту исторически изменчивых стандартов научной рациональности, включающих как логику и методологию, так и сложившиеся представления об истине, «степень научности будет расти с ростом целостности»². При этом снова выявляется важная роль конвенционально-прагматического компонента, корректирующего всю систему истины в соответствии с целями, стоящими перед исследователем, а также в соответствии с социокультурными условиями, в которых протекает деятельность ученого.

Неразрывная взаимосвязь целенаправленной научной деятельности и истины подтверждается и тем, что «в качестве продукта человеческой

¹ Северцов А.С. Теория эволюции. С.20.

² Уемов А.И. Критика принципа фальсификации К. Поппера и проблема системного подхода к демаркации научного знания // Вопросы философии. 2008. №4. С.97.

деятельности концептом науки как системы является ее цель»¹, а целью – истина. В подобном понимании истины на первый план выдвигаются уже не принципы корреспонденции или когеренции, но более сложный, комплексный характер истины. Возникает основа для сосуществования противоречивых позиций логико-методологического и экзистенциально-антропологического аспектов проблематизации истины. Особая роль конвенционально-прагматического компонента истины заключается в коммуникативной роли языка, на котором происходит научное исследование, когда язык объединяет в коммуникативном акте субъекта, и объекта познания, знание и действительность. Коммуникативный характер истины, таким образом, выполняет функцию взаимосвязи между ее компонентами, а значит, является системообразующим принципом.

Сложный системный коммуникативный конвенционально-прагматический характер истины – это результат, позволяющий представить ее как систему в контексте научного знания. Это подтверждается тем, что наука сама является системой еще большего масштаба, и обе эти системы – истина и наука – существуют и развиваются в неразрывной взаимосвязи. Все это способствует формированию новых, системных представлений о мире, человеке и о его месте в этом мире.

Поскольку наука как система, будучи частью духовной сферы, постоянно развивается, совершенствуется, ее можно представить как неравновесную среду, в которой действует исследователь. В этой среде возникают новые точки роста, оформляются новые вектора культурного развития.

Поскольку понятие проблематизации имеет существенное значение для современной философии в плане феномена нелинейности, ветвления дальнейших направлений эволюции систем, целесообразно рассмотреть проблематизацию истины в контексте теории самоорганизующихся систем (синергетики).

¹ Уемов А.И. Критика принципа фальсификации К. Поппера и проблема системного подхода к демаркации научного знания. С.93.

§ 2. Системно-синергетический вариант проблематизации истины

Реконструкция историко-философских концепций, равно как и анализ современных подходов к истине показывают наличие в истине многих свойств и качеств, позволяющих представить ее как систему. Многовариантность подходов к вопросу о соотношении знания и действительности означает, что любой подход к истине основывается на конструкции взаимосвязи многообразия форм знания и столь же многообразно понимаемой действительности. Однако даже при относительной выясненности последних остается неясным механизм указанной взаимосвязи, главное системообразующее отношение, или закон композиции системных элементов – «соотношение» между ними.

Классическая позиция системного подхода не вносила ясности в этот механизм. Старый редуционистский подход классической науки сводил целое к сумме частей, а само целое как систему представлял как нечто постоянное, статичное, но вместе с тем строго упорядоченное, когда подчеркивалась *«объективность связей между явлениями, их независимость от нашего сознания»*¹. Идеалы постнеклассической научной рациональности, вбирая опыт разработки различных вариантов системного подхода, в том числе кибернетики, аутопоэзиса, теории катастроф, синергетики, призваны интегрировать их на основе новых методологических принципов, таких как плюрализм и конструктивизм, социокультурная обусловленность любого научного исследования. В современной эпистемологии традиционный подход к знанию уступает место *«исследованию науки в широком историческом и социокультурном контексте, когда ставится задача выявить воздействие этого контекста на основополагающие принципы и нормы научного мышления той или иной эпохи»*².

Прагматизация понимания истины, как квинтэссенция этих принципов, смещает центр внимания исследователей от поиска онтологических оснований к

¹ Уемов А. И. Системный подход и общая теория систем. С.21.

² Швырев В.С. Научное познание как деятельность. С.37.

соединению ценностных и эпистемологических характеристик знания. Применяя прагматические критерии соответствия интенциям субъекта, его намерениям, пристрастиям, уверенности, к условиям научного познания, исследователь может ориентироваться на конкретную цель, ожидаемые результаты познания, признаваемые и разделяемые большинством исследователей. Поэтому, по словам Е.А. Мамчур, прагматическая, коммуникативно понимаемая истина показывает, что «научное знание может быть субъектным и тем не менее (относительно) истинным»¹. В нем нет единого, универсального определения истины. Главным в нем объявляется не теоретический вопрос «что есть истина», но практический вопрос «как получить истину». В этом случае критерии корреспонденции и когеренции дополняются конвенционально-прагматическим критерием – соответствием конечному (ожидаемому) результату, который сам может выступать в форме корреспондентно-когерентно-прагматического эпистемологического основания истины.

Рассматриваемый сам по себе, в отдельности, конвенционально-прагматический подход, придавая развитию системы истины нестабильность, вовлекая в процесс познания ценности и интенции субъекта, создает реальную угрозу релятивизма, смешивания истинного знания с контекстом. Однако, дополняющий эпистемологическое основание истины, он придает истине постнеклассические характеристики гибкости и динамичности, вероятностного, неабсолютного ее характера. В таком качестве он проявляется в научной коммуникации и служит в кантовской терминологии тем «регулятивным принципом», который направляет и ориентирует научное познание. Последнее отвечает требованиям современной эпистемологии и философии науки открытости, диалогичности и человекоразмерности научного знания, что можно дополнить возможным новым путем понимания науки как эволюционирующей системы. Это сближает понимание научного познания и его цели – истины – с

¹ Мамчур Е.А. Еще раз об истине // Эпистемология и философия науки. 2008. т. XVI. №2. С.71.

характеристиками самоорганизующихся систем, что позволяет полнее осознать структуру истины, ее системные свойства.

Пользуясь тем, что процессы самоорганизации и синергии широко распространены в природе и обществе, И.Р. Пригожин и Г. Николис предположили, что теорию структурной устойчивости (термодинамику неравновесных систем) «интересно применить к проблемам социальной и культурной эволюции»¹. Основная трудность при этом заключается в выборе «соответствующих переменных»². По словам Е.Н. Князевой, на уровне коллективного сознания деятельности ученых природа механизмов самоорганизации связана с «непредсказуемыми последствиями творческой деятельности ученых, с интегрированием действий отдельных ученых в общие тенденции развертывания научной деятельности и эволюции научного знания, с феноменами когерентности, имеющими место в более или менее крупных научных, культурных, социально-психологических группах, организациях и сообществах людей»³. Поэтому справедливым будет рассматривать научное познание как «сложноорганизованную систему надбиологических программ человеческой жизнедеятельности (деятельности, поведения и общения людей)»⁴.

По мнению Г. Хакена, синергетический подход к познавательным проблемам «не означает некоего типа редукционизма, сведения сложных феноменов человеческого творчества и эволюции научного знания к простым физикалистским моделям»⁵.

В рамках синергетической парадигмы познание представляет собой особый стиль мышления, «эволюционного, нелинейного, холистического

¹ Николис Г., Пригожин И. Самоорганизация в неравновесных системах. М.: Мир, 1979. С.488.

² Там же. С.488.

³ Князева Е.Н. Синергетическая модель эволюции научного знания // Эволюционная эпистемология: проблемы, перспективы. М.: РОССПЭН, 1996. С.109.

⁴ Степин В.С. Наука и философия // Вопросы философии. 2010. №8. С.66.

⁵ Князева Е.Н. Одиссея научного разума. Синергетическое видение научного прогресса. М., 1995. С.367.

(интегративного)»¹, процесса движения к истине как своей цели. Возникает необходимость рассматривать все явления и процессы через всеобщую взаимосвязь фундаментальных законов природы, когда хаос, неопределенность могут иметь структуру, быть упорядоченными. В таком случае научное познание представляет собой процесс самоорганизации, «самодостраивания структур познания (визуальных и мысленных образов, идей, представлений) на поле мозга и сознания»². Этот процесс характеризуется «переходом от одной относительно устойчивой системы к другой системе с новой уровневой организацией элементов и саморегуляцией»³. Причем в таких системах формирование каждого нового уровня системы сопровождается ее прохождением через состояния неустойчивости (флуктуации), когда небольшие случайные воздействия могут привести к появлению новых структур.

Непосредственной основой рассмотрения познания как самоорганизующейся системы являются структурно-функциональный анализ П.К. Анохина и кибернетика Н. Винера, а также концепция аутопоэзиса У. Матураны и Ф. Варелы, использующие такие понятия как «целеполагание», «обратные связи», «гомеостатическая регуляция».

Процесс целеполагания является одним из важнейших в аналогии между биологическими и социальными системами, проясняющий отношения между элементами саморегулирующихся систем. О важности наличия цели для бытия любой организационной системы упоминал уже А.А. Богданов, согласно которому целесообразность – «результат мировой борьбы организационных форм, в которой формы «целесообразные» или «менее целесообразные» разрушаются и исчезают, «более целесообразные» сохраняются», что исследователь назвал процессом «естественного подбора»⁴. Целесообразность придает системе

¹ Князева Е.Н. Одиссея научного разума. С.367.

² Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Интуиция как самодостраивание // Вопросы философии. 1994. №2. С.112.

³ Степин В.С. Теоретическое знание. С.629.

⁴ Богданов А.А. Тектология. (Всеобщая организационная наука). В 2-х кн. Кн.1. М.: Экономика, 1989. С.113.

единство, благодаря ей организмы могут выживать в окружающей среде. В научной деятельности целесообразность необходима как форма коллективного опыта, в рамках которого достигается истина.

Целью, заложенной от природы, руководствуются в своем развитии сложные биологические системы. В этом они отличаются от физических и механических систем. Для их отождествления Н. Винер ввел принцип обратной связи, выполняющий функцию саморегуляции всей системы. Поскольку, согласно Винеру, «всякое целенаправленное действие требует отрицательной обратной связи»¹, именно цель определяет направление эволюции этих систем, является их структурообразующим фактором, который позволяет им выработать специфические механизмы саморегуляции.

Как отмечают В.Ю. Крылов и Ю.И. Морозов, «всякое значительное отклонение той или иной жизненно важной константы от уровня, обеспечивающего нормальное функционирование объекта, определяет потребность его в специфических предметах, веществах и т.п., способных уничтожать эти отклонения, и вынуждает объект к активному действию, поиску и потреблению»². Такой механизм позволил бы сохранять относительную стабильность, гомеостазис, который «позволяет удерживать производимые некоторыми чувственными впечатлениями изменения в качестве более или менее постоянных изменений структуры или функции»³.

Важную роль целей на психофизиологическом уровне функционирования любых систем отмечал и П.К. Анохин, потому что способность живых систем к целеполаганию является «универсальным» и «единственно возможным путем приспособления организма к внешнему миру»⁴. Важной оказывается не только информация извне, но и цель как ориентир в жизнедеятельности организма.

¹ Винер Н. Кибернетика, или управление и связь в животном и машине. С.300.

² Крылов В.Ю., Морозов Ю.И. Кибернетические модели и психология. М.: Наука, 1984. С.16.

³ Винер Н. Кибернетика и общество. М.: ТайдексКо, 2002. С.55-56.

⁴ Анохин П.К. Избранные труды. Философские аспекты теории функциональной системы. М.: Наука, 1978. С.17-18.

Применительно к эпистемологическим проблемам целеполагание выступает важнейшим этапом научного познания, на котором происходит постановка исследовательских задач и формирование научной проблемы. Непосредственной целью и результатом познания выступает истина. Особенное значение целеполагание приобретает в связи с отказом постнеклассической науки от идеала линейного кумулятивного развития науки, когда предшествующие достижения в течение некоторого времени признаются учеными как основа для дальнейшего прогресса науки, а развитие идет исключительно путем накопления знаний, а цели науки ограничиваются постоянным расширением «пределов научного знания и его уточнения»¹. При таком понимании истина мыслится только в контексте существующей модели научного мышления.

Для того, чтобы системное понимание истины было полным, нужно учитывать историческое развитие науки. Анализ исторических концепций и подходов к истине показывает, что истина – не статичная, застывшая в своем развитии конструкция. Истина развивается вместе с человеческой деятельностью и неразрывно связана с обществом, где такая деятельность происходит. Если согласно старой парадигме науки, целое могло быть осмыслено из частей, то в новой – «свойства частей могут быть поняты из динамики целого»². Для этого в системном исследовании истины необходимы дополнительные методологические принципы, прежде всего, принцип эволюции. По словам В.С. Степина, «в последней трети XX века благодаря развитию теории элементарных частиц в тесной связи с космологией, а также достижениям термодинамики неравновесных систем (концепция И. Пригожина) и синергетики в физику начинают проникать эволюционные идеи, вызывая изменения ранее сложившихся дисциплинарных идеалов и норм»³. Эти идеи затрагивают и познавательные стратегии, все более вовлекая субъекта в процесс и результаты познания.

¹ Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1977. С.83.

² Черникова И.В. Современная наука и научное познание в зеркале философской рефлексии // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2004. №6. С.96.

³ Степин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С.247-248.

Меняется роль самого субъекта, он становится не просто пассивным созерцателем, но участником, творцом научной истины. Само познание получает новые антропологические характеристики, мыслится не как соотношение знания и предмета, но, шире, как взаимодействие субъектов, а истина – как результат этого взаимодействия.

В рамках синергетического понимания истины не только объект научного знания, но и сама среда, в которой он действует, выступают «активным участником социальной коммуникации, с которой необходимо выстраивать постоянный диалог»¹. Поскольку ключевой проблемой коммуникации является диалог «как форма конструирования социальной реальности»², постольку научная деятельность находит свое объяснение в рамках теории самоорганизации.

Принципы теории самоорганизации показывают, что истина – не застывшая система научного знания, ее структура меняется в зависимости от целей и задач, стоящих перед ней, когда на ее систему воздействуют сложные цепи прямых и обратных связей. Сама цель научного познания в большой степени определяется субъектом, создающим в ходе социального взаимодействия преобладающую парадигму, концептуальный каркас. При этом цели конкретного исследования оказываются тесно переплетенными с общенаучными целями. Это справедливо и в отношении постнеклассического этапа развития науки, когда истина, приобретая прагматические характеристики, мыслится как процесс ориентации научного познания на познавательную цель. Как отмечает В.С. Степин, целевая причинность, «понятая как характеристика саморегуляции и воспроизводства системы, дополняется идеей направленности развития»³.

В качестве конкретных форм целей научного познания, по мнению В.Н. Костюка, могут выступать «самосогласованное (логически непротиворечивое) и по возможности полное модельное описание «фрагментов реальности»,

¹ Василькова В.В. Социология коммуникации и постнеклассическое знание // Синергетическая парадигма. Социальная синергетика. М.: Прогресс-Традиция, 2009. С.552.

² Там же. С.550.

³ Степин В.С. Наука и философия // Вопросы философии. 2010. №8. С.65.

посредством создания теорий, построенных в соответствующем языке»¹, а также «периодический пересмотр теорий для достижения лучшего объяснения, понимания и использования растущих эмпирических знаний»². Попытки применения теории самоорганизации к проблемам сознания и познания находят свою реализацию в модели исторического развития науки Т. Куна и ее критики В.С. Степиным.

В процессе развития научного познания Кун выделял две стадии: стадию «нормальной науки», когда в науке утверждается и используется устоявшаяся модель постановки и решения научных проблем (парадигма) и стадию научной революции, при которой происходит смена научных парадигм, возникают новые образцы мышления, соответственно изменяются взгляды на действительность и истину. Эти стадии можно представить как состояния, соответственно, порядка и хаоса, устойчивости и неустойчивости в процессе самоорганизации теоретического знания, для которого характерна необратимость и наличие «критических значений параметров, фиксирующих объем эмпирических сведений»³.

Любой синергетический процесс происходит при условии, когда система достигает состояния сильной неравновесности. В отношении развития науки последнее состояние может быть достигнуто, когда периоды нормальной науки и научных революций сменяют друг друга, когда изменяются не только научные представления, но также и способы ведения научной деятельности. Однако в реальной ситуации научного поиска нередко состоянию сильной неравновесности предшествует длительная подготовительная стадия, которая начинается задолго до смены парадигм. Согласно В.С. Степину, признаками этой фазы является «философское осмысление тенденций научного развития, рефлексия над основаниями культуры и движение в поле собственно философских проблем, позволяющее философии наметить контуры будущих идеалов научного познания

¹ Костюк В.Н. Изменяющиеся системы. М.: Наука, 1993. С.276.

² Там же.

³ Там же. С.288.

и выработать категориальные структуры, закладывающие фундамент для построения новых научных картин мира»¹.

Когда система научного знания достигает состояния неравновесности в своем развитии, она может попасть в точку бифуркации. В этом случае развитие науки характеризуется обострением проблемной ситуации. Происходит конкретизация и доработка новых моделей решения той или иной проблемы, ее методологический анализ, «уточняется обоснование новых идеалов науки и формируются соответствующие им нормативы, которые целенаправляют построение ядра новой теории и новой научной картины мира»².

В точке бифуркации система ведет себя непредсказуемо, возможны различные флуктуации (колебания), сколь угодно малые изменения значений параметров эволюционирующей системы. Флуктуации связаны с достижением последней критических параметров, когда она становится неравновесной и невозможно определить направление ее дальнейшей эволюции. Ответственность за выбор путей развития в этом случае ложится на «внутреннее взаимодействие между элементами системы»³. Таким выглядит и реальный процесс научного познания, когда невозможно полностью предопределить, какой конечный результат будет получен, однако в точке бифуркации уже появляются аттракторы, которые выступают вариантами будущего поведения системы знания.

Аттрактор – это «множество, размерности меньшей, чем само пространство, к которому со временем притягиваются близлежащие состояния»⁴, это то идеальное конечное состояние, программа-цель, к которому стремится система в своем развитии. Система движется в область притяжения какого-либо аттрактора, попадает в его конус вследствие флуктуаций. При этом эволюция системы может породить новые структуры, может происходить конституирование новых

¹ Степин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С.577.

² Там же. С.577.

³ Бранский В.П. Теоретические основы социальной синергетики // Вопросы философии. 2000. №4. С.116.

⁴ Буданов В.Г. О методологии синергетики // Вопросы философии. 2006. №5. С.85.

организационных форм. Применительно к проблеме истины в науке могут возникать новые гипотезы, теории, парадигмы и научные картины мира.

При этом может существовать еще заключительная фаза процесса, включающая взаимопереходы между сферами специальнонаучного и философско-методологического анализа.

В модели развития науки Т. Куна момент выхода системы научного знания на точки бифуркации мог бы выступать как «кризис, переход к новому устойчивому знанию (новой парадигме научного исследования)»¹, то есть как научная революция. Последняя является моментом перехода от старой парадигмы к новой, когда «старая парадигма замещается целиком или частично новой парадигмой, не совместимой со старой»². В это время наблюдается несоизмеримость теорий, а ученые двух конкурирующих парадигм не могут доказать, что одна из теорий является более истинной, чем другая. Переход системы в устойчивое состояние определяется в такие моменты аттракторами, формирующимися задолго до проблемной, «флуктуационной» ситуации. В качестве последних могут выступать как конкретные объекты и явления действительности, так и цели, ценности, нормы и идеалы науки, способы постановки и решения научных проблем и т.п. В отношении истины аттракторами являются основные критерии истинности знания в соответствующих концепциях: корреспондентной, когерентной, конвенциональной, прагматической и других.

Эпистемологическое основание истины, понимаемое в различных своих формах, может выступать в качестве аттрактора, когда невозможно точно определить поведение системы, а аттрактор, на который система выходит, имеет форму не точки, а некоторой области, по которой происходят блуждания системы. Поведение системы может быть объяснено природой самого аттрактора, точка траектории которого «сначала совершает вращательное движение в одной области пространства, а затем вдруг совершенно неожиданно перескакивает в другую область и некоторое время продолжает движение там; по истечении

¹ Костюк В.Н. Изменяющиеся системы. С.288.

² Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1977. С.18.

некоторого времени происходит новый скачок – обратно в исходную область – и т.д.»¹.

В условиях неопределенности и вероятностной детерминации важнейшим фактором выхода системы истины на аттрактор является сам познающий субъект, в частности, результаты его коммуникативной деятельности. В этом случае меняется характер познавательных отношений субъекта и объекта. Не действительность диктует исследователю способ своего объяснения, но ученый, производящий описание эксперимента, «вынуждает «действовать» физическую реальность в рамках «сценария» как можно ближе к теоретическому описанию»². При этом ценностно-целевая характеристика истины, ее роль как идеала знания и конечной цели познания, является определяющей в процессе выхода системы знания на аттрактор.

В модели Куна старая парадигма, по мере накопления новых научных фактов и аномалий, уже не может на их основе реализовать функции объяснения и предсказания. За рамками устоявшейся парадигмы появляются новые гипотезы и формируются конкурирующие теории. Их выбор, согласно Куну, обусловлен не столько научными факторами, например, лучшей верифицируемостью, но, скорее, моментами ненаучного порядка, связанными с психологией и мировоззрением субъекта, культурными традициями и т.п. Начальной фазой этого процесса, по словам В.С. Степина, является «философское осмысление тенденций научного развития, рефлексия над основаниями культуры и движение в поле собственно философских проблем, позволяющее философии наметить контуры будущих идеалов научного познания и выработать категориальные структуры, закладывающие фундамент для построения новых научных картин мира»³. Большая роль субъективного присутствует уже в факте самого принятия новой парадигмы научным сообществом, что подмечено Куном в так называемой

¹ Хакен Г. Тайны природы. Синергетика: учение о взаимодействии. Москва-Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2003. С.152.

² Микешина Л.А. Эпистемология ценностей. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. С.91.

³ Степин В.С. Теоретическое знание. С.577.

«гипотезе о видении»¹, вскрывающей влияние на понимание научных проблем прошлого опыта субъекта.

Новая парадигма предполагает новое определение области исследуемых явлений. Принятие нового решения, выбор между конкурирующими теориями, согласно Куну, влечет за собой отказ от решения проблемы в рамках старой парадигмы, поэтому «принятие такого решения может быть основано только на вере»², в контексте межличностных взаимодействий. При этом критика Куна за неясность момента перехода от старой парадигмы к новой может быть объяснена в рамках синергетики тем, что «коммуникативное пространство воспроизводимых (повторяющихся) различных диалогов-событий-встреч организуется изначально скорее по хаотически выстроенному сетевому, фрактальному принципу не в соответствии с изначально заданной жесткой логической иерархией»³. Перестройка оснований науки не является актом внезапной смены парадигмы (как это считал Кун), а определяет собой процесс, который начинается задолго до непосредственного преобразования норм исследования и научной картины мира.

Иными словами, в ходе конкуренции теоретических схем истинного знания изменяется и структура истины, соотношение ее компонентов-критериев. По мнению В.Н. Поруса, в подходе Куна рациональность наполняется прагматическим смыслом: «человек вынужден постоянно доказывать свою рациональность не ссылками на истинный Разум, а успехами своей деятельности»⁴.

Важнейшим качеством, определяющим нелинейность всего процесса познания, является то, что кроме методологических воззрений и норм исследования парадигма складывается из личных убеждений, взглядов, мировоззрения, даже эстетической привлекательности, характерных для науки на

¹ Кун Т. Структура научных революций. С.247.

² Там же. С.207.

³ Аршинов В.И., Буданов В.Г. Синергетика постижения сложного // Синергетика и психология. Вып. 3. Когнитивные процессы. М.: Когито-Центр, 2004. С.112.

⁴ Порус В.Н. Кун // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т.2. М.: Мысль, 2010. С.355.

данном этапе ее исторического развития. «Формообразующим ингредиентом убеждений, которых придерживается данное научное сообщество в данное время, всегда являются личные и исторические факторы – элемент по видимости случайный и произвольный»¹. Парадигма определяет как само развитие науки, так и те способы и приемы, которые при этом используются.

На этапе нормальной науки парадигма диктует не только нормы для научных представлений, но определяет приемы и способы познавательной деятельности. Не случайно поэтому, по словам Куна, «создается впечатление, будто бы природу пытаются «втиснуть» в парадигму, как в заранее сколоченную и довольно тесную коробку»². Однако на самом деле происходит конкурентная борьба между парадигмами, критерии истины – это результат мыслительных процессов, подверженных историческим изменениям.

В социальной синергетике движение к аттрактору может иметь специфику: направление эволюции системы знания находится на траектории движения к суператтрактору (в терминологии социальной синергетики – «абсолютному идеалу», суперпозиции «общезначимых желаний»³. Суператтрактор мыслится как глобальный аттрактор, к которому стремится множество локальных аттракторов. Относительно процесса развития научного знания суператтрактор может включать в себя некоторый организующий систему истины методологический принцип, обуславливающий единство всех возможных вариантов представленности принципа соответствия в истине. В широком значении этот принцип и является значением понятия истины на конкретном этапе эволюции научного знания.

На суператтрактор возлагается роль абсолютного, недостижимого идеала, к которому так или иначе должен вести процесс самоорганизации (фоллибилизм). Сам идеал научной истины, как было указано, определяется теми нормами и ценностями, концептуальным каркасом и научной картиной мира, которые

¹ Кун Т. Структура научных революций. С.20.

² Там же. С.45.

³ Бранский В.П. Теоретические основания социальной синергетики // Вопросы философии. 2000. №4. С.125-126.

господствуют на данном этапе исторического развития науки. Важность этого, по словам Степина, состоит в том, что «если в культуре не сложилась категориальная матрица, соответствующая новому типу объектов, то последние будут восприниматься через неадекватную сетку категорий, что не позволит науке раскрыть их существенные характеристики»¹, в нашем случае – поиске путей представления истины – мы не сможем придти к адекватной ее модели. Поэтому элементы конвенционально-прагматического подхода к истине, выражающиеся, прежде всего, в ее ценностно-целевом аспекте ее понимания, выступают важнейшими характеристиками суператтрактора, к которому стремится все развитие науки.

Синергетическая парадигма, как способ интеграции познавательного отношения человека к миру, может выступать конкретной методологической формой соединения существующих подходов к истине, а процесс развития научного знания позволяет рассмотреть процесс становления исторических форм истины как нелинейный. Важнейшими методологическими принципами синергетики, определяющими конкретные способы соединения различных вариантов решения вопроса соотношения знания и действительности в процессе структурообразования исторических форм научного знания и представлений об истине играют принципы нелинейности, когерентности и системной иерархичности.

Свойство нелинейности истины, понимаемой как процесс эволюции знания, нарушает в самоорганизующихся системах принцип суперпозиции, когда «результат суммы воздействий на систему не равен сумме результатов этих воздействий»², поэтому невозможно получить объективное знание простым сложением компонентов истины. Редукционизм в этом случае приводит к выводам, не согласующимся с объективными свойствами истины. Кроме того, нелинейность истины согласуется с идеями конкурентного развития научных теорий. Проблема сочетания системных и эволюционных свойств истины, ее

¹ Степин В.С. Наука и философия // Вопросы философии. 2010. №8. С.65.

² Буданов В.Г. О методологии синергетики. С.87.

динамический, целеполагающий характер, придают этому понятию философское единство, что выражается в понятии трансдисциплинарности современного научного знания.

Представление о научной истине развивается вместе с самой наукой, формами ее познавательной деятельности, средствами и методами познания. Многовариантность понимания истины обусловлена тем, что ее рассматривают и как процесс и как результат эволюции научного знания на конкретной ступени исторического развития, пройденной научным знанием с момента возникновения и до возврата к первоначальному единству древнегреческой *ἀλήθεια*. Мыслимое первоначально как некоторое единство субъекта и объекта познания, на этапе постнеклассической науки оно предстает как эпистемологическое основание истины.

Определяемая как результат эволюции, самоорганизации самоорганизующейся системы научного знания, истина представляет собой упорядоченную и согласованную совокупность различных вариантов решения вопроса о соотношении знания и действительности, представленную в ее основных концепциях. В целостном системном понимании истины принцип корреспонденции, или соответствия материальной действительности, объединяется с принципом когеренции, или соответствия идеальной действительности на основе некоторого регулирующего принципа, в качестве которого могут выступать цели, ценности конкретного исследования, идеалы и нормы научной рациональности, парадигма и научная картина мира, даже практическая полезность, характерные для данного этапа развития науки. Все это является содержанием в конвенционально-прагматического подхода к истине.

Таким образом, конвенционально-прагматический компонент истины находится на иерархически более высокой ступени, определяя не только ход конкретного исследования, но и общее развитие науки. Поэтому достижение научной истины может приводить к достижению целей более высокого уровня, в том числе социальных, связанных с судьбой не только отдельного исследования, но, в целом, культуры и общества. Более высокое иерархическое положение

конвенционально-прагматического компонента истины проявляется применительно к любому объекту изучения. Так, например, в отношении текстуальной реальности выделяют несколько контекстов: синтаксический, семантический и прагматический. Так, семантико-синтаксическое определение фиксирует, что «система знаков совместно с системой смыслов служит целям обмена информацией»¹, то есть выполняет коммуникативную функцию. В этом случае иерархия субъект-субъектного взаимодействия в контексте интерпретации выглядит так: «с точки зрения отправителя сообщения, прагматический контекст доминирует над семантическим, а семантический над синтаксическим»².

С другой стороны, истина не есть только конечный результат процесса познания. На постнеклассическом этапе развития науки **истину можно определить как суператтрактор, цель, к которой стремится открытая, иерархическая и динамическая система научного знания в процессе своей самоорганизации и эволюции.** На каждом из этапов этого процесса представление об истине претерпевает непрерывное изменение и совершенствование, возникают новые идеалы и методологические представления.

Наука, как самоорганизующаяся система, развивается путем постановки и решения научных проблем. Роль научной проблемы не ограничивается ее разрешением, так как она дает начало новым проблемам. Происходит развитие науки, ее прогресс. Тем самым исключается как релятивизм, так и догматизм, вызванные абсолютизацией проблемности или их принципиальной неразрешимостью. В такой модели основные способы разрешения проблем тождественны научным методам, что создает условия для реализации концепций «совокупного познавательного процесса» и «синтеза когнитивных практик» и других норм и требований к постнеклассическому познанию и знанию.

Таким образом, в данном определении истины соблюдается методологическое единство синергетических принципов бытия и становления,

¹ Дмитриевская И.В. Текст как система: понимание, сложность, информативность. Иваново: Ивановский государственный университет, 1985. С.14.

² Там же. С.30-31.

которое являет собой в процессе развития новые уровни организации – служит появлению новых способов понимания истины. Развитие происходит в направлении суператтрактора, в качестве которого на постнеклассическом этапе развития науки выступает системное единство онтологических, гносеологических, логико-методологических и экзистенциально-антропоогических аспектов проблематизации истины – основных вариантов решения вопроса о соотношении знания и действительности. При этом на постнеклассическом этапе развития науки доминирующую роль начинает играть конвенционально-прагматический компонент, призванный определять направление эволюции системы научного знания в сторону господствующих ценностей и идеалов научной рациональности, подчиняющий на определенной ступени научного исследования остальные компоненты истины: корреспондентный и когерентный.

Рассмотрение истины как системы, включенной в процесс научного познания как самоорганизующегося процесса, позволяет понять смысл и направленность исторического развития представлений об истине, синтезировать основные историко-философские концепции истины, снять оппозицию субъект-объектного мышления, получить максимально приближенный к действительности образ знания «как оно есть»¹. В таком понимании возможным результатом научного познания является не рациональная реконструкция познавательных актов, не взгляд изнутри идеал-конструктивного содержания научного знания, существенно ограничивающий понимание истины, но, по словам М.К. Мамардашвили, истинное знание как «фактические отношения, естественные объекты, живущие своей жизнью (и, следовательно, органические), «полевым» эффектом которых являются мысли в наших головах»².

В рамках синергетического понимания истины находят объяснение многие «белые пятна» в модели научных революций Т. Куна. Например, представления о

¹ Касавин И.Т. Истина: вечная тема и современные вызовы // Эпистемология и философия науки. 2009. т. XX. №2. С.9.

² Мамардашвили М.К. Стрела познания (наброски естественноисторической гносеологии). М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. С.20.

гомеостатическом состоянии науки, не находящие своего подтверждения в реальной практике научной деятельности. К факторам, нарушающим равновесие старой парадигмы, нормальной науки, и смещающим развитие системы в область научных революций, относятся новые эмпирические и теоретические сведения, не укладывающиеся в рамки старых представлений, изменения в самой теории познания и методологии науки, возникновение новых идеалов научной рациональности и парадигм, ориентирующих научное сообщество к принятию новых концепций. В то же время еще до проблемной ситуации могут разрабатываться альтернативные пути решения той или иной научной проблемы. Все они могут сделать новую парадигму более успешной, лучше объясняющей новые процессы или явления действительности, а новое знание, согласующееся с ней, истинным.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Перед данным исследованием ставилась цель комплексного анализа принципа соотношения знания и действительности и выявления на его основе возможностей системной концептуализации истины и применения в современных направлениях эпистемологии и философии.

Как показывает историко-философский анализ феномена истины, эта проблема с самого начала трансформировалась в философский вопрос о соотношении знания и действительности. Поскольку этот вопрос имеет генетическую связь с более общей проблемой соотношения мышления и бытия, он по праву претендует на роль эпистемологического основания истины.

Попытки решения этого вопроса в классической философии привели к возникновению первого критерия истины – соответствия знания и действительности (корреспонденции). Однако сразу же обозначилась проблема многообразия данной трактовки, истина мыслилась и как опосредованное соотношение с действительностью, и как непосредственное совпадение с ней. Это было обусловлено многозначностью понятия действительности, удвоением мира на идеальный, конструктивный и актуальный, физический, а также плюрализацией форм действительности. Общим для всех вариантов классической формы соотношения знания и действительности является сосредоточение на вопросе о том, что есть «действительность», которой должно соответствовать знание (презентация), или каким образом познаваемая действительность конструируется нашим сознанием (репрезентация).

Поскольку две формы принципа соответствия: соответствие материальной действительности (корреспонденция) и соответствие идеальной действительности (когеренция) не были удовлетворительны с методологической точки зрения, возникла необходимость в новой интерпретации соотношения знания и действительности.

Выявились основные аспекты решения данного вопроса: онтологический и гносеологический. Причем в рамках западной философской традиции истина

стала разрабатываться именно как понятие и проблема (гносеологический аспект), что в неклассической философии привело к кризису «гносеологизма» и появлению двух противоположных, по-разному ставящих и решающих основной вопрос истины, аспектов ее проблематизации: логико-методологического и экзистенциально-антропологического. Новые тенденции в проблематизации истины и попытки ее концептуализации в современной эпистемологии и философии выявили попытки синтеза данных аспектов, о чем говорит и провозглашаемый современной эпистемологией синтез когнитивных практик.

В неклассической философии появляется третий вариант представлений о соотношении знания и действительности, основанный на идее соглашения исследователей, в том числе и относительно конечного результата (конвенционализм). Таким образом, все подходы к истине связаны с тремя инвариантами постановки ее эпистемологического основания: соотношения знания и материальной действительности (корреспондентный подход), знания и феноменов сознания (когерентный подход), знания и ожидаемых результатов (конвенционально-прагматический подходы). Все это свидетельствует о фундаментальности представления истины посредством постановки вопроса о соотношении знания и действительности.

Применение системного подхода к проблематизации истины показывает, что истина может быть образована такими компонентами, как структура (принцип соответствия во всем многообразии его толкований: корреспонденция, когеренция, конвенция и их варианты), концепт (системообразующие свойства – в рамках ключевого вопроса истины в этом качестве может выступать соотношение онтологической модели или идеализированного объекта теории и самой реальности как некоторого эпистемологического эталона) и субстрат (элементы проблемы соотношения знания и действительности во всем многообразии их трактовок).

Анализ трактовок истины в эпистемологии выявляет тенденцию к прагматизации понимания истины, что проявляется в процессе научной коммуникации. В ней соединяются моральное и когнитивное, возникает

синтетическое понимание истины как обоснованного знания, обусловленного прагматическими и конструктивистскими предпосылками как основой любой аргументации. Это позволяет считать, что посредником в соотношении знания и действительности является коммуникативная человеческая деятельность. Установлено, что ей отводится особое место в концепте истины. Коммуникативная деятельность, проявляясь в решении вопроса о соотношении знания и действительности, являясь составной частью конвенционально-прагматического компонента системы истины, может мыслиться как системообразующий, занимающий высшие ступени иерархии, принцип истины. О том же свидетельствует и философский анализ развития частнонаучного знания – например, генетики.

Несмотря на первоначальную единую цель – выяснение природы и свойств носителей наследственной информации, единую методологическую и экспериментальную базу (субстрат), возникли две различные структуры теоретического знания: теории пластичности генов Лысенко и хромосомная теория Вавилова. Анализ этих теоретических построений на уровне системообразующих отношений выявляет намеренное (то есть обусловленное факторами сугубо прагматического характера) искажение (подтасовку) экспериментальных данных со стороны Лысенко и надуманность выбранных им теории яровизации и гипотезы о пластичности генов и т.д.

Применение системного понимания истины к анализу развития как науки в целом, так и частных наук показывает справедливость представления истины как вопроса о соотношении многообразно понимаемого знания и столь же многообразно понимаемой действительности – как суператтрактора, к которому стремится открытая, иерархическая и динамическая система научного знания в процессе ее самоорганизации на пути конкуренции способов теоретического описания объектов и процессов действительности.

Таким образом, представление системного единства попыток решения вопроса о соотношении знания и действительности как цели, суператтрактора, на который выходит непрерывно развивающаяся система научного знания, выявляет

особую роль конвенционально-прагматического компонента истины, тем самым вносит вклад в выяснение ключевой проблемы истины – вопрос о соотношении знания и действительности. В таком понимании истины соблюдается методологическое единство синергетических принципов бытия и становления, системное единство компонентов истины в контексте развития и эволюции научного знания.

1. Аналитическая философия / А.Л. Блинов, В.А. Ладов, М.В. Лебедев и др. – М.: Издательство Российского университета дружбы народов, 2006. – 740с.
2. Аналитическая философия: избранные тексты / сост., вступ. ст. и коммент. А.Ф. Грязнова. – М.: Изд-во МГУ, 1993. – 181с.
3. Ансельм Кентерберийский. Сочинения / Ансельм Кентерберийский. – М.: Канон, 1995. – 400с.
4. Антология мировой философии: хрестоматия. В 4 т. – М.: Мысль, 1971.
5. Апель К.-О. Трансформация философии / К.-О. Апель. – М.: Логос, 2001. – 338с.
6. Аристотель Сочинения в 4-х т. / Аристотель. – М.: Мысль, 1975.
7. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл / Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1976. – 384с.
8. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896с.
9. Асмус В.Ф. Демокрит / В.Ф. Асмус. – М.: Издательство МГУ, 1960. – 78с.
10. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. Изд. 2-е. / М.М. Бахтин. – М.: Наука, 1986. – 444с.
11. Беркли Дж. Сочинения / Дж. Беркли. – М.: Мысль, 2000. – 560с.
12. Благо и истина: классические и неклассические регулятивы / под ред. А.П. Огурцова. – М.: ИФ РАН, 1998. – 263с.
13. Блауберг И.В. Проблема целостности и системный подход / И.В. Блауберг. – М.: Эдиториал УРСС, 1997. – 447с.
14. Блауберг И.В. Становление и сущность системного подхода / И.В. Блауберг, Б.Г. Юдин. – М.: Наука, 1973. – 270с.
15. Бранский В.П. Теоретические основания социальной синергетики / В.П. Бранский // Вопросы философии. – 2000. – №4. – С.112-129.

16. Вавилов Н.И. Избранные сочинения / Н.И. Вавилов. – М.: Колос, 1966. – 560с.
17. Василькова В.В. Социология коммуникации и постнеклассическое знание // Синергетическая парадигма. Социальная синергетика / В.В. Василькова. – М.: Прогресс-Традиция, 2009. – 688с.
18. Вейнгартнер П. Фундаментальные проблемы теорий истины / Пауль Вейнгартнер. – М.: РОССПЭН, 2005. – 346с.
19. Витгенштейн Л. Голубая и коричневая книги: предварительные материалы к «Философским исследованиям» / Л. Витгенштейн. – Новосибирск: Сиб. Унив. Изд-во, 2008. – 256с.
20. Витгенштейн Л. Избранные работы / Л. Витгенштейн. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. – 440с.
21. Витгенштейн Л. Философские работы. Часть I / Л. Витгенштейн. – М.: Гнозис, 1994. – 612с.
22. Володин Б.Г. Мендель / Б.Г. Володин. – М.: Молодая гвардия, 1968 г. – 256 с.
23. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики / Х.-Г. Гадамер. – М.: Прогресс, 1988. – 704с.
24. Гайденко П.П. История греческой философии в ее связи с наукой / П.П. Гайденко. – М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2000. – 319с.
25. Гайденко П.П. История новоевропейской философии в ее связи с наукой / П.П. Гайденко. – М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2000. – 455с.
26. Гайденко П.П. Эволюция понятия науки. Становление и развитие первых научных программ / П.П. Гайденко. – М.: Наука, 1980. – 568с.
27. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. В 3 т. / Г.В.Ф. Гегель. – М.: Мысль, 1971.
28. Гегель Г.В.Ф. Сочинения / Г.В.Ф. Гегель. – М.: Соцэкгиз, 1959.
29. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. В 3 т. / Г.В.Ф. Гегель. – М.: Мысль, 1974. – 452с.

30. Гемпель К. Теория истины логического позитивизма / К. Гемпель // Эпистемология и философия науки. – 2009. – т. XXI. – №3. – С. 226-234.
31. Грязнов А.Ф. Аналитическая философия / А.Ф. Грязнов. – М.: Высшая школа, 2006. – 375с.
32. Гуссерль Э. Избранные работы / Э. Гуссерль. – М.: Территория будущего, 2005. – 464с.
33. Гуссерль Э. Собрание сочинений / Э. Гуссерль. – М.: Гнозис, Дом интеллектуальной книги, 2001.
34. Данилов В.Н. Дефляционные теории истины: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01 / Данилов Вячеслав Николаевич. – М., 2003. – 110с.
35. Дарвин Ч. Действие перекрестного опыления и самоопыления в растительном мире / Ч. Дарвин. – М.; Л.: Сельхозгиз, 1939. – 342с.
36. Декарт Р. Разыскание истины / Р. Декарт. – СПб: Азбука, 2000. – 288с.
37. Декарт Р. Сочинения. В 2 т. / Р. Декарт. – М.: Мысль, 1989.
38. Декомб Г.В. Современная французская философия / Г.В. Декомб. – М.: Весь мир, 2000. – 344с.
39. Делез Ж. Логика смысла / Ж. Делез. – М.: Академический проект, 2011. – 472с.
40. Деррида Ж. О грамматики / Ж. Деррида. – М.: Ad Marginem, 2000. – 512с.
41. Джеймс У. Воля к вере / У. Джеймс. – М.: Республика, 1997. – 431с.
42. Дмитриевская И.В. Текст как система: понимание, сложность, информативность / И.В. Дмитриевская. – Иваново: Ивановский государственный университет, 1985. – 84с.
43. Ильенков Э.В. Диалектическая логика. Очерки теории и истории / Э.В. Ильенков. – М.: Политиздат, 1974. – 271с.
44. Истина в науках и философии / под ред. И.Т. Касавина, Е.Н. Князевой, В.А. Лекторского. – М.: Альфа-М, 2010. – 496с.

45. Истина и благо: универсальное и сингулярное / под ред. А.П. Огурцова. – М.: ИФ РАН, 2002. – 338с.
46. Историография естествознания на рубеже нового тысячелетия: сборник статей. – СПб.: РХГА, 2008. – 520с.
47. Кант И. Критика чистого разума / И. Кант. – М.: Мысль, 1994. – 591с.
48. Кант И. Сочинения в 6-ти т. / И. Кант. – М.: Мысль, 1964.
49. Карнап Р. Значение и необходимость / Р. Карнап. – М.: Издательство иностранной литературы, 1959. – 382с.
50. Касавин И.Т. Истина: вечная тема и современные вызовы / И.Т. Касавин // Эпистемология и философия науки. – 2009. – т. XX. – №2. – С.5-12.
51. Касавин И.Т. Смысл как проблема эпистемологии и науки // Эпистемология и философия науки. – 2007. – т. XIII. – №3. – С.3-14.
52. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 606с.
53. Кедров Б.М. О науках фундаментальных и прикладных / Б.М. Кедров // Вопросы философии. – 1972. – №10. – С.39-49.
54. Кессиди Ф.Х. От мифа к логосу (Становление греческой философии) / Ф.Х. Кессиди. – М.: Мысль, 1972. – 312с.
55. Кожев А. Введение в чтение Гегеля / Александр Кожев. – СПб.: Наука, 2000. – 792с.
56. Копнин П.В. Диалектическая логика и научное исследование // Вопросы философии. – 1962. – №10. – С.3-9.
57. Копнин П.В. Логика научного познания / П.В. Копнин // Вопросы философии. – 1966. – №10. – С.40.
58. Копнин П.В. Проблема диалектики как логики и теории познания / П.В. Копнин. – М.: Наука, 1982. – 368с.
59. Копцева Н.П. Проблема истины в философском познании: дис. ... докт. филос. наук: 09.00.01 / Копцева Наталья Петровна. – Иркутск, 2000. – 385с.

60. Костюк В.Н. Изменяющиеся системы / В.Н. Костюк. – М.: Наука, 1993. – 348с.
61. Куайн У.В.О. Слово и объект / У.В.О. Куайн. – М.: Логос; Праксис, 2000. – 385с.
62. Кузнецов А.С. Заблуждение: логико-гносеологический аспект: автореф. Дис. ... канд. Филос. наук: 09.00.01 / Кузнецов Александр Сергеевич. – Саратов, 2001. – 17с.
63. Кузнецов В.Г. Герменевтика и гуманитарное познание / В.Г. Кузнецов. – М.: Издательство МГУ, 1991. – 192с.
64. Кузьмичева А.А. Онто-гносеологические аспекты концепции истины в точном знании: дис. ... докт. филос. наук: 09.00.01 / Кузьмичева Алла Александровна. – Иркутск, 2002. - 328с.
65. Куликов С.Б. Онтологические предпосылки смысловых вариаций понятия истины: на материале западной философии: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01 / Куликов Сергей Борисович. – Томск, 2004. – 138с.
66. Кун Т. Структура научных революций / Т. Кун. – М.: Прогресс, 1975. – 288с.
67. Левин Г.Д. Истина и рациональность / Г.Д. Левин. – М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2011. – 224с.
68. Левин Г.Д. Проблема универсалий. Современный взгляд / Г.Д. Левин. – М.: Канон+, 2005. – 224 с.
69. Лейбниц Г.В. Сочинения в 4-х т. / Г.В. Лейбниц. – М.: Мысль, 1984.
70. Лекторский В.А. Кант, радикальный конструктивизм и конструктивный реализм в эпистемологии / В.А. Лекторский // Вопросы философии. – 2005. – №8. – С.11-21.
71. Лекторский В.А. Субъект. Объект. Познание / В.А. Лекторский. – М.: Наука, 1980. – 358с.

72. Лекторский В.А. Философия как понимание и трансформирование / В.А. Лекторский // Вопросы философии. – 2009. – №1. – С.17-24.

73. Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая / В.А. Лекторский. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 255с.

74. Ленин В.И. Полное собр. соч. / В.И. Ленин. – М.: Издательство политической литературы, 1973. – Т.18. – 525с.

75. Лимонов И.Б. Проблема истины в философии и науке. Истина и субъективность / И.Б. Лимонов, И.В. Мартынычев, А.И. Синюк. – Альметьевск: Академия наук социальных технологий и местного самоуправления; Закамское отделение, 2004. – 54с.

76. Лимонов И.Б. Проблема субъективности истины: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01 / Лимонов Игорь Борисович. – Иваново, 2004. – 189с.

77. Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке / под ред. Н.Д. Арутюновой, Н.К. Рябцевой. – М.: Наука, 1995. – 202с.

78. Лоренц К. Обратная сторона зеркала / К. Лоренц. – М.: Республика, 1998. – 493с.

79. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон / А.Ф. Лосев. – М.: Искусство, 1969. – 715с.

80. Лосев А.Ф. Платон / А.Ф. Лосев, А.А. Тахо-Годи. – М.: Дет. лит., 1977. – 224с.

81. Лысенко Т.Д. Агробиология / Т.Д. Лысенко. – М.: Сельхозгиз, 1949. – 684с.

82. Лукманова Р.Х. Гармоническая многомерность истины: автореф. дис. ... докт. филос. наук: 09.00.01 / Лукманова Раушания Хусаиновна. – Уфа, 2009. – 27с.

83. Любищев А.А. О монополии Т.Д. Лысенко в биологии / А.А. Любищев. – М.: Памятники исторической мысли, 2006. – 520с.

84. Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию / М.К. Мамардашвили. – М.: Прогресс; Культура, 1992. – 414с.

85. Мамардашвили М.К. Стрела познания (наброски естественноисторической гносеологии) / М.К. Мамардашвили. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 304с.

86. Мамчур Е.А. Еще раз об истине / Е.А. Мамчур // Эпистемология и философия науки. – 2008. – т.ХVI. – №2. – С.66-79.

87. Маркова Л.А. Перспектива науке: смысл как альтернатива истине // Эпистемология и философия науки. – 2009. – т.ХХII. – №4. – С.48-57.

88. Маркс К. Сочинения. – 2-е изд. – Т.21 / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Политиздат, 1955-1961. – 745с.

89. Материалисты Древней Греции: хрестоматия. – М.: Госполитиздат, 1955. – 241с.

90. Медведев Ж.А. Взлет и падение Лысенко / Ж.А. Медведев. – М.: Книга, лтд., 1993. – 348с.

91. Мелих Ю.Б. Правда, истина, справедливость (обзор конференции) // Вопросы философии / Ю.Б. Мелих. – 2010. – №4. – С.175-180.

92. Мендель Г. Опыты над растительными гибридами / Г. Мендель. – М.; Петроград: Государственное издательство, 1923. – 72с.

93. Микешина Л.А. Новые образы познания и реальности / Л.А. Микешина, М.Ю. Опенков. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1997. – 240с.

94. Микешина Л.А. Релятивизм как эпистемологическая проблема / Л.А. Микешина // Эпистемология и философия науки. – 2004. – т.1. – №1. – С.31-55.

95. Микешина Л.А. Современная проблематизация вечной темы / Л.А. Микешина // Философские науки. 1990. – №10. – С.15-19.

96. Микешина Л.А. Философия науки: Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования: учеб. пособие / Л.А. Микешина. – М.: Прогресс-Традиция: МПСИ: Флинта, 2005. – 464 с.

97. Микешина Л.А. Философия познания. Полемические главы / Л.А. Микешина. – М.: Прогресс-Традиция, 2002. – 624с.
98. Микешина Л.А. Эпистемологическое оправдание гипостазирувания и реификации / Л.А. Микешина // Вопросы философии. – 2010. №12. – С.44-54.
99. Микешина Л.А. Эпистемология ценностей / Л.А. Микешина. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. – 439с.
100. Миронов В.В. Современное коммуникационное пространство как фактор трансформации культуры и философии / В.В. Миронов // Вестник МГУ. Серия 7. Философия. – 1996. – №4. – С.34-48.
101. Мотрошилова Н.В. Рождение и развитие философских идей / Н.В. Мотрошилова. – М.: Издательство политической литературы, 1991. – 297с.
102. Мур Д.Э. Природа моральной философии / Д.Э. Мур. – М.: Республика, 1999. – 351с.
103. Нарский И.С. Диалектическое противоречие и логика познания / И.С. Нарский. – М.: Наука, 1969. – 244с.
104. Нарский И.С. Современный проблемы теории познания / И.С. Нарский. – М.: Знание, 1989. – 62с.
105. Нестерова В.Н. Методологические аспекты трансцендентального рассмотрения истины и заблуждения: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01 / Нестерова Вероника Николаевна. – Краснодар, 2005. – 150с.
106. Никифоров А.Л. Анализ понятия знание: подходы и проблемы / А.Л. Никифоров // Эпистемология и философия науки. – 2009. – №3. – С.61-73.
107. Никифоров А.Л. Понятие истины в теории познания / А.Л. Никифоров // Эпистемология и философия науки. – 2008. – т.XVI. – №2. – С.50-65.
108. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / под ред. В.С. Степина. – М.: Мысль, 2010.

109. Ньютон И. Математические начала натуральной философии / И. Ньютон. – М.: Наука, 1989. – 689с.
110. О настоящем и будущем (размышления о философии) / Б.И. Пружинин, В.А. Лекторский // Вопросы философии. – 2007. – №1. – С.3-15.
111. Огурцов А.П. Альтернатива истине: смысл или правдоподобие? / А.П. Огурцов // Эпистемология и философия науки. – 2009. – Т. XXII. – № 4. – С. 63-67.
112. Огурцов А.П. Истина, правдоподобность и пробабиллизм (часть 1) / А.П. Огурцов // Личность. Культура. Общество. – 2009. – Т.ХI. – №3. – С.117-136.
113. Огурцов А.П. Истина, правдоподобность и пробабиллизм (часть 2) / А.П. Огурцов // Личность. Культура. Общество. – 2009. – Т.ХI. – №4. – С.70-88.
114. Ойзерман Т.И. Амбивалентность великих философских учений (К характеристике философских систем Канта и Гегеля) / Т.И. Ойзерман // Вопросы философии. – 2007. – №10. – С.121-137.
115. Ойзерман Т.И. Амбивалентность философской критики / Т.И. Ойзерман // Вопросы философии. – 2010. – №3. – С.119-147.
116. Ойзерман Т.И. Кант и Гегель. Опыт сравнительного исследования / Т.И. Ойзерман. – М.: Канон+, Реабилитация, 2008. – 520с.
117. Павленко А.Н. Рациофундаментализм / А.Н. Павленко // Вопросы философии. – 2008. – №1. – С. 29–44.
118. Патнем Х. Разум, истина и история / Х. Патнем. – М.: Праксис, 2002. – 294с.
119. Патнэм Х. Философия сознания / Х. Патнэм. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. – 240с.
120. Патнэм Х. Философы и человеческое понимание / Х. Патнэм // Современная философия науки. Хрестоматия. – М.: Наука, 1994. – С.146-163.
121. Пирс Ч.С. Избранные философские произведения / Ч.С. Пирс. – М.: Логос, 2000. – 448с.

122. Пирс Ч.С. Как сделать наши идеи ясными / Ч.С. Пирс // Вопросы философии. – 1996. – №12. – С.120-132.
123. Пирс Ч.С. Начала прагматизма / Ч.С. Пирс. – СПб.: Лаборатория метафизических исследований философского факультета СпбГУ; Алетейя, 2000. – 352с.
124. Платон Сочинения в четырех томах. Т. 1 / Платон; под общ. ред. А.Ф.Лосева и В.Ф.Асмуса. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та; Изд-во Олега Абышко, 2006. - 632 с.
125. Понятие истины в социогуманитарном познании: сборник статей / под ред. А.Л. Никифорова. – М.: ИФРАН, 2008. – 212с.
126. Поппер К. Логика и рост научного знания / К. Поппер. – М.: Прогресс, 1983. – 605с.
127. Порус В.Н. Является ли наука самоорганизующейся системой? / В.Н. Порус // Вопросы философии. – 2006. – №1. – С.95-108.
128. Постмодернизм. Энциклопедия / под ред. А.А. Грицанова, М.А. Можейко. – Минск.: Интерпрессервис; Книжный Дом. 2001. – 1040 с.
129. Пружинин Б.И. Ratio serviens? Контурсы культурно-исторической эпистемологии / Б.И. Пружинин. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. – 423 с.
130. Пружинин Б.И. Рациональность и историческое единство научного знания / Б.И. Пружинин. – М.: Наука, 1986. – 151с.
131. Пуанкаре А. О науке / А. Пуанкаре. – М.: Наука, 1983. – 560с.
132. Разеев Д.Н. В сетях феноменологии. Основные проблемы современной феноменологии / Д.Н. Разеев. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2004. – 367с.
133. Рассел Б. Введение в математическую философию. Избранные работы / Б. Рассел. – Новосибирск: Сиб. Ун-та изд-во, 2007. – 264с.

134. Рассел Б. Исследование значения и истины / Б. Рассел. – М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. – 400с.
135. Рассел Б. История западной философии / Б. Рассел. – Новосибирск: Издательство Новосибирского университета, 1997. – 815с.
136. Рассел Б. Человеческое познание, его сферы и границы / Б. Рассел. – Киев: Ника-Центр, 1997. – 560с.
137. Рорти Р. Релятивизм: найденное и сделанное / Р. Рорти // Философский прагматизм Ричарда Рорти и российский контекст. – М.: Фонд «Традиция», 1997. – 285с.
138. Рорти Р. Философия и зеркало природы / Р. Рорти. – Новосибирск: Изд-во Новосиб ун-та, 1997. – 320с.
139. Садовский В.Н. Основания общей теории систем / В.Н. Садовский. – М.: Наука, 1973. – 278с.
140. Северцов А.С. Теория эволюции: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению 510600 «Биология» / А.С. Северцов. – М.: ВЛАДОС, 2005. – 380с.
141. Серебровский А.С. Генетика и животноводство / А.С. Серебровский // Спорные вопросы генетики и селекции: работы IV сессии академии 19-27 декабря 1936 года / под ред. О.М. Таргульяна. – М.; Л.: ВАСХНИЛ, 1937. – С.2-37.
142. Синергетика и психология: сборник статей. Вып. 3. Когнитивные процессы. – М.: Когито-Центр, 2004. – 416с.
143. Скоробогатых М.В. Анализ концепций истины: гносеологические и логико-математические аспекты: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01 / Скоробогатых Максим Викторович. – Магнитогорск, 2006. – 135с.
144. Смирнова Е.Д. Логика и философия / Е.Д. Смирнова. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1996. – 306с.

145. Соболева М.Е. Истина: свойство, оператор, событие / М.Е. Соболева // Вопросы философии. – 2008. – №2. – С.117-124.
146. Современная философия науки. Хрестоматия / сост. А. А. Печенкин. – М.: Наука, 1994. – 253с.
147. Современные проблемы теории познания диалектического материализма. – Т.П. Истина, познание, логика. – М.: Мысль, 1970. – 430с.
148. Сойфер В.Н. Красная биология: псевдонаука в СССР / В.Н. Сойфер. – М.: Московский психолого-социальный институт: Флинта, 1998. – 264с.
149. Сорокин Б.Ф. Заблуждение как проблема теории познания / Б.Ф. Сорокин. – Орел. [Б.и.], 2004. – 192с.
150. Спенсер Г. Опыты научные, политические и философские / Г. Спенсер. – Мн.: Современный литератор. – 1998. – 1408с.
151. Степин В.С. Наука и философия / В.С. Степин // Вопросы философии. – 2010. - №8. – С.58-75.
152. Степин В.С. Становление научной теории / В.С. Степин. – Минск: Издательство БГУ, 1976. – 319с.
153. Степин В.С. Теоретическое знание / В.С. Степин. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 744с.
154. Степин В.С. Эпоха перемен и сценарии будущего / В.С. Степин. – М.: ИФРАН, 1996. – 174с.
155. Структура и развитие науки (из Бостонских исследований по философии науки): сборник статей. – М.: Издательство «Прогресс», 1978. – 488с.
156. Суровцев В.А. Автономия логики: источники, генезис и система философии раннего Витгенштейна / В.А. Суровцев. – Томск: Изд-во Томского университета, 2001. – 308с.
157. Тарский А. Введение в логику и методологию дедуктивных наук / А. Тарский. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1948 – 278с.

158. Тарский А. Семантическая концепция истины и основания семантики // Аналитическая философия: становление и развитие (антология) / А. Тарский. – М.: «Дом интеллектуальной книги», «Прогресс-Традиция», 1998. – 528с.
159. Теория познания: сборник статей. В 4-х т. / под. ред. В.А. Лекторского, Т.И. Ойзермана. – М.: Мысль, 1991.
160. Тимирязев К.А. Дарвинизм и селекция / К.А. Тимирязев. – М.: Сельхозгиз, 1937. – 160с.
161. Тугендхат Э. Хайдеггеровская идея истины / Э. Тугендхат // Исследования по феноменологии и философской герменевтике. – Минск: Европейский гуманитарный университет, 2001. – С.135-145.
162. Уемов А.И. Критика принципа фальсификации К. Поппера и проблема системного подхода к демаркации научного знания / А.И. Уемов // Вопросы философии. – 2008. - №4 – С.91-97.
163. Уемов А.И. Системный подход и общая теория систем / А.И. Уемов. – М.: «Мысль», 1978. – 272 с.
164. Уемов А.И. Типы и критерии простоты систем / А.И. Уемов. – Киев: АН УССР, 1973. – 20с.
165. Уильям Оккам Избранное / Уильям Оккам. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 272с.
166. Фейерабенд П.К. Избранные труды по методологии науки / П.К. Фейерабенд. – М.: Прогресс, 1986. – 542с.
167. Филатова М.И. Идея истины как антиномии в русской религиозной философии конца XIX - начала XX вв.: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.03 / Филатова Мария Игоревна. – Курск, 2012. – 185с.
168. Фирстов А.Б. Анализ концепций истины: гносеологические и логико-математические аспекты: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01 / Фирстов Андрей Борисович. – Уфа, 2010. – 164с.

169. Фома Аквинский Сумма против язычников. Книга первая / Фома Аквинский. – Долгопрудный: Вестком, 2000. – 464с.
170. Фома Аквинский. Сумма теологии / Фома Аквинский // Антология средневековой мысли (Теология и философия европейского средневековья): хрестоматия. В 2 т. – СПб.: РХГИ, 2002.
171. Фрагменты ранних греческих философов. – Часть 1. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики: хрестоматия. – М.: Наука, 1989. – 576с.
172. Франкфорт Г. В преддверии философии. Духовные искания древнего человека / Г. Франкфорт. – СПб.: Амфора, 2001. – 314с.
173. Фуко М. Археология знания: пер. с фр. / Мишель Фуко. – К.: Ника-Центр, 1996. – 208 с.
174. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / Мишель Фуко. – М.: Касталь, 1996. – 448с.
175. Хабермас Ю. Будущее человеческой природы / Ю. Хабермас. – М.: Весь мир, 2002. – 144с.
176. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне / Ю. Хабермас. – М.: Весь мир, 2003. – 416с.
177. Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. Сборник / М. Хайдеггер. – М.: Высш. шк., 1991. – 192с.
178. Хайдеггер М. Что такое метафизика? / М. Хайдеггер. – М.: Академический Проект, 2007. – 303с.
179. Хакен Г. Информация и самоорганизация. Макроскопический подход к самоорганизующимся системам / Г. Хакен. – М.: Мир, 1991. – 240с.
180. Хакен Г. Тайны природы. Синергетика: учение о взаимодействии / Г. Хакен. – Москва-Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2003. – 320с.
181. Хинтиikka Я. Логико-эпистемологические исследования / Я. Хинтиikka. – М.: «Прогресс», 1980. – 448с.

182. Хинтиikka Я. Проблема истины в современной философии / Я. Хинтиikka // Вопросы философии. - №9. - 1996. - С.46-58.
183. Хинтиikka Я. Шерлок Холмс против современной логики: к теории поиска информации с помощью вопросов / Я. Хинтиikka, М. Хинтиikka // Язык и моделирование социального взаимодействия. Переводы / сост. В.М. Сергеева и П.Б. Паршина. – М.: Прогресс, 1987. – С.265-281.
184. Хюбнер К. Критика научного разума / К. Хюбнер. – М.: ИФРАН, 1994. – 326с.
185. Чарльз Дарвин и современная биология. Труды Международной научной конференции «Чарльз Дарвин и современная биология» (21–23 сентября 2009 г., Санкт-Петербург). – СПб. : Нестор-История, 2010. – 820 с.
186. Человек и его символы / под ред. К.Г. Юнга. – СПб.: Б.С.К., 1996. – 454с.
187. Человек. Наука. Цивилизация. К семидесятилетию академика В.С. Степина: сборник статей. – М.: Канон+, 2004. – 816с.
188. Чудинов Э.М. Природа научной истины / Э.М. Чудинов. – М.: Политиздат, 1977. – 312с.
189. Швырев В.С. Научное познание как деятельность / В.С. Швырев. – М.: Политиздат, 1984. – 232с.
190. Эволюционная эпистемология: проблемы, перспективы / под ред. И.П. Меркулова. – М.: РОССПЭН, 1996. – 194с.
191. Энциклопедия эпистемологии и философии науки / под ред. И.Т. Касавина. – М.: «КАНОН+», 2009. – 1248с.
192. Юлиманова Г.М. Истинность научного и ненаучного познания: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01 / Юлиманова Гюзель Миниахметовна. – Уфа, 2001. – 149с.

193. Concise encyclopedia of philosophy of language / edited by Peter V. Lamarque; consulting editor, R.E. Asher. Oxford; N.Y.; Tokyo: Pergamon Press, 1997. 599p.
194. Davidson D. Inquiries into Truth and Interpretation (Second Edition) / D. Davidson. Oxford: Clarendon Press, 2001. 295p.
195. Davidson D. Problems of Rationality / D. Davidson. Oxford: Clarendon Press, 2004. 280p.
196. Davidson D. Truth, Language and History / D. Davidson. Oxford: Clarendon Press, 2005. 352p.
197. Hilary Putnam / edited by Yemima Ben-Menahem. Cambridge: Cambridge University Press. 2005. 272 p.
198. Kirkham R.L. Theories of Truth: A Critical Introduction / R.L. Kirkham. Cambridge; Massachusetts: MIT Press, 1995. 416p.
199. Künne W. Conceptions of Truth / W. Künne. Oxford: Clarendon Press, 2003. 492p.
200. Lynch Michael P. Truth as One and Many / Michael P. Lynch. Clarendon Press. Oxford. 2009. 205p.
201. Midwest Studies in Philosophy: Truth and its Deformities Volume XXXII / edited by Peter A. French and Howard K. Wettstein. Wiley Periodicals, 2008. 328p.
202. Nesher, D. On Truth and the Representation of Reality: A Collection of Inquiries from a Pragmatist Point of View / D. Nesher. Lanham, Md.: University Press of America, 2002. 492p.
203. Peirce, C. S. Collected Papers (1931-5) / C. S. Peirce. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1958.
204. Putnam H. Mind, Language and Reality / H. Putnam // Philosophical Papers. V. 2. Cambridge, 1975. 458p.

205. Putnam H. *Pragmatism: an open question* / H. Putnam. Cambridge; Massachusetts: Blackwell, 1995. 106p.
206. Rorty R. *Consequences of Pragmatism* / R. Rorty. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1994. 144p.
207. *The Nature of Truth. Classic and Contemporary Perspectives* / edited by Michael P. Lynch. Cambridge; Massachusetts: The MIT Press, 2001. 802p.
208. *The Pragmatic Turn in Philosophy: contemporary engagements between analytical and Continental thought* / edited by William Egginton and Mike Sandbothe. State University of New York Press, Albany, 2004. 262p.
209. *Truth and Interpretation: perspectives on the Philosophy of Donald Davidson* / edited by Ernest LePore. Oxford; New York: Blackwell, 1986. 520p.